
НОЙ
ՆՈՅ
1994 · 8

НОЙ

АРМЯНО-ЕВРЕЙСКИЙ ВЕСТНИК

МОСКВА
1994

ISBN 5-7270-0012-2

Этот номер
армяно-еврейского вестника
издан на средства
фирмы «ТЕТРА».
Редакция благодарит
Юрия МАРКАРЯНА,
Аркадия МИНАСОВА,
Игоря ШАХНАЗАРОВА.

К ЧИТАТЕЛЯМ

Я не знаю, что сказать вам в день нашего маленького юбилея... Два года назад вышел № 1 первого в мире армяно-еврейского вестника «НОЙ». Он вышел на ваши деньги. Сейчас вы держите в руках № 8.

Мы первыми в России опубликовали романы Эли ВИЗЕЛЯ «Ночь», Альбера КОЭНА «О люди, братья мои!», Тора Оге БРИНГСВЕРДА «Минотавр», повести Сола БЕЛЛОУ «В Иерусалим и обратно» и Низаметдина АХМЕТОВА «Уголок России», неизвестные русскому читателю рассказы АКУТАГАВЫ, Уильяма САРОЯНА, Мирчи ЭЛИАДЕ, Леонида МОЗЕНСА, репортажи Эрнеста ХЕМИНГУЭЯ из Константинополя...

Мы гордимся этим. Но еще больше горды тем, что не обманули вас, выполнили все свои обещания, и раз в три месяца выходил очередной номер «НОЯ».

Мы публиковали самые разные суждения, иногда весьма резкие, но не позволяли оскорблять оппонентов, тем более целый народ. Такая открытость, независимость, терпимость вызвали интерес к нашему скромному изданию — в России, Армении, Израиле, Франции, США, на Украине опубликовано более ста заметок о вестнике.

Извините нас за то, что мы никак не можем найти деньги на издание вестника на английском языке. Извините нас за недостатки. Извините нас за ошибки; их очень много, но самая досадная вкралась в роман Альбера Коэна (№ 7), где на стр. 53 пропущены две нижние строки: *«любят деньги! Полицейский с бакенбардами, с погасшей сигаретой за».*

И все-таки мы счастливы. Не потому, что нас знают в мире.

А потому, что нас читают. Потому, что нам верят.

Спасибо Вам.

Ваш Вардван ВАРЖАПЕТЯН

СПАСИБО ВАМ! ВЫ ОЧЕНЬ ПОМОГЛИ «НОЮ»

АБРАМЯН Наталья
АВАКЯН Юрий
АВЕРИНЦЕВ Сергей
АКСЕНЧУК Людмила
АЛАВЕРДЯН Александр
АРУСТАМОВ Юрий
АРУСТАМОВ Эрнест
АРУТЮНЯН Армен
АХВЕРДЯН Гаянэ
АЧИЛЬДИЕВ Игорь
БЕЙНФЕСТ Борис
БЕЛАЯ Лариса
БЕНДЕК Ева
БЕСТАВАШВИЛИ Анаида
БОРОВАЯ Ольга
БУНИН Павел
ВАВИЛОВ Роман
ВАГНЕР Зеев
ВАРЖАПЕТЯН Валерия
ВАСИЛЬЕВ Владимир
ГАНГНУС Александр
ГАСПАРОВ Михаил
ГАСПАРЯН Гамлет
ГАСПАРЯН Седа
ГОЛЛЕР Борис
ГОРДОН Геннадий
ГОРОДЕЦКИЙ Вениамин
ГРАНОВСКИЙ Евгений
ГУНДАРЕВ Владимир
ДАДЬЯН Гарри
ДОМБРОВСКИЙ Даниил
ЕРИЦЯН Григорий
ЕРМИЛОВ Игорь
ЕСАЯН Белла
ЗАЙЦЕВА Алена
ЗАПОЛЯНСКИЙ Александр
ЗАПОЛЯНСКИЙ Гавриил
ЗОЛОТУССКИЙ Игорь
ИБШМАН Марк
ИСАГУЛИЕВ Георгий
ИСАГУЛИЕВ Паруйр
КАЛЛАШ Шандор
КАМИНСКИЙ Михаил
КАНОВИЧ Григорий
КАРАБЧИЕВСКАЯ Светлана
КАРАБЧИЕВСКИЙ Дмитрий
КОВАЛЕВА Лилия
КОВНАТ Хайм-Довид
КОГАН Марина
КОНЯШОВ Марк
КОРАЛЛОВ Марлен
ЛЕЗОВ Сергей
ЛИСЮТКИНА Лариса
МАРКАРЯН Юрий
МИНАСОВ Аркадий
МИРЗОЯН Гамлет
МОГИЛЕВСКАЯ Эмма
МОЛДАВСКИЙ Александр
НЕМИРА Лариса
ОДЕССКАЯ Маргарита

ОКУДЖАВА Булат
ОСИПОВ Григорий
ФИНКЕЛЬ Яков
О'ШЕННОН Александр
ПЕТРОВ Владимир
ПОЛЯКОВСКИЙ Альберт
ПОППЕЛЬ Леонид
ПОТАШНИК Виталий
РАППОПОРТ Андрей
СНАЙДЕР Ави
СПИВАКОВ Владимир
СТЕПАНЧИКОВ Эдуард
СТРАДА Витторио
СТРЕЛЯНЫЙ Анатолий
СТРИЖЕВСКИЙ Давид
СУББОТИН Валерий
СУББОТИН Георгий
СУББОТИНА Роза
СУББОТИНА Софья
СУББОТИНА Юлия
СУРМАВА Медея
ТРУБИХИНА Юлия
ТЮТЮННИКОВ Михаил
ФАВЕЛЮКИС Ефим
ФИНКЕЛЬ Яков
ФЕДОРОВ Владимир
ФУРМАН Дмитрий
ХАЧАТРЯН Левон
ХРОМАКОВ Михаил
ЧЕСНОВИЦКАЯ Грета
ЧЕСНОВИЦКИЙ Аркадий
ШАМИРОВ Андраник
ШАМИРОВ Гаспар
ШАМИРОВ Манук
ШАХНАЗАРОВ Игорь
ШВАРЦ Виктор
ШИФРИН Игорь
ЮДИН Бронислав
ЮНАНОВА Сусанна
ЯКОВЛЕВ Александр М.

А также:

АЛЬФА-БАНК,
Малое предприятие «АГРАН», Библиотека им. А.П.Чехова,
Библиотека Конгресса США,
Камерный оркестр «ВИРТУОЗЫ МОСКВЫ»,
ГАРВАРДСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ,
Олимпийская лотерея «ЛОТТО-МИЛЛИОН», ПУТА-М,
Производственный кооператив «РАДУГА»,
Акционерное общество «САТЭКС»,
Издательский центр «СТОЛИЦА»,
Фирма «ГЕТРА», Творческо-производственный центр «ТУРАН-1»,
Издательство «ФИЗКУЛЬТУРА И СПОРТ»,
Газета «ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ», Фирма «NOYAC»,
Торговый дом «SHIMEX»,
Американская еврейская правозащитная организация UCSJ.

Марина ЦВЕТАЕВА

За городом! Понимаешь? За!
Вне! Перешед вал!
Жизнь — это место, где жить нельзя:
Ев-рейский квартал...

Так не достойнее ль во сто крат
Стать Вечным Жидом?
Ибо для каждого, кто не гад,
Ев-рейский погром —

Жизнь. Только выкрестами жива!
Иудами вер!
На прокаженные острова!
В ад! — всюду! — но не в

Жизнь,— только выкрестов терпит, лишь
Овец — палачу!
Право-на-жительственный свой лист
Но-гами топчу!

Втаптываю! За Давидов щит —
Месть! — В месиво тел!
Не упоительно ли, что жид
Жить — не захотел?!

Гетто избранничеств! Вал и ров.
По-щады не жди!
В сем христианнейшем из миров
Поэты — жиды!

Из «Поэмы Конца»

Семен ДУБНОВ

ДУМЫ О ВЕЧНОМ НАРОДЕ

1. Библейское представление о бессмертии личности в ее потомстве, а затем в ее народе заменяло в древности идею личного бессмертия. Продолжение жизни индивида в потомстве, как биологическая метаморфоза, возвысилось у библейских пророков до представления об исторической вечности целого народа. Эта идея могла стать национальным культом для позднейших мыслителей (от Иегуды Галеви до новейших идеологов), поскольку с нею была связана вера в вечность и универсальность тех духовных ценностей, которые созданы еврейской нацией. Для современного еврея, утратившего религиозную веру в загробную жизнь или философскую идею бессмертия души, может служить заменой их эта вера в коллективное бессмертие еврейства. Народ, давший миру великих духовных творцов и проделавший трехтысячелетнюю историю, не может исчезнуть бесследно, растворившись в народах позднейшей культуры.

2. Еврейский народ, переживший и древние монархии Ассирии, Вавилонии и Египта и античный греко-римский мир, мог бы сказать нынешним могущественным народам: вы взяли себе пространство, а я взял себе время. Вы владеете огромными территориями в разных частях света, а я расположился в веках, на всем протяжении всемирной истории. Но и в пространстве еврейский народ в известном смысле опередил другие народы, хотя это была экспансия вынужденная. Велико горе рассеяния еврейского народа, но велико и благо рассеяния. Уже в Талмуде было сказано: "Бог оказал милость Израилю тем, что рассеял его среди народов": если его преследуют в одной стране, он спасается в других. Если бы еврейский народ, подобно другим, был прикреплен к одной земле, он был бы уничтожен вместе со своей территорией при политических катастрофах трех тысячелетий.

3. Наше великое горе в том, что нас во все века преследовали. Наше величие в том, что мы пережили и преследования и преследователей, всех Гаманов нашей истории.

4. Процесс ассимиляции приводит к тому, что известные слои

общества имеют духовную точку опоры не в своем народе, а вне его. Оттого, что точка опоры находится не внутри, а вне родной культуры, получается неустойчивое равновесие, шатание. Однако следует отличать ассимиляцию внешнюю от внутренней. Окруженные чужой культурной стихией по необходимости усваивают многие ее элементы, язык и внешние формы быта: нельзя выйти сухим из воды. Важно только, чтобы не утонуть. Это умение плавать по чужим морям даже в самые бурные погоды дала евреям история: усваивать формы окружающей культуры и сохранить сущность своей.

5. Два процесса проходят через всю еврейскую историю: гуманизация и национализация. За эпохами крайней национальной замкнутости поднимаются в передовых рядах общества стремления к общечеловеческому, к общению с окружающими культурными народами, а когда это переходит известные пределы и грозит растворением евреев в окружающей среде, пробуждается инстинкт национального самосохранения и создает процесс возвращения, национализации ассимилированных частей. Это - естественное чередование центробежных и центростремительных сил. Проблема состоит в том, чтобы уравновешивать действие обоих процессов.

6. В древней истории иудаизма установлены два периода: а) допророческий, когда народ создавал себе бога-патрона, покровителя племени, наряду с богами-патронами других племен и б) пророческий период, когда возникло представление о Боге всего человечества и стремление превратить еврейство в нацию богоносцев, призванных возвестить миру идею этого универсального Бога, источника правды и справедливости. Во имя этого этического Бога библейские пророки обличали неправду в своем народе и в других. И вот появился творец книги "Иов" и поднял протест против самого Бога, допускающего неправду и несправедливость в управляемом им мире. В Псалмах и в средневековой религиозной поэзии мы слышим жалобы коллективного Иова, гонимой нации, на "избравшего" ее Бога.

7. Если религия есть достижение истины, а философия - искание ее, то в Библии есть и то и другое. Ибо здесь поставлены главные проблемы, до сих пор волнующие мыслящее человечество. Та самая Книга, которая дала нам положительную религию, дала и отрицательную критику ее. Она дала нам тезис и антитезис, предоставив нам делать синтез. Библия не только книга веры, но и сомнений в вере. В этом отличие "Ветхого Завета" от Нового, который весь основан

на догматической вере. Недаром талмудисты хотели позже "спрятать" ряд библейских книг, но затем оставили их в последнем отделе "Писаний", то есть вольной литературы, рангом ниже Священного Писания.

8. "Когелет" - первая книга, отрицающая абсолютную истину во имя относительной, да и то с печальной оговоркой: "и все это суета". В псалмах и книге "Иов" человек еще спорит с Богом, в "Когелет" он игнорирует Бога. Два полюса: полюс огня и горячих излияний Псалмов и полюс скептического холода в "Когелет", а между ними мировая скорбь Иова.

9.Древнее благословение Бога родоначальнику Израиля: "Я сделаю твое потомство многочисленным как песок на берегу моря" - исполнилось в том смысле, что еврейский народ часто распадается, как песок, на партии и общественные группы, которые трудно объединить для общего дела. Даже апостол хасидизма когда-то сказал: "Как нельзя сделать нить из песчинок, так нельзя объединить десяток евреев на одном мнении".

10. С осуществлением еврейского государства в Палестине будет создан несомненно важнейший духовный центр нации, но ввиду того, что и тогда останется мировая диаспора, возникнет опасение, что еврейский народ опять расколется на две части: Иуда в Палестине и десятиколенный Израиль в рассеянии, одно колено с древним национальным языком и десять колен, говорящих частью на "идиш", частью на всех языках земного шара. Задача в том, чтобы установить взаимодействие этих частей.

11. Евреев не любят не столько за их недостатки, сколько за их достоинства, за преимущества, унаследованные от долгих веков умственной культуры.

12. Есть тип любителей еврейства, которые любят его как старинную вещь, как историческую редкость. Они желают поэтому сохранить его в виде мумии, а не развивать как живой организм.

13. Римский историк Тацит, сам ненавидевший евреев, приписывал им "ненависть к роду человеческому" (odium generis humani). Почему это? Неужели римские законы и нравы были гуманнее еврейских? Ответ на это простой: религиозная и бытовая обособленность евреев делала их загадкою для окружающих народов, а скрытным и замкнутым людям всегда приписывают неприязнь к соседям. Отшельник, хотя и добродушный, часто слывет мизантропом. То же применимо и к средним векам. Забывали, что во все эти исторические эпохи обособленность была вынужденная, вызванная чувством самосохранения малой нации среди чуждого или враждебного мира.

14. Слово юдофобия, понимаемое обыкновенно в смысле ненависти к евреям, означает в действительности страх перед евреями. Fobos по-гречески означает боязнь, страх, а fobeo - устрашаю или страшусь, боюсь. Таким образом "юдофобия" означает иудеобоязнь, как гидрофобия - водобоязнь, то есть собачье бешенство или болезнь от укуса бешеной собаки. Какая огромная масса людей страдает ныне от укусов бешеных собак юдофобии или антисемитизма! Есть страны, где эта эпидемия приняла устрашающие размеры. Но пока против болезни юдофобии не нашлось того серума*, какой был открыт Пастером для предохранения от болезни гидрофобии.

15. Когда-нибудь ведь кончится эта вакханалия юдофюбии, эта страшная эпидемия человеконенавистничества, свирепствовавшая в ряде стран в первой половине XX века. Народы одумаются, дикие страсти улягутся, и тогда какая картина откроется перед их глазами? Еврейский народ, измученный от нанесеннных ему бесчисленных ран, оплакивающий своих мучеников, но нравственно очищенный в горниле страданий, а мучившие его народы - с поколением развращенной молодежи, со всей этой массой погромщиков под именами "железногвардейцев", "штурмистов", "наровцев", "фалангистов", "гакенкрейцлеров", которые никогда не смоют невинную еврейскую кровь с своих рук. Это будет поколение с запятнанной совестью, с загрязненной душой, которое в новом европейском обществе будет нуждаться в исправительных домах для преступников, если только оно само не поймет весь ужас того, что оно натворило в юности под давлением бесоовестных вождей. Только после того, как это поколение нравственной пустыни исправится или вымрет, возродится в Европе новое общество, основанное на человеколюбии, братстве и социальной справедливости.

Еврейский журнал. 1991, № 2

---

*serum (*лат.*) — сыворотка крови.

Грант МАТЕВОСЯН (Ереван)

«В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО...»

Попытка автопортрета

ЖИВУЩИЕ В РАЙЦЕНТРЕ МОИ ДЯДЬЯ, братья матери, были на фронте, теперь мобилизовали моего отца и сына его дяди, Шакро, бывшего в то же время сыном тетки моей матери. Двое моих дядьев — Айказ и Вардан — не вернулись, Шакро не вернулся, старший мой дядя — Воскан — вернулся, истекая кровью незаживающей раны, начал пить и пьет по сей день. Другой дядя, Арташ, до фронта не доехал, думаю, фронта он так и не видал: он был "трудным подростком", наверное, по соглашению с его отцом, моим дедом Ишханом, военкомат хотел избавить город от его беспокойного присутствия, но тому каждый раз удавалось сбежать домой. Арташ недавно умер от рака, Шакро оставил пятерых наследников, погибшие двое дядьев потомства не оставили, и это еще не самое страшное, поскольку в нашем селе Ахнидзор, удаленном от центров современной цивилизации, многие ребята не оставили по себе даже фотографии; если их черты случайно повторились в другом парне из их рода,то какая-нибудь старуха иной раз и припомнит, что был один такой в далекую военную пору Отец мой жив, косил он прошлым летом любимую мою поляну, сизый тетерев, совсем как домашний, семеня за ним, копошился в траве, с моим появлением он сильно забеспокоился: здешний старожил, он считал меня чужим себе и старику-косарю на этой поляне. Но теперь речь идет о том мгновенье, когда тридцатитрехлетний Игнат, прекрасный плотник и молчаливый хлебороб, и сын его дяди, тридцатидвухлетний Шакро, бригадир, активист, вообще всегда умевший урвать себе какую-либо должность у сельских властей, стоят перед районным военкомом, а между ними и военкомом стоит мой дед Ишхан, человек ловкий, а может быть, жалкое положение его родных из далекого села Ахнидзор в этом чужом городе вынуждало его быть таким, и он

На армянском языке это эссе опубликовано журналом«Гарун»(1985г.). Русский перевод сделан Натальей Абрамян по просьбе вестника"Ной".

должен был помочь сыну своей сестры и мужу своей дочери — моему отцу. И вот, втолковав как следует военкому, что эти двое оставят сиротами восьмерых, дед смог отсрочить мобилизацию одного из них: этот один останется в селе и будет, как должно мужчине, главой семьи — и той, и другой.

Эти вершители человеческих судеб на минуту предоставили выбор между жизнью и смертью им самим — Шакро и Игнату, сами пусть решают, кому на фронт идти, кому домой возвращаться, но тут дед вдруг сообразил, что яркость фронтовой жизни с ее хорошими лошадьми, добротной одеждой, хромовыми сапогами и командами способна привлечь Шакро и та же самая яркость отпугнет застенчивого, нелюдимого Игната, и дед взял выбор на себя: "Игната даю, слышь ты... Даю Игната... Игнат молчун, неумеха, в селе Игнат не пригоден". Случилось так, что вслед за Игнатом забрали и Шакро, в военной шинели запомнился мне и дед мой Ишхан; к нам восьмерым, безотцовщине, прибавилось еще трое сирот из села Дсех, в Ахнидзор из далекого Сананна привезли еще столетнюю мать Ишхана; долгими зимними вечерами мы, из детей старшие, попытались, сами едва связывая слова, читать этому классу сосунков и престарелых единственную в доме художественную книгу — роскошное юбилейное издание "Давида Сасунского" 1939 года с прозрачной шуршащей бумагой, поверх иллюстрации, и наша общая бабка, сестра деда Ишхана, отняла у нас книгу и спрятала, посулив , что сама расскажет ту же историю,и рассказала о своей кошмарной жизни. Когда-нибудь, может, и удастся мне возродить наше детское дыхание в те далекие ночи, наше внимание, непонимание и страх умолчание старухи — даже после того, как она потеряла все и вся, и ее намеки — и это при том, что даже сказочная простота ее жизни мало что могла сказать нам, детям от трех до семи лет; может, и смогу, но, я уверен, непременно расскажу, как потомственного работягу поставили перед собой, судят и рядят, что не способен, дескать, в людях добывать на хлеб своим детям, и он соглашается.

НАМ ПОВЕЗЛО: в Махачкале на комиссии весь набор признали негодным и отправили обратно в военкоматы; отец мой вернулся с четырьмя такими же, как он, эти четверо стали отрадой нашего колхоза, районный военкомат направил моего отца на лесоповал — валить деревья в наших лесах от Дсеха до Ахнидзора,

рубить, сплавлять лес по половодью, по дождевым потокам, делать запруды, ловить бревна, грузить, пилить. С окончанием войны лес опять перешел в ведение леспромхоза, и леспромохоз вышел из подчинения военкомату, но дух военных лет неохотно покидал эту удобную форму хозяйствования: привыкли — работники обеспечивали их насущный хлеб, оспаривали у ближайших колхозов права на лесные поляны, владели сенокосом и пахотной землей, держали мясомолочное хозяйство и тягловую силу — волов, были как-то разом и рабочими и крестьянами, у отца моего и в мыслях не было переходить оттуда в наш нищий колхоз, значит, не был он таким уж бесполезным, как казалось моему деду Ишхану. Дочь Ишхана не могла справиться с нормой в 120 колхозных трудодней, и опасность лишиться приусадебного участка всякий раз нависала над нашим домом. Не раз или все-таки один раз, но очень уж внушительное слышал я: "Твоего тут вот тропка и эти четыре стены, больше у тебя в этой деревне ничего нет". Выпрошенными у друзей и соседей трудоднями, справками о болезни матери, ночной косьбой для колхоза отца и его друзей-работяг, нашим детским трудом всякий раз восполнялся этот огромный дефицит нормы, и наш дом и теперь стоит посреди своего сада и огорода.

Сменилось руководство нашего села. До войны Абгар, входивший в сельскую администрацию медных приисков, сумел обеспечить свою большую семью, разместить ее в собственном доме, была у него и скотина, вот и решили, что он сможет руководить и всем Ахнидзором. То, чего не успели война и прежнее руководство, в один год разорил он, да так и бросил это разрушенное хозяйство и едва спас свою большую семью, теперь уже за счет своей должности администрации химзавода; но это - через год, а пока они с парторгом поднимаются к нам, зная, что Игнат дома, и зная, что им надо его накрепко привязать к селу.

Слава ушедших лет, напрасная потеря стольких сыновей если даже и вызывали в Игнате что-то похожее на уважение к этому Абгару, то теперь оно переходит в пренебрежение и ненависть из-за того, что спутник Абгара его же, Игната, ремеслом владеет, держать тесак и гвозди у Игната выучился, но берется за них редко и тайком, не берется, чтобы не закрепилась за ним роль дарового деревенского работника, не забыл вступить в партию, благодаря партии дошел до чего-то вроде должности и идет теперь

к старшему товарищу и близкому родственнику с правами контроля — парторг Саргис Матевосян. Ложью будет, если скажу: “Помню, как они пришли, встали и говорят: честь и хвала колхозному уставу — либо вступишь в колхоз, либо сдай свой участок“. Давно уже в наших краях таких грубых ударов не наносят. Неправдой будет, если скажу: они обследовали засеянную до последней пяди, заботливо ухоженную землю, так что даже и эти всходы картофеля приобрели в наших глазах значение более высокое и богатое, чем они имели, — есть в наших краях благородная манера не замечать слишком хороших и слишком дурных вещей. Нет, черная ненависть Игната не позволила бы им, приставив ладони козырьком к глазам, по-свойски пошутить с моей матерью: “Хозяйка, что у тебя за гость незнакомый из дальних краев, кого это ты от нас прячешь?“ Наверно, и впрямь ничего не сказали, только пришли, постояли молча и ушли. Но вот мягкий и тяжкий гнет, позеленевшее лицо отца, потухший взгляд я помню. Такую ситуацию я встретил позже в “Истории Пугачевского бунта“: отправленный в тыл с турецкого фронта больной Емельян приезжает в станицу к пятерым малым детям на карем коне, его документы об участии во взятии Бендер, о ранении, о лечении в Черкасске в порядке, но коня у него быть не должно бы, станичный атаман спрашивает: “Это что за конь?“ — “Да так, конь, — говорит, — мой конь, купил возле Таганрога“; атаман знает, что конь краденый, но посылает его за письменным свидетельством, что карий конь куплен Емельяном Пугачевым у его владельца; Пугачев знает, что атаман его все равно арестует, но едет за свидетельством в таганрогские деревни; его ненависть вспыхнет потом в Казанской тюрьме, теперь же он покорно, как бы уповая на отеческую снисходительность атамана, ищет — а вдруг найдется крестьянин, продавший ему коня.

Тогда, в этом чистом, пышном и нищем июне, моя мать сунула им в карманы по яблоку. Мы, дети, не нашли потом этот яблочный тайник, такого тайника и не было, только два этих яблока и берегла для тех, кто придет с правами на этот дом. И вот, поцарапанного, в рваной солдатской рубахе, по словам матери — побитого, но он был не из таких, его могли лишь поцарапать, — помню своего отца сидящим ввечеру на пороге дома, по временам он сплевывает, по временам что-то бурчит, мать вроде бы пришивает пуговицы к его рубахе. Я не сочинил еще одной истории, нет. Новоизбранное

руководство в этот “яблочный“ день, по всей видимости, обязало отца в таком-то зимовье подвести хлев под крышу или перекрыть старую и взамен не стало отнимать приусадебный участок. Перекрыть они могли и сами, но в этом случае не искупил бы своей вины Игнат перед колхозом и властями.

Большая поляна у зимовья была колхозная, лес кругом — государственный. В лесу своего детства, юности и настоящего дня отец срубил деревья, вытесал из них доски, отволок в зимовье, которое в давние времена им — его отцу Аветику и деду Ованесу — принадлежало, втащил доски на крышу хлева, и тут лесник нагрянул. Этот лесник, сосед по деревне, был для моего отца приятелем, знакомым или, во всяком случае, тем человеком, встреча с которым в Махачкале или даже в нашем райцентре его бы непременно обрадовала, но тот же человек в том же селе Ахнидзор питал надежды стать председателем колхоза, он всегда давал почувствовать свое присутствие, помогая или вредя колхозу, — но теперь они передрались и грубо обозвали друг друга, потом пятнадцать лет не разговаривали.

Повторяю, поляна и хлев были колхозные, лес — государственный, почему же между колхозом и государством должна была быть попрана благородная чистота моего отца, почему их — моего отца и лесника — дружба должна была рухнуть в этом узком месте? Будь это рассказом, я бы мог сказать: “Тяжело, когда ты поднял колхозный молоток забить колхозный гвоздь, а кто-то посторонний стоит над твоей головой и, сам не зная почему, говорит — права не имеешь“. Но оставим все как есть.

МЛАДШИЙ СЫН НАШЕЙ ДЕРЕВЕНСКОЙ СОСЕДКИ, то есть тот, вместе с которым, по нашим обычаям, живут родители, привез с собой девушку с места своей военной службы, его мать не принимала ее, прежде всего — на каком языке она бы стала с ней говорить? Если б семьей не стали, не было бы и нужды разговаривать, к тому же — со всегда и везде по-особому привлекательной чужестранкой молодежь села, якобы шлифуя язык, стала бы кривляться на русском, и столько внимания девушка бы не вынесла — да и кто бы вынес? Положение девушки, сын и сыновья, да и вообще все село подавили протест матери, все как-то дружно согласились, чтоб будущее этой женщины было столь тяжким, как и ее прошлое. Но пока все как будто шло

хорошо, в дверях сновало трое красивых детей, сын, сноха и мать работали, дом расцвел: казалось, стояли дни, когда стены только-только поднялись, дети только народились, настенный ковер был и в самом деле большим украшением и война с Гитлером еще не унесла мужа. Но моя русская своего счастья не вынесла: миловидные дети, трудолюбивый муж, дом, работа, такой, как эта свекровь, защитник — всего этого мало ей было, словно полная радость — это отбить чужого мужа. Ее дело, не о ней теперь моя забота. Суд присудил детей ей, а она снялась с места и перебралась в город. У ее мужа — новые дети, он тоже перебрался в город. Обоим в городе трудно, оба своих детей присылают сюда — к бабке. Бабка — доярка. Василий Белов знает, что значит доярка старшего поколения. Среди колхозных телят они сами выбирали себе телку, давали ей кличку, в колхозном стаде безымянных коров не было. С трудом отрывались они от состарившейся скотины, не предавали ее, поздно признавались, что у такой-то коровы молоко пошло на убыль. Коровы знали их запах и голос, в отсутствие доярки ее товарка садилась под особо норовистую корову в ее косынке и шали. Протест писцов против печатного станка запечатлен историей, протесты доярок против доильных аппаратов — нет; тихо-молча устранились они и сочли телят сиротами, коров — изменщицами. Ранним утром, досматривая второй, сладкий сон, слышу, как она тихо, почти шепотом только разок окликает соседку-доярку, тоже вдову: “Зарик!“ Шепотом окликает, ибо звяканье ведра и хруст жесткого наста на рассвете и без того как оклик, и к тому же внуки спят, а у соседей Матевосян пишет. Заруи из своего дома на вершине холма, эта — отсюда — пойдут знакомыми тропками, прислушиваясь к шагам друг друга, и перед спуском в ущелье подождут одна другую, потому что потом тропка проходит над кладбищем и обе, хотя у них там много родных и знакомых, боятся кладбища, как в девичестве. Пока я успею написать о ней несколько строк, ее внучка, что спала сейчас с поцелуем бабушки на щеке и с просьбой подогреть чай на слуху, окончит ремесленное училище, выйдет замуж, родит ребенка, привезет его сюда, к бабушке: “Пока этот окаянный вернется с российской целины.“ И для этой правнучки, и матери этой правнучки, и даже для той “дуры“* — самыми их беспечными днями останутся те, что прожиты у этой женщины. Эта женщина была

* “Дура“ в оригинале по-русски.

моей кормилицей — в те ранние дни, когда, отказавшись быть хозяйкой в молодой и нищей семье, моя мать сбежала назад в город, в отчий дом, мой отец постучался к соседу, держа меня запеленутого на руках, сосед меня из отцовских рук взял и отнес в дом к своей жене, сосед с отцом еще, наверно, пошутили: мол, правильно турок делает, что нескольких жен держит: одна к своим в город сбежит, за детьми другие присмотрят. На самой трудной из моих встреч с читателем — на вечере встречи с односельчанами - эта женщина так прямо встала и объявила: "Ах ты родимый ты мой, я ведь тебе титьку давала, титьку!"

ОТЦУ ДЕВУШКИ АЙО-АЙАСТАН* — с самоуверенностью богатого дома, с крепкой спиной и руками, походка-твердая, какие в старину на селе почитались истыми красавицами, смуглой — ее отцу загородил дорогу, схватил под уздцы коня в соседнем селе плечистый, сильный и дерзкий парень Арпиар (или Арпиан?) и таки потребовал: "Ты когда поздоровался и прошел, отчего со мной отдельно не поздоровался?" Ответом было: "Я с тобой отдельно здороваться не стану и дочь тебе не отдам, для революционеров у меня дочери нету". Тем не менее отдал, и красавица Айо-Айастан еще успела увидеть хорошие деньки, пока 1915-й не встал перед армянским народом: революционерами и консерваторами, армяно-григорианами и католиками, старыми и малыми, богатыми и бедными, надутыми национальной спесью и не ведающими о своей национальной принадлежности — перед всеми. Арпиар (Арпиан?), по всей видимости, был не последним человеком, турецкая разведка проникла в село за его молодой семьей, чтобы взять их в заложники, а вслед за семьей — потянуть его самого и его людей. Арпиар со своим отрядом был где-то возле села, дома Айо пекла для них хлеб. Едва начавший ходить, в тот день, вероятно, нездоровый, хныкавший, мешавший матери, маленький ребенок, Левоник, в суматохе свалился в тоныр**, помощница Айо бросилась за людьми Арпиара, у тоныра без чувств лежала Айо, другого ребенка, Азата, похитители забрали. Но и Азат не выжил: уходя от погони, похитители сбросили его с коня, ребенок так и не очнулся. Через четырнадцать лет Айо снова заимеет Левоника от

* Полное имя девушки совпадает с самоназванием Армении.

** Приспособление для выпечки хлеба в виде вырытого в земле очага с гладкими глиняными боками, на которые налепляется тесто.

слабого, застенчивого Мушега, сына Годжи* Тумаса, Болника Тумаса, почитаемого тифлисскими армянами, курдами и турками ашуга, но не выживет и этот Левоник. Айастан родит и второго Азата, и этот Азат расскажет мне в 1981 году историю большой любви и большой дружбы своей матери и Арпиара (Арпиана?). В ущельях, где армяне пытались спастись от резни, муж с женой потеряли друг друга; везде и всегда они разыскивали и расспрашивали друг о друге, ждали один другого — не нашли. Айо слыхала, что сестру Арпиара Шохер взяли в турецкую семью снохой, та не вынесла и проткнула ножом свою красивую шею, но Арпиар не оставил труп сестры на турецком кладбище, ночью выкрал, перенес и доверил земле на каком-то армянском, христианском кладбище; Арпиар и могилу сестры раскопал, и ее тяжелый труп один перенес, и заупокойную службу совершил; да и в детстве эту свою сестру Арпиар очень любил. И еще слыхала: верхом на лошади Арпиар прорвался через бандитское оцепление, соскочил с полуразрушенной стены к осажденным, а у них была нужда не в людях и не в оружии, а в еде только, и своего скакуна Арпиар своей рукой зарезал. Сама Айо вела себя как член отряда, как телохранитель и брат Арпиара, о котором была наслышана, воевала, скиталась по опустевшей стране в курдском мужском костюме, находила в пещерах и камышах беспризорных детей, раза два побывала в селах своего девичества и проклятого материнства, где объявились уже новые хозяева, попала в обезлюдевшее село под названием Хараконис, где в армянской христианской часовне являлся чудесный свет, с двумя боевыми подругами вышла к развалинам города Вана, там ей и сказали, что часовня с чудесным светом — это часовня большого села Хараконис, потом подругам захотелось самим встретиться с генералом Николаевым — то ли попросить о чем-то, то ли выругать его, но языка не знали, да и Арам-паша не дал, прогнал их, и Айо задумала генерала убить; обеих ее подруг убили, одну, раненную, она долго везла, ее могила по эту сторону границы сохранилась, на свои средства и с помощью сына Азата Айо спустя пятьдесят лет поставила над подругой своей надгробье; "предатель-генерал" был в Алекполе*, через горы Айо вышла к Амамлу, обменяв свой поясок — из золота — на семь

* Годжа — большой, верзила (*араб.*).

** Алекполь — это Александрополь, в годы советской власти Ленинакан, ныне — Гюмри

патронов; на обратном пути у какого-то села Айо покусали собаки, к утру раны вспухли, у чужого порога в этом нищем, перепуганном, растоптанном турками незнакомом селе Айо перевязали.

Прошли годы, от сел опять потянуло хлебом, снова вечера полны блеянием ягнят, приютивший Айо добрый человек как-то раз заметил в поле пастуха соседней деревни, схватил за руку, привел и поставил подле Айо — маленького, даром что сын ашуга, но здесь бессловесного, нищего беженца Мушега и беженку Айо поставил рядом: хорошо бы, чтоб они были друг другу опорой и стали кровом над собственным очагом своим.

И вновь прошли годы, народ пришел в себя, разноцветная одежда появилась на жителях Ширака, и уже слагаются песни о былом-пережитом, и дочери Годжи — Большого Тумаса, прославленного, а затем с выколотыми глазами сгинувшего на неведомых дорогах тифлисского ашуга, сестры Мушега, сложили на старые тифлисские мелодии своего отца новые истории о предательской сдаче крепости Карс и об отчаянии армянского полковника, о бесчисленных погибших удальцах, о своей несчастной невестке фиде*- Айо, ее подругах и муже Арпиаре. Взвилась песня, достигла горы Арагац, спустилась в долины. Сидя у костра, вспоминали, пели и слушали, и один отодвинулся от огня, перепоясался старым патронташем, навесил маузер, япанджу** накинул на плечи.

Вечно с телятами, вечно в поле, и один из стольких телят все-таки уже его собственный, что же вдруг видит Мушег? Арпиар из песен его сестер выходит из-за горы. Уступил ему дорогу, сошел в соседнее ущелье. Путник подошел, встал на краю и говорит: "Что же ты прячешься, волк я что ли, зверь я? выходи: эта дорога куда ведет, в твоей деревне есть невестка по имени Айастан, Айо, это — дорога в твою деревню?" Вечером телята приходят домой, каждый находит свою дверь, а телячьего пастуха нет. Айо и Арпиар сидят рядом на тахте, расспрашивают один другого и плачут, рассказывают и плачут, народ собрался — смотрит. "Мужа себе нашла, твои дети", — говорит. "Мои дети, —

---

* Автор использует здесь женский вариант слова фидаи (араб. "жертва") — участник вооруженной борьбы армянского народа против турецких поработителей в Османской империи в конце XIX - нач.XX в.

** Бурка, епанча.

говорит. — Азат, Левоник, Шохер". — "Вставай, — говорит,— забираю тебя". Глянули — видят: Мушег порога не переступает, стоя в дверях, бьет хворостиной по носку треха*, порога не переступает, Арпиару перепоручил защищать и Айастан, и детей, и себя самого — ибо были в народе шпионы, копались в прошлом и доносили**. Нашелся даже шутник: золовка Мушеговой сестры, как в прежние, сытые времена, уперла руки в боки, говорит: "Чем я хуже твоей Айо? за женой пришел-вот она я!" И еще объяснила:" Я в невестках два месяца всего, мой муж ко мне не привык еще". Но шутка бедной девушки застыла у нее на устах, потому что ответ был как пощечина: "Такие как ты, — сказал, — такие у меня под ногами валялись от Тавриза до Ростова, от Тифлиса до Стамбула." И так далее.

Этих последних подробностей в рукописной тетради нет. Владелец рукописи, рабочий хрустального завода Валод Мхитарян, еще не родился, когда Арпиар приходил в деревню. О внезапном появлении фидаи Арпиара — человека, навеки раздавленного под тяжестью чувства мести, о его уходе, угрозах одному, кто особенно недобро смотрел на эту бедную семью, и вообще всем, о его аресте через пять лет и исчезновении, о незаметной смерти Мушега, о нищете, последней нищете, и о глупой злобе мелких чинов мне Азат рассказал. Высокий, с поникшими уже плечами, руки длинные, почти неграмотный, Азат — умелый каменщик и хороший земледелец; у него странная привычка: обувь в нашей прихожей снимает, а шапку — нет, сидит в шапке и молча смотрит. Из глаз его струится человечность. Иной раз, барахтаясь в зыбком мире языка, он бросается как раз туда, где мы по своему призванию и знанию языка будто бы часто пребываем, и один только Бог видит, как, встречая врага, мы всякий раз ускользаем извилистыми ходами языка, а он идет прямо на врага, и в эту минуту он на тропе материнских скитаний, он — "курд" вместе с матерью, крадет несчастного ягненка в поле, ножом роет яму, чтобы похоронить подругу, как посторонний просит стакан воды у

* Самодельная крестьянская обувь, постолы.

** Движенье фидаи возглавляли армянские национальные партии, которые после установления Советской власти были в Армении запрещены и преследовались как националистические.

новых хозяев своего дома. Он сходит с материнской тропы взаправду с ножом в руках, глаза горят металлическим блеском.

В свое время он был удальцом старой школы: грыз стеклянные стаканы, зубами поднимал на табурете друга — нога за ногу и с папироской в зубах, его друг улыбался фотографу улыбкой европейской красотки... то есть он и не Азат вовсе, сын бедного Мушега, он непременно что-то значит сверх самого себя, он почти наследник Арпиара. А когда так и не нареченный Арпиаром Валод в течение долгих недель и лет описывал кошмарную жизнь своего рода, Азату казалось: это “что-то“ наконец найдено и сдано на хранение бессмертию.

Прежде чем попасть ко мне, рукопись побывала у академика-историка и вернулась. Низкорослый, скрытный, крепкий и нервный Валод сказал: “Он в нарды играл в саду санатория, вернул тетрадь и не стал разговаривать“. Потом тетрадь попала в руки выдающегося нашего романиста и,не знаменуя собой ничего особо героического или особо трагического, опять вернулась. И вот, осенью 78-го Азат сидел в коридоре гостиницы и ждал Уильяма Сарояна. Пред этим визитом в Армению Сароян был в Тифлисе, родном городе своих родителей, нашел-таки дедовский дом, на пороге дома величал его тамошний курдский ашуг, возможно, старой песней, оставшейся от ашуга Тумаса — эта-то родственность и должна была теперь сделать великого американца покровителем рукописи Валода.

В этот день проводником по Армении у этого последнего участника расколотого и рассеянного пацифистского марша был я, и естественно, что заботу о рукописи Сароян должен был возложить на меня. Первый вопрос Сарояна мне: “С каким намерением ты начал писать?“ Его запас армянских слов был невелик -- едва ли около 300 слов, но вся жизнь, лучась и мерцая, говорила его языком именно то, что является ее, жизни, сутью, что она сама, эта жизнь, хотела бы сказать, но мы ей не помогаем. Сароян о своем начале — слегка презирая молодого бога тех лет и дивясь мрачной серьезности мира: “Когда я начинал, уверен был, что поверну ход жизни“. И потом, все же не оставляя себя одного в этой тщетной попытке: “Кажется, и Лев Толстой был таким“, и после, в телепередаче: “Очень я уважаю попытку Толстого изме-

нить мир. Вместо мира изменяется сам Толстой. Люблю я эту эволюцию автора".

ВСЯКИЙ РАЗ, КОГДА ЭТОТ АЗАТ появлялся на нашем пороге, иногда с корзиной винограда, иногда с сыром под мышкой, тогда как его нынешний колхоз вовсе не был скотоводческим, иногда с маринованным шушаном*, который его сестры присылали со склонов Азатова детства, и всякий раз, когда в битком набитом зале я начинаю понимать из бесчисленных вопросов, что вовсе нет у меня широкой читательской аудитории и чтобы заиметь таковую, нужно сделать хотя бы голое описание какого-нибудь катастрофического положения, и во многих и многих других случаях кажется постоянно: я обещаю себе тотчас же сесть и из жизни этой "Фиды Айо" создать историю гибели и возрождения народа, но действительно ли сделаю, смогу ли по крайней мере прочесть как следует рукопись Валода Мхитаряна и провести хотя бы учительскую ее правку?

Великий Мартирос Сарьян, свидетель тех времен, в обоих воспоминаниях — в книге славных уроков живописи и гражданственности — рассказывает, что он видел в те далекие дни: запряженные волами повозки, собиравшие мертвых из келий и клетей св. Эчмиадзина, мать, собственными волосами сшивающую саван своему ребенку, — при этом материалом для савана должна была служить, ясно, рубашка матери. И вместе с тем, его громадное живописное наследие не зафиксировало ни одной черты, ни одной краски этого рода картин армянского ада длиною в семь лет, более того — эти годы его творческого развития ознаменованы цветами и портретами, которые непосредственно ничего не говорят о том времени. И вот, двадцать пять лет спустя, словно не позволяя думать, что "Цветы Агулиса (Кахакика)" — это случайная ошибка, Сарьян опять встретил "Цветами" армянских воинов, возвращавшихся с германского фронта: полное название этого полотна света, цвета, тоски и лучезарного оптимизма — "Цветы армянским воинам Великой Отечественной войны". Настоящая "герника" разразилась в этой стране, и только тут, но полотно "Герники" не здесь монтировалось. После резни и особенно в первые годы советизации все и каждое сарьяновские полотна стремятся к одному — к устойчивой гармонии, к такой уравновешненой гармонии, что герб

* "Шушан" или "шушвик" — съедобное дикорастущее растение, русские названия: бутень, купырь, пестрец, дикая петрушка.

вновь возникающей из кусков погибшего целого Армянской Советской социалистической республики, автором которого является, кстати, сам Сарьян, как бы воскресает в каждом его пейзаже, словно Сарьян — президент всей республики, над всеми ее жителями и всеми ее ландшафтами.

Его и его живопись можно было бы с каких-то позиций счесть аномалией, но вот Ованес Туманян. Туманян 1919 года, потерявший сына, братьев, всю Западную Армению потерявший Туманян собрал юношей-сирот, одержимых стихами, и внушал им: “Пусть сердца ваши будут чисты и полны добрых чувств, к миру и человеку обратите ясный взгляд и чистое сердце. И сам поэтический дар, сама поэзия ведь такова по своей природе. Аполлон, который символизирует поэзию и в то же время солнце, никогда не видит ничего темного и мрачного. Потому что он — солнце и взгляд его — солнечный, все мрачное исчезает в его взгляде. Смотрите на мир как солнце.“ Конечно, не по прямому слову и примеру моих национальных кумиров, а по примеру их дела и жизни (и еще сочинителей песен, и еще архитекторов, и еще эпоса, сказок, армянского языка и армянской народной песни, всего того, что одним словом можно назвать А р м я н с к и й л о г о с), а также под тайную диктовку моей “чисто армянской крови“, “чисто национального“, “чисто патриархального“, “чисто консервативного, женского, материнского, созидательного принципа“ — мне больше нравятся из всех национальных культур та культура и в этих культурах те художники, которые тоже “чисто армянские“, “чисто патриархальной, чисто материнской, женской, консервативной, нереволюционной природы“, которые приводят изначальный хаос к порядку и уравновешенности, изгоняя из сотворяемого ими мира звук, цвет, форму катастрофы, как бы боясь даже воспринять катастрофическое положение и тем более — отобразить. Некоторые из них, такие как Толстой, претендуют даже на то, что стоят у истоков сотворения мира, — у истока светоносного слова, единого истока и прошлого, и настоящего, и будущего, и заново творят мир.

Если в великие времена национального возрождения, положительных преобразований и революций подобная позиция литературы и литератора понятна и даже обязательна, то столь же непонятной, чем-то похожей уже на метафизику героизма кажется

такая позиция сегодня, когда вроде бы выяснилось, что жизнь движется не столько нашим словом и даже не словом царей, а сами мы — отнюдь не графья и не Толстые, а "картофельные мальчики", всем поколением осиротевшие в последнюю войну, едва ли не такие же сироты, как те, что собрались вокруг Туманяна 1919 года и получили от него завет смотреть на мир солнечным взглядом. Меня наполняет гордостью мое поколение, которое можно назвать именем такого-то или сякого-то, и особенно в этом поколении — хозяйский взгляд такого-то или сякого-то на жизнь, именно хозяйский, хотя ни один из нас не граф и не Толстой: младенец или старик, праведник или негодяй, зло или добро — все и вся в хозяйских руках автора, т а к о м у - т о ведомы тайные мотивы всех проявлений, добру он сдержанно рад, злу еще не удавалось ввергнуть автора в бессильную злобу, хозяйский взгляд автора даже во враге ищет потерянного брата и блудного сына.

Я ИХ СЫН, от них я происхожу, они меня создали - тот молчун-труженик, который как труженик и был забракован, та соседка, которая не сробела по-девичьи и кормила грудью чуждого ее молодому телу младенца, тот бедный телячий пастух, который постеснялся назвать своей женой жену прославленного воина, тот воин - перед лицом жестокой реальности еще одним растерянным был он, но наличие многих других растерянных не позволило ему скинуть маску железного рыцаря.

О них Евангелие от Луки говорит: "И когда повели Его, то, захвативши некоего Симона Кириянина, шедшего с поля, возложили на него крест, чтоб нес за Иисусом". И о Симоне — все. Я добавлю как некто, многократно и всегда придавленный жестким грузом и дров, и сена, и картофеля, муки и дикой груши, что, когда возвращаешься вечером с поля, одного только хочется — спать. Если б жена или мать, такие же вьючные животные, как ты сам, растерли твои колени теплой водой, то в блаженстве сна ты был бы признателен всей жизни — и распинателям, и распятым. В рассказе Андрея Платонова "Такыр" этот Симон — безмолвно пребывающая в безвременье и безместье персиянка, которая, как и песок внизу, непричастна туркмену на ней и тяготам его кочевой жизни, непричастна, как Симон — кресту Иисуса и его помазанничеству. В рассказах Александра Бакунца у нее уже есть имя Тигрануи и брат Васил, между строк неточных слов дневника ее

брата-деревенщины этот тринадцатилетний ребенок вспыхивает девчачьей радостью — ровно столько минут, пока жена брата не засундучит красные "кооперативные" туфли, и потом, отрабатывая братнин долг, трудится на поле соседа и умирает, занозив себе ногу, "по неизвестной причине, похороны обошлись в 7 руб.".

В кинофильмах Жана-Люка Годара это одна из нас, как и каждый из нас, она жаждет человеческого тепла, но, как "Симон креста" — широкоплечим, так она широкобедрой уродилась и призвана покорно служить животным инстинктам людей, переходя от хозяина к хозяину, из-за денег хозяева ее хватаются за оружие, заслонясь друг от друга девчонкой, посреди улицы швыряют ее тело как изношенное платье, а сами уходят, уж более не уважая друг друга. В стихотворении Амо Сагияна это существо — отец, втайне от большой патриархальной семьи переживает он сдержанную радость рождения сына. В рассказе Шукшина дерзнул он осмыслить свое несчастье с помошью "раскас"а, а в романе Шолохова он — революционер Валет; обходя контрреволюционный казачий лагерь, казаки взяли да вздули, одной-двумя хворостинами проучили отечески своего товарища-казака, а его, не-казака, как-то незаметно для себя убили да бросили, не зная, что сами они — такие же Валеты и завтра будут убиты такими же, как они, валетами. В ужасном чаренцовском "Шаварше" он тонет в море вопросов, не имеющих ответа, вся враждебная ему жизнь бесовски вторглась в его душу, бедный его разум не осиливает его поведения, он кипит, этот вулкан не находит себе выхода, вот-вот взорвется, рвота и стрельба из маузера не дают ему разрядки. Как песни сирен — Одиссея, так подлую и мощную мысль врага притянул, намотал на себя голос фолкнеровского недоростка Минка, за своим голосом Минк идет к гибели, как Одиссей за песней сирен.

Эти Лука, Чаренц, Фолкнер, Годар, Платонов и еще многие-многие другие авторы и произведения, художники и картины - они ли указали на данное мне на моей родине время моей жизни, моя ли жизнь обратилась среди моря мировой литературы к этим авторам и этим произведениям - не знаю, наверно, и то, и другое, оба вместе.

Мне хочется озвучить этого нераскрывшегося Моцарта, обожествить этого ненайденного Иисуса, мне хочется выпустить

скованного Пугачева, аромат этого задохнувшегося в завязи цветка хочется высвободить. Обожествится ли, раскроется ли, стряхнет с себя путы? Чаренц о нем сказал так: "Другие поля голы и сухи, — И в тех полях мой тятя рабочая скотина, — На нем истлевшая грязная рубаха, — А душа его всегда нема, сожжена". Хочу увидеть, действительно ли скотина этот "тятя", действительно ли нема его душа; когда им командуют, не уязвлено ли его самолюбие; когда детенышей отнимают, не умирает ли, в глубине души нас не проклинает; есть ли у него свой ум и смысл или же его смысл-заимствованные у нас слова о долге перед необходимостью?

В феврале-марте 43- года моя мать на три дня исчезла из дому: не благодаря чьему-то предупреждению, а чутьем каким-то угадала, что нашу скотину в Дзорагюхе забивают, надо идти спасать. Одну корову спасла, она и кормила нас — троих детей. От нас в Дзорагюх и обратно — 70 км, по пути — железнодорожная станция, деревня и несколько заброшенных хлевов, там-то эта юная женщина с худой, отяжелевшей, стельной коровой провела две ночи и два дня - умоляя, подталкивая, плача, кляня и надеясь, час за часом приближаясь к своей деревне, которая до мобилизации мужа была не лучше лагеря для военнопленных. Дошли, уперлись в крутой подъем у нашего дома и сомлели в лучах зимнего солнца. Я хочу из этих 70 км моей родины вывести "Магелланов подвиг" и эту женщину сделать личностью, а если не станет — значит, совершенно правильно поступают те, кто свой крест перекладывает на плечи таких, как она, и даже не оглядывается — проверить, тащит или нет.

Опасливая, боязливая, самохвалка — по крайней мере, опасающаяся сегодняшнего дня и боящаяся города, она приняла хозяйственную разруху своего села за конец света, из себя, обычной грешницы, сотворила памятник образцовости и порядочности и выставила на площадь среди наших людей, живущих во грехе и преступлениях: пусть "простые", "тяти", "валеты" смотрят и подражают ей. Смогу ли, отмежевываясь от нее, превратить ее в "генерала Франко", "защитника слабых", "отца народов" — при том, что редко себе признаюсь: ее тревоги по поводу полуразрушения общины прежде бессловесных подданных — это тревога обывателя, теряющего своих кормильцев, а не высокое беспокой-

ство поэта за дальнейшую судьбу аргонавтов, покинувших свой вековечный корабль.

Хочу увидеть, кто же этот простой, который так себя ублажает, теряя себя — так мучается, сам себе довлеет, сам себя опасается, так по-барски сочувствует и так по-барски пренебрегает, его превращают в молот и в наковальню превращают, в точном расчете на его покорное молчание — от его имени и против него выходят в поход собственники слова и оружия. Но смогу ли я, а вы разве смогли стоять под этим градом слов и снарядов и беспристрастно извещать, что "здесь не простые и не армяне, здесь вы сами", и в то время как меня задели именно как армянина и как простого, когда их толпа подмяла под себя мою "толпу", остатки которой спустя семьдесят лет и сегодня мечутся из страны в страну и родины не находят и не найдут? Не должен ли я из плакальщика превратиться в рядовую жертву трагедии?

Был у нас такой писатель — Акоп Мндзури, скончался в 78-м в Стамбуле, в возрасте 92 лет. Во время резни и депортации он был не в туманных глубинах страны, чтобы быть выселенным и уничтоженнным вместе с многочисленной толпой безымянных простых, не настолько знаменит, чтобы в числе 600 выдающихся быть высланным из столицы государства: забрили его в солдаты, выпекал хлеб для армии, потом — был грузчиком, потом — свечи продавал в церкви. Не знаю, должен ли я был вспомнить его раньше, вырывая случайные страницы из реальности прожитой мною и другими жизни, или сейчас, пытаясь эту реальность осмыслить? Наверно, и там и здесь, поскольку Мндзури разделяет, точнее, соединяет судьбы тех, простых, и мою — писательскую. 350 — триста пятьдесят — рассказов и зарисовок оставил он, но ни в одном нет вопроса: "В долине верхнего течения Евфрата, братец ты мой, в сиреневых горах Мндзур — армянский уезд и село Армтан, в селе — трое детей и жена, отец, мать, бабушка у меня были, что с ними сталось, после двух-трех лет работы в вашем Полисе я ездил с накопленным добром проведывать их, куда вы их дели, куда исчезли они?" — а только: в какую погоду что на себя надевали, что пели, что ели, что сеяли, какой родник на котором холме был, и всего лишь раз о том часе таких же как он осиротелых, когда они ждут, чтоб поднялось тесто: "Не было у них другой темы — о Стране, о прошлом говорили. Полис, текущая

жизнь не касались их, настоящего для них как бы не существовало. Каждую ночь воскрешали они былых людей, как сказки рассказывали все это, и все это действительно было сказкой. Один кончал, другой начинал. Призрачной была для них реальность".

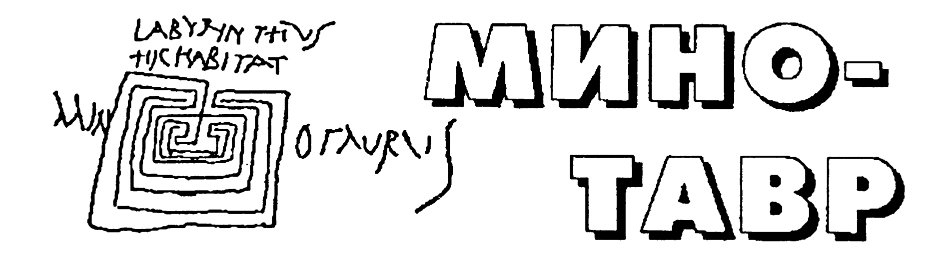
Вы говорите — пусть бы повесился, пусть бы с обрыва в море бросился, пусть бы не жил. И вешались, и с ума сходили, и пытались найти убежище в чужой национальной оболочке, а он не повесился и не уехал — крохотными рассказиками и зарисовками начертил карту страны своих воспоминаний. Не станем осуждать и презирать его. Несравненно легче встать в победившей семье братских народов и потребовать у фашизма ответа за Хатынь, и несравненно труднее жить в стране, где растоптавших твою родину возводят на пьедестал народных героев, и спросить о каком-то там Армтане.

И пусть даже краткого образа в телерепортаже, где погибшие "за веру" иранские дети-юноши лежат с ключами от земного рая на шее, и информации в несколько строк мелкого шрифта о трех с половиной миллионах уничтоженных в полпотовских лагерях достаточно, чтоб безнадежно опустить руки перед все тем же, извечным миром наглых обманщиков и оробелых обманутых, того же пастыря и той же паствы, пророка и толпы, и с ужасом подумать, что эти спасители и жертвы завтра ворвутся в книгу как чистый факт, а на следующий день по праву истории и Священного писания вернутся назад — в реальность, однако же мир на этих выморочных местах и нежилых временах начертал: "Фальшивка". Даже подавляющая объемом и внушительной протяженностью, фальшивка не становится истиной. Если бы полпотовские коммуны сожрали не 3,5, а 350 миллионов, — столько раз была бы опровергнута одна и та же истина: грабители душ суть убийцы.

И как прекрасны, значит, те, кто пишет для человека его слово, открывает в человеке его собственный свет, высвобождает его устремления! Я должен был бы хотеть примкнуть к ним как равный по силе собрат и не обнаруживать свою личную и национальную слабость, ибо то, что происходит на земле, сначала происходит в слове.

Тор Оге

БРИНГСВЕРД

МИНОТАВР

р о м а н

ПРЕДИСЛОВИЕ

Место действия — остров Крит.

Время действия — мифическое.

Мы называем их минои. Древние египтяне называли их кефти. Как они сами себя называли, мы не знаем.
Известно, что они появились на Крите за семь тысяч лет до Рождества Христова. Возможно, они пришли из Малой Азии.
Минойская культура — одна из самых великолепных и загадочных.

Норвежский писатель Тор Оге БРИНГСВЕРД родился в 1939 г. в городе Шеноне (родине Генрика Ибсена). Окончил университет в Осло. Работал в издательствах, на радио. Его литературным дебютом стал сборник новелл (в соавторстве с Ю.Бингом), изданный в 1967 г.
Тор Оге Брингсверд издавал и переводил научную фантастику (вместе с Ю.Бингом), он автор многих детских книг, романов, пьес, сценариев. Его произведения отмечены литературными премиями Норвегии и Швеции, изданы во многих странах.
«Минотавр» — первая публикация Брингсверда на русском языке. Редакция благодарит автора за разрешение напечатать роман в вестнике «Ной». Мы признательны переводчику Лилии Поповой за подготовку этой публикации. — Редакция.

Сорок веков назад минои умели читать и писать. Их язык с трудом поддается дешифровке.

Минои преобладали среди народностей древнего Средиземноморья, однако в их искусстве нет и намека на войны или междуусобицы. Это единственная культура, которая, похоже, совершенно равнодушна к истории. Имена и даты значили для них немного. Они не оставили после себя ничего, что могло бы стать точкой отсчета их развития. Они словно пребывали в вечном сегодня.
Отрывочные сведения об этой культуре дают раскопки археологов и греческие источники и мифы.

Есть на земном шаре такие места, где мифы встречаются и сплетаются в тугой узел. Таков Крит.
Здесь родился Зевс. На этот берег, приняв облик быка, он принес похищенную Европу, дочь финикийского царя.
Царь Минос — сын Зевса и Европы. Он стал супругом Пасифаи, дочери Гелиоса, родившей ему Ариадну и Федру.
Здесь был построен лабиринт. Для другого отпрыска Миноса — полубыка-получеловека Минотавра, которого царица зачала от белого быка. Здесь, во тьме подземелий и безвыходных ходов, обитало чудовище, пожиравшее каждый год семь девушек и семь юношей — такую дань Минос потребовал от Афин.

Сюда судьба привела афинского героя Тесея. Ариадна, дочь Миноса, помогла ему, дав клубок — нить Ариадны.
Отсюда, из лабиринта, бежали Дедал и Икар — на крыльях из перьев, скрепленных воском.

Моя книга — роман. Но я остался верен и мифу. Миф -сюжетная канва романа.
Мой Минотавр — не такой, как у древних греков, всегда изображавших его чудовищем. Мой взгляд на Минотавра и других персонажей мифа отличается от общепринятого, иногда даже вступает с ним в спор. Но история Минотавра от этого, как я полагаю, не стала менее правдивой. Я полностью не принял лишь ту часть мифа, где говорится, что Дедала заточили в лабиринт после того, как он помог Ариадне и Тесею. Я же считаю, что он стал узником тюрьмы, которую сам же построил, за то, что он способствовал прелюбодеянию Пасифаи с быком. Только так можно объяснить поступки царя Миноса.

Сны занимают важное место в романе. Когда греки говорили о снах, они всегда говорили: "Я *видел* сон". Сны казались приходом к спящему кого-то (oneiras). Этот кто-то мог быть богом, видением, любым образом, уподоблением (по-гречески eidolon), которое часто принимало облик тех, кого спящий знал.

И, наконец, мой совет читателю, который, надеюсь, не испугает его: моя книга тоже в некотором роде л а б и р и н т. Я почти уверен, что, прочитав последние строки романа, кто-то захочет вернуться к ее началу...

Пуэрто дель Кармен,
7 февраля 1980.

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Дорогие русские читатели!

Мифы и сказки никогда не утратят своего значения, ибо они повествуют не только о том, что случилосъ *когда-то, однажды*, но и о том, что происходит *каждый раз* и *во все времена*. Каждое поколение по-своему прочитывает мифы, толкует их иначе, на свой лад. Рассматривает их при свете собственного бытия.

Как писателю, мне интереснее те мифы, которые утратили свой первоначальный сакральный смысл, перестали быть ритуальными текстами и превратились в сказания.
Миф для меня — как бы трамплин в даль фантазии. Часто это увлекательная, неожиданная, будоражащая мысль попытка описать человека и космос, изобразить словами, поэтическими образами жизнь и бытие.

Одни мифы взрастают только на определенной национальной почве. Другие кочуют по свету. Некоторые из этих "бродяг" с первой же встречей становятся вашими друзьями. Они трогают нас, захватывают нас. Они восполняют нашу потребность в том, в чем вы, сами того не сознавая, нуждались. Встретившись, мы не понимаем, как мы могли жить без них. Миф о Минотавре — именно такой.

Обычно его представляют чудовищем. Но я вижу его другим. Для меня он — о т в е р ж е н н ы й. Жертва клеветы и наговора. Жертва человеческого неразумения, стремления кого-то ненавидеть, презирать, унижать.

Минотавр — единственное в своем роде существо. Человекобык. Но *единственное* означает еще и *одинокое*. Минотавр был самым одиноким из нас.
Он не выбирал свою судьбу. Но пытается противостоять ей, насколько это возможно. С некоей... я не могу найти точный образ, но понятны ли вам слова "меланхолическая гордость"? Именно так. Именно это я хочу сказать. В моем представлении Минотавр принимает свою участь - наперекор страданиям и поражениям — с "меланхолической гордостью". Вот что захватывает и волнует меня. Хочу верить, дорогой читатель, что миф о Минотавре так же много говорит твоему сердцу, как и моему...

Я пишу эти строки в июле 1993 года: дождь барабанит по крыше моего летнего дома в норвежских шхерах, а дети продолжают упрямо играть на берегу, и рыжий от ржавчины танкер медленно исчезает за горизонтом

Тор Оге Брингсверд

ЧАСТЬ 1

Как два сверкающих клинка. Такими я их запомнил. Два клинка, режущие небесную высь.
Запомнил шум их огромных крыльев. Я помогал им ловить птиц. Я был с ними, когда они собирали воск. Я сидел рядом, когда Дедал высекал на камне свои мысли. Но летать он не научил меня.
И вот однажды ранним утром они улетели...
В ту пору небо расстилалось голубым полотнищем над головой.

Тогда я еще мог лежать на спине и мечтать. Мечтать о том, как стремлюсь к облакам и солнцу, все выше...

Я научился понимать камни.
Камни — совсем не такие... Они живые и могут говорить. Стоит только прижать к ним голову. Они говорят медленно и негромко. Словно у них вечность впереди. Но я знаю: камни тоже стареют, разрушаются, превращаются в прах.
Большинство из них — такие же узники, как я. Когда-то грубое железо вырвало их из родных мест. Их раскололи, обтесали, положили камень на камень, скрепили — так они стали стеной.
Камни любят свободу.
Мы часто говорим о горах, скалах, пропастях... Иногда мы вместе смеемся. Иногда я плачу. Но постепенно я привык. Трудно было лишь вначале.

Мне часто снится, что я — камень. Я ложусь, вжавшись в стену, закрываю глаза. Когда-то, давным-давно, рассказывают камни, мы были легкими, как пух, летели... ветер играл с нами, волны... мы стремились, куда угодно, по небу и по морям... но так было в начале, когда ничто не знало, что такое тяжесть. У гор были крылья, рассказывают камни, и никто не мог удержать нас.

Эти имена так и остались во мне. Как рана на языке. Дедал, Икар. Их образы не содрать с глаза, как бельмо. И крылья... Свист огромных крыльев я слышу до сих пор...

Не помню, сколько я здесь. Не знаю, сколько мне лет. Забыл. Словно кто-то стоит позади и стирает мою память. Забыл. Знаю только, как они меня называют. Но своего имени у меня нет. Или забыл. Но помню тот день, когда те двое улетели. И следующий день... пришли люди с бревнами, заступами, скобами, досками, навсегда загородили от меня небо и солнце , чтобы и я однажды не попытался... Потом носили землю и торф. Не знаю, что они там сажали — я вижу лишь корни. Они превратили меня в крота. Они ослепили меня.

Но у меня есть камни.

А тьма, она совсем не одинаковая. Есть места светлее, есть щели, отверстия.

У меня есть камни.
А не будь темноты, я, наверное, не видел бы такие сны... Я называю их снами, но это совсем иное.

Я — Минотавр.
Получеловек, полуживотное.
Сын женщины и быка.
Они заточили меня сюда. Вправе ли я их винить? Они построили для меня каменный лабиринт. Тем самым они даровали мне жизнь.

Крики с восточной стороны становятся все слабее. Хорошо. Они хотят вырваться отсюда — две женщины и мужчина. Они обезумели от страха, от них смердит страхом. Они необходимы мне, но я не хочу слышать их крики и стенания.

Лабиринт.
Острые углы. Обломанные когти. Тело, втиснутое в бесконечные спирали. Разум, изнемогающий от напряжения. Каменный занавес с множеством прорех, но путь к ним неимоверно долог. Только кажется, что путь открыт. Здесь никто не избежит судьбы. Сплетение темных артерий. Черная повязка слепца. Таким я представляю лабиринт.
И все ходы, круги, лестницы ведут к сердцу лабиринта. Седце лабиринта — самое глубокое отверстие. Там я сплю. Сижу. Стою.

Раньше.
Раньше я без устали бродил. Метался по сторонам. Пытался запомнить. Понять. Зримо представить. Хотел разгадать этот страшный чертеж. Царапал крестики на всех углах, вел им счет. Давал зарубкам на камнях имена надежды. Но чем больше я кружил, тем скорее возвращался на то же место. Лабиринт оставался неразгаданной тайной, задачей без ответа — все пути мои были тщетны, все к центру, все возвращали меня к моему логову.

Теперь.
Я почти спокоен. У меня есть все необходимое. Прежде всего — вода. Вода — благо. Источник с холодной чистой водой — благодать. Без воды я бы погиб. Теперь не нужно слизывать капли дождя с расщелин и выбоин, не нужно лизать сырые камни. Как тогда, давно, когда я метался дни и ночи , возвращаясь еле живым в логово... но,едва отдышавшись, я вновь без устали плутал,

метался... я боролся... я надеялся вырваться отсюда. Теперь надежды нет. Они выжгли ее. В сердце остался только пепел. Я не надеюсь. Но и не страшусь.

Но боль осталась.
Дедал, ты афинский пес! Ведь ты был таким же пленником, как я. Ты и твой немощный сын Икар. Я так надеялся на вас. Мы же друзья, сказал ты, у нас одна судьба, мы должны найти выход, сказал ты, должны помочь друг другу.
И я поверил тебе.
Ты ведешь род от самого божественного кузнеца Гефеста, от его семени, извергнутого на землю, когда Гефест возжелал Афину, но богиня не захотела хромого.
Из отвергнутого желания ты произошел. Но я об этом забыл. Не внял остережению. Я восхищался тобой, ведь ты был всезнающим и всемогущим, мудрейшим, искуснейшим творцом. Ты изобрел рубанок, клей, отвес и еще многое, чего я никогда не видел. Из золота и бронзы ты воздвиг такие статуи, что они прекраснее людей. Так говорят о тебе.

Вот почему я простил тебя, хотя это ты построил лабиринт. Но я простил. Я хотел понять.
Лучше бы я убил тебя, Дедал.

Не верь людям, говорят камни. Никогда не верь. Но разве люди не камни? Вы забыли о потопе? Когда восточный ветер Эрос умчался на влажных крыльях и скрылся в ночи, а Посейдон вонзил трезубец в дно морское, поворотив волны на сушу. Когда Зевс повелел истребить людской род, пощадив лишь Девкалиона и Пирру...
Мы помним, отвечают камни.
А что было дальше? Когда Тритон звучным звуком раковины смирил волны и они схлынули... Не отправились ли те двое к оракулу, и что им было сказано?
Возвращайтесь назад, шепчут камни. Закутайте головы, распустите пояса ваших одежд, побросайте кости вашей матери за спину.
А дальше? Ведь вы же сами мне об этом рассказывали.
Земля была их матерью, вздыхают камни. А камни — ее костями. Девкалион и Пирра собирали камни, еще мокрые и скользкие после потопа, и бросали через плечо. Едва камни касались земли, они

становились мягче, изменялись, становились похожи на заготовки статуй, потом они словно обрастали мясом, в них начинала струиться кровь. Из камней, брошенных Девкалионом, возникали мужчины. Из камней Пирры — женщины. Так появились люди. Вот так было, шепчут камни, мы помним.

А почему я должен верить вам больше, чем людям? — кричу я.

Я был там, шепчет нечто чуть слышно.

Я не вижу его, но знаю — он один из самых древних, он почти всегда спит.

Другие камни молчат и слушают.

Но я не дал себя изменить, раздается шепот из тьмы, я остался камнем.

Не знаю, его это слезы или мои.

Но ведь у меня не было выбора. Я должен был ему верить.

Помню, как он спросил: "Разве я виноват? Я всего лишь строитель. Я не хотел... Я только выполнял заказ".

За хорошую плату, добавил я.

"И под страхом кары", — оправдывался он.

Так он построил лабиринт. Создал загадку из камня. Тайну, секрет которой знал только он. А чтобы она навсегда осталась тайной, его самого бросили в лабиринт. Его и сына. В клетку, которую он сам так умело смастерил. Сразу, как только был уложен последний камень.

У входа поставили стражу. И никто не подумал про верх — ведь лабиринт был без крыши. Но Дедал помнил про медоносные ульи. Помнил, чему он научился у пчел. Он изготовил крылья — многослойные вееры, перья же скрепил воском.

Я чувствовал себя равным им. Я был счастлив. Человеческая часть меня была с Дедалом и Икаром. Но настал день, когда они улетели. А я остался. Все оказалось видением. А потом сделали крышу. И свет померк. Осталась боль. И темнота.

Теперь и стража стала лишней. Я не мог бежать. Только Дедал знал выход. Поэтому воины стерегли только его. Но он сбежал, и охранять стало некого.

Мы, здешние обитатели, узники. Но мы свободны. Так обычно говорят здесь. Потому что должен же быть выход...

Мы живем среди теней. Мы — пленники собственного бессилия.

38

Мы осуждены блуждать вечно. Как,впрочем, и те, кто смеются над нами там, наверху.

Я вижу странные сны.
Иногда мне снится, что я крыса — белая крыса, которая роет ход под камнями и стенами, грызет корни, разгребает землю и камешки маленькими сильными лапками.
Путь наверх закрыт. А вниз?

Сегодня меня разбудила женщина, которая прибежала и легла со мной. Они называют ее Лавиния. Она хочет ребенка от меня. Ее глаза, как два испуганных птенца, но она старается не показать, как ей страшно. Она надеется хоть так вырваться отсюда. Надеется, что я не съем ее. Но я гоню ее. Не хочу видеть их. Они только все усложняют. К тому же я еще не голоден.

Я в своем логове, в сердце лабиринта. Это небольшое помещение — семь шагов от стены до стены. Вход я завесил чьей-то туникой. Иногда здесь бывает очень холодно. Я собираю все одежды и ложусь на них. Так теплее. О тех, кто носил эти одежды, лучше не думать.

Иногда мне хочется, чтобы у меня была не кожа, а шкура. Чтобы не только голова у меня была бычья, но и шкура, а не бледная, тонкая кожа, обтягивающая такое слабое и тщедушное по сравнению с головой тело.

Раньше мне опускали еду в корзине, два раза в день. А сами стояли наверху и глазели, как я жру. Прятаться было бессмысленно. Если я убегал, они начинали прыгать, как козлы, выбирая место, чтобы глазеть на меня. Иногда они опускали пустую корзину и хохотали, когда я рычал от злости. Иногда поднимали корзину, не давая достать еду. Им нравилось, когда я ревел, бегал на четвереньках, бодался. Часто наверху собиралась целая толпа и начинала мычать, дразня меня. Когда я пытался говоритъ, они хохотали.
У меня огромный язык. Мне трудно произносить слова. Я стараюсь.

Однажды ко мне опустили молодую женщину. Голову ее украсили фатой и венком из цветов. Они хотели посмотреть, как я ее покрою. Это были солдаты. Простые люди.
Но чаще всего они не обращали на меня внимания.

Тогда я еще питался овощами и фруктами. Но после того, как появилась крыша, все изменилось.
Но разве я мог выбирать?

Не знаю, сколько лет прошло. И не хочу считать. Ведь выхода не будет. Никогда.
Если камни отрывают из родных мест, выламывают, они никогда не возвращаются назад. И на их месте никогда не появится новый камень.
Я — камень. Вот и все.

Сегодня крики особенно злят меня. Я слышу голос Лавинии — хриплый, воркующий. Они знают, что скоро уже я выберу одного из них. Кратуса — моряка с грубыми руками. Или Менту, которая пела мне свои песни. Или ткачиху Лавинию, которая все еще надеется... Я угадываю по их голосам, что они решают, кому идти ко мне. Прекрасно. Тогда мне не нужно будет идти к ним. Сперва они держатся вместе - когда их четырнадцать. Отказываются есть, отдают мне всю еду. Но приходят голод и страх. А когда остаются последние, вот как сейчас, они обычно решают сами, кому идти. Конечно, каждый хочет быть последним.
Однажды я спросил камни: почему? Они видят сон, ответили камни. Они верят, что последний спасется. Верят, что существует еще один лабиринт, под нашим, — туда и приведут последнего, и там он встретит остальных "последних". И они будут жить вечно. Я говорил об этом с Лавинией. Тогда их было семеро. Тогда еще с ними можно было говорить.
Она подумала, я смеюсь над ней. Потом поняла это, как испытание для себя. Почувствовала себя избранницей.
"А как там, внизу, Лавиния?"
-Там иной мир, и там есть небо, солнце, звезды. И там есть все, что пожелаешь.
"Но ведь и там лабиринт, Лавиния!"
-Лес из камней. Как храм. Священный город.
"А улицы, Лавиния?"
-Они золотые.

Эта легенда возникает, когда дело идет к концу. Что-то каждый раз меняется в ней, но смысл остается. Не знаю, как она возникает, как ее передают...

Но скоро и этот круг замкнется. Или сомкнется?
Скоро я останусь один. А потом другие четырнадцать. И я знаю: у них возникнет та же легенда. Ведь она — часть лабиринта. Правда, однажды кто-то придумал совсем другое: когда чудовище сожрет всех и останется один... он, этот Последний, придет к Повелителю лабиринта (так они меня называли)... и сам станет Повелителем, а прежний отправится под землю, в рай. Новый Повелитель будет повелевать, пока его не сменит другой Последний...
Этот рассказ поразил меня. А рассказавший его удивился, что я забыл свое прошлое.
Я позавидовал его сну. Я сам хотел бы поверить. Ведь тогда все решилось бы.
О, в тот раз я действовал осторожно. До последней минуты старался не потревожить его надежду.
Помню его заискивающую улыбку. Ведь речь шла о жизни и смерти, о том, чтобы выжить, оставшись один на один... Так. До того и после того я прошел много кругов.
Крики стихли. Тихо И на этот раз все обойдется. Теперь их двое. Скоро я услышу шаги... Двое принесут его или ее к моему логову. А сами станут ждать, как голодные псы, скуля и виляя хвостами... пока я не приду за своей долей. И тогда мы все получим отсрочку.

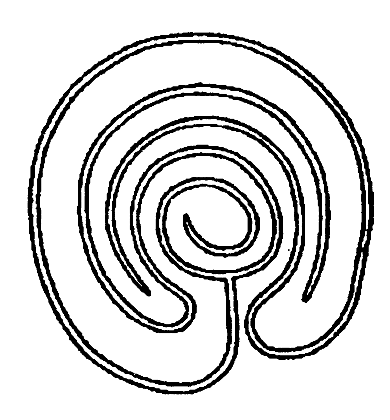
Что снится камню?
Я закрываю глаза и опять вижу себя крысой. Громадной белой крысой с лоснящейся шерсткой... Сильные, готовые к битве когти... красные звезды глаз... Это сон о сошествии под землю.
Сон о кратчайшем пути.
Почему я хочу жить? Почему не решаюсь погасить пламя жизни? А несу его, как горящий факел... Потому что у меня голова быка?

Я — образ, расколотый на куски. Я должен собратъ эти осколки.

Я — Минотавр.
Я — страшное чудовище. Бык царя Миноса. Зверь, которым пугают детей, перед которым трепещут враги Крита, наши враги. Я говорю — н а ш и. Хотя знаю свое место.

Моя мать — супруга царя Крита.

Вот мой рассказ о с е б е. Он как жертвенник на трех опорах, как перепутье трех дорог. Первая ведет к Кносскому дворцу, к колыбели с резными ручками, подвешанной в комнате из лазурита, под сводом, на котором изображен Прометей и орел, клюющий его печень. Вторая ведет в Хаос, теряясь в бездне вечного мрака. Третья — я сам, моя нестихающая боль. О, если бы я мог соединить и ухватить их, как трезубец!

ЧАСТЬ II

В начале был Хаос, начало мироздания, великое Зияние. Из него произошло все — сперва неразделенное, без счета и названия... возникла Земля, Гея, груди которой гладки, упруги, полны. С Геей явился Эрос. Земля и Вожделение. Потом возникла из Хаоса Никта-Ночь и Эреб-Мрак, они как две простертые руки: одна радугой изогнулась над миром, другая — словно дуга под ним. Эрос соединил Эреба и Никту, от них рождены Гемера и Эфир, День и Свет. Так это было, так все начиналось... А Ночь породила еще забвение, сон, смерть.

Ей снится, она — дельфин. В вихре брызг бросается к солнцу, над ней — ласковые волны, сильные руки подталкивают ее, и воздух, как шелк, нежит тело.
Она просыпается. Встает с постели. Делает несколько шагов. Стоит нагая на алебастровом полу. Смотрит на лунную дорожку, бегущую от окна к двери.
Подходит к низкому, на трех ножках "змеиному" столику. Проводит пальцами по четырем желобам, перекрещивающимся посреди чаши. Из терракотовой трубы в углу выползает Сарон, большая змея — ее умерший дядя. Сарон смотрит на нее, касается ее, еще полусонной. Она поднимает его, целует и несет к окну. Воздух густой, горячий. Высокие кипарисы темными копьями окружают дворец.

Тишина. Месяц и звезды.
Ариадна простирает руки над головой, вдыхая нежный аромат. пряностей.
Вдруг она видит ее... на последней ступеньке у моря сидит крыса. Неподвижно, освещенная луной. Белая, как мрамор, на котором она сидит, и большая, как кошка. Смотрит на окно, будто ждет ее.
Сарон тоже видит крысу. Неслышно сползает с плеча и скрывается за окном. Она хочет позвать его, но он уже исчез в зарослях плюща, вьющегося по стене.
Ариадна в нерешительности. Потом набрасывает покрывало, темно-синее, как цветочки лаванды, расшитое вокруг шеи двумя кругами из аметистов. И босая, словно не хватило времени завязать сандалии, сбегает из комнаты по узкой винтовой лестнице. Бежит через площадь с двадцатью фонтанами, сквозь большой зал с голубыми мартышками на фресках. Вот она уже возле дворца. Замерла в лунном свете, не зная, зачем она так бежала, куда стремилась? Ни крысы, ни Сарона...

У нее еще рыльце в земле, а когти продолжают царапать. Она рыла долго и глубоко. Теперь она выбралась наверх.
Опасливо, еще не зная своего могущества, скрылась в тени старого кедра. Встала на лапки, волоски у носа топорщатся, спина напряженно выгнута. Ждет. Наблюдает за травой, которая шелестит, как во время дождя. Она выжидает.

Чудные сны окутали дворец. Словно черные паруса. В желтой спальне в восточной половине дворца закричала во сне царица. Она видит колыбель, которую хочет забыть. Ребенка, которого ее заставили кормить. Громадную голову на крохотном тельце. Влажную морду, присосавшуюся к груди. Видит: алая пелена заволакивает комнату. Слышит: шепчущий голос. Она просыпается. Плачет. Я не нарекла его, терзается она. Он остался без имени...

Он не знает, что его так обрадовало. Поднимает голову и плавно покачивается из стороны в сторону. Склоняется в мягком поклоне перед двумя красными звездами.
"Дядя... — Шепчет Ариадна. — Что с тобой?"
Она поднимает его, звезды гаснут, змея замирает. Ариадна испуганно замирает, держа ее в руках. "Что это, Сарон? Что случилось?"

Белая крыса исчезла.
Ариадна возвращается во дворец, бредет босая по зарослям желтых крокусов, несет Сарона на плече, как пастух несет посох. Месяц высоко, тени стали острее.

Гея породила Понт и Океан — первоначало всех источников, рек, морских течений. Она же разродилась чудовищем, зачатым от Тартара — преисподни мрака, ужасной бездны, куда медная наковальня, сброшенная вниз, падает девять дней; чудовище это — стоглавый Тифон, с извивающимися гадами вместо ног, каждая из ста голов рычала, выла, лаяла, шипела... И еще Гея родила Урана-Небо, ставшего ей и сыном, и мужем. От Геи и Урана появились титаны, одноглазые великаны циклопы гекатонхейры-сторукие. Небо тогда еще не враждовало с Землей.

В предрассветных сумерках, когда солнце еще не взошло из моря, а звезды еще не погасли, царь Минос вступает в покои царицы. На нем пурпурный хитон до пят, лицо скрыто злой маской с рогами и глазами из хрусталя. Вместе с ним служанка Ли, ей шестнадцать лет, но она превосходно обучена. Минос смотрит на супругу - Пасифая спит беспокойно, но не просыпается. Ли молча раздевается и, потеснив на широком ложе царицу, ложится. Минос достает из складок хитона прозрачный козий пузырь, подходит к окну, пытается рассмотреть, ощупывает. За спиной он слышит шепот, бормотание — Ли ждет его. Пасифая спит. Царь Минос сбрасывает хитон, опускается на колени перед кроватью. Он ласкает Ли, ее груди, живот, видит, как она возбуждается. Тогда он дает ей козий пузырь.

Она целует его руки, шею, грудь. Потом быстро встает и, присев на корточки, вводит в себя пузырь. А владыка Крита уже возлег, золотая маска скрывает его лицо, Ли не знает, улыбается он или нет, но чувствует царское нетерпение. Она улыбается и торжествует, лаская царя. Минос тяжело дышит, жадно наваливается, урчит. Ли умело играет, изворачиваясь под ним, как кошка, нежно шепчет. Слабый свет из окна освещает золотую маску, хрустальные кристаллы глаз. Минос содрогается от наслаждения, трижды извергая семя в женщину. Ли выскальзывает из-под него, присев, ловко извлекает козий пузырь, отдает подошедшему царю и склоняется в глубоком поклоне. Царь поднимает к свету пузырь, кишащий змеями и скорпионами. Ли опускается на колени, обни-

мает бедра владыки, целует их, возбуждая плоть. Первое — ядовитое — семя изверглось из царя, теперь он может возлечь с супругой.

Она просыпается от навалившейся тяжести, кричит, но супруг зажимает ей рот. Она покорно затихает, обвивает ногами его бедра, целует холодную маску и еще сильнее прижимается к нему. Восемь детей родила ему Пасифая. И не всегда было так, как теперь.

Ариадна идет вдоль моря. Босая. Волны лениво плещутся у ее ног. Она несет корзину с голубыми цветами, разбрасывает их по воде и по ветру. Три служанки сопровождают ее: две размахивают маленькими палочками с длинными разноцветными лентами, чертя в воздухе красивые узоры, третья играет на флейте. Все украшены венками из цветов.
Ариадна жертвует Посейдону. Просит о примирении. И не только для себя одной.

По пути во дворец. Две лестницы ведут от крепостной стены. На площадке из голубого камня... крыса. Миг — и исчезла. Ариадна не закричала. Не почувствовала страха. Служанки крысу не видели. Но Ариадна знает: то, что раньше было таким далеким, приближается. Она слышит голос. Слова звучат глухо, будто сквозь плотный занавес, будто они долго были в пути и теперь, наконец, достигли ее.
Ей не уйти от них. Она останавливается. Слова, кажется, настигли ее. Она должна разгадать их смысл.
Так она и стоит.
А колесница Солнца, запряженная четверкой небесных коней, медленно движется...
Небо простерлось над всем.
Миром владел Уран, и Гея была ему покорна. А титанов, своих ненавистных детей, Уран заточил в утробе Земли, там и томились они, разрывая своими стонами сердце Гея. Она подвигла сыновей восстать против отца-владыки.
Циклопы отковали серп, а младший из титанов Кронос, подстерег отца и одним взмахом оскопил его, швырнув окровавленный член в море, на съедение рыбам. Море вскипело пенной волной, явив Афродиту, рожденную из волн и последнего семени низвергнутого

Урана, а хлынувшая кровь его породила эриний — страшных богинь мщения.

Так владыкой стал Кронос.

Окно замуровали. Она поклялась себе, поклялась Гелиосу, что никогда не увидит моря. Довольно, что есть деревья, земля, горы и небо. Но море — никогда. Хватит с нее колодцев, чаш с водой. Пасифая, царица Крита, нежится в молоке. Служанки купают ее, их смех звенит колокольчиками, но она ничего не слышит, не говорит, не видит... Сердце стучит или тяжело бьют о землю копыта? Бык приближается, словно буря, опаляя царицу жарким дыханием. Она вспоминает, как гладила эту прекрасную морду, с ладони кормила быка, от страсти теряя рассудок. Мы ли стремимся к любви или она настигает нас? Как возникает страсть? Сама по себе? Кто делает нас слепыми и безрассудными? Откуда это нестерпимое вожделение? Это только ее грех, ее одной?

Входит Федра. Старшая дочь всегда была ей ближе. Федра, с какой-то странной улыбкой и большими строгими глазами.

Федра все понимает. Берет руку матери, сжимает ладонями и опускается на пол. Так они сидят и молчат.

Вдруг легкое колебание проходит по комнате, пол слегка дрожит. Это длится недолго — как конвульсия. И вновь все спокойно.

Но все знают, что это. Дрожь будет повторяться.

Царь тоже почувствовал, как задрожала земля.

Почти год прошел с последнего раза. Он так надеялся... Теперь-то он знает — это судьба. Проклятие тяготеет над его домом с двуглавым топором. Сама Гея против него и его рода. Но он надеется, что на сей раз удары не будут столь сильными, как три года назад. Минос озабочен. Понимает, что Зевс покинул его. Он остался один — беззащитный, как город без стен. Но разве он не сын Зевса? Разве можно обращаться с ним, как с простым смертным?

Одиноко бредет он меж скалами. Море неспокойно, гонит рослые волны. Царь видит, как Зефир, западный ветер, синей лошадью скачет по небу. Увы, покоя не будет. Все, что свершится, произойдет неожиданно и неотвратимо.

Минос поднимается еще выше по склону, между мощными пиниями. Темной стеной сомкнули стволы кипарисы. Не видно берега...

Далеко за полдень. Но Минос и не думает возвращаться. Он знает, куда держит путь.

Ариадна прислушивается. Замерла, воздев руки.

Кронос взял в жены Рею, сестру свою. Она родила ему пятерых детей и всех их Кронос пожрал, ибо проклятье тяготело над ним: он будет низвергнут своим же сыном.
В шестой раз затяжелев от Кроноса, Гея обманула угрюмого мужа, отдав ему вместо рожденного завернутый в пеленки камень. А сама бежала на Крит и там в пещере родила божественного Зевса.

Огромный дворец залит лунным сиянием. Он как бы отдыхает от дневной жары, отдыхают его лестницы и террасы, округлые крыши и острозубые стены.
Повсюду царит ночь. Гипнос поселился во всех башенках, обернувшись птицей или тенью.
На небе зажигаются две красные звездочки. Из-за старого кедра появляется белая крыса.

Что снится Пасифае? Что снится царице?
Пасифая вновь видит, как было...
Ей снится берег... Она видит себя и Миноса... Они молоды, прекрасны. Дети богов. Она — дочь Гелиоса, он — сын Зевса. Вокруг ликует толпа — Минос только что избран царем. Они вместе стоят на берегу, чтобы принести жертву владыке богов. Минос смеется, целует ее. Одной рукой, крепко обняв Пасифаю, другую прижав к губам, как раковину, громко кричит. Он просит Посейдона почтить их праздник и послать им жертвенное животное. Все стихло - толпа и море. И вдруг далеко от берега взвился водяной вихрь, вспенилось море, закрутив со дна к нему бешеный смерч. Крики: "Глядите! Глядите!" Два рога медленно показываются из воды. Белый бык плывет к берегу. Море стихает. А Пасифая дрожит, не понимая еще, что случилось.

Бык поднимает морду. Ничего прекраснее царица не видела. О, она любит Миноса. Она гордится супругом, преклоняется перед ним. Но бык плывет прямо к ней. И все остальное — как в мареве...Федра слышит, как мать кричит во сне. Подходит к ней, садится на край постели. Кладет ладонь на потный лоб. Пасифая что-то бессвязно бормочет, нельзя понять эти торопливые слова,

раскатившиеся, как бусинки с порванной нити. Но Федра знает, что снится матери.

Пасифая все видит вновь...
Она умолила супруга сохранить дивный дар Посейдона, а заколоть другого быка.
Ей снится жар и озноб желания, всесильная страсть и бессилие, отчаяние, исступленные дни, ночи в слезах. Жар и озноб... Пока на Крите не появился беглец из Афин, искуснейший мастер Дедал - приветливый, внимательный, молчаливый. Что ж, он постарается помочь царице, что-нибудь придумает. Как ловко он работает теслом и пилой, как гладко строгает дерево!
Пасифая нетерпеливо забирается внутрь деревянной коровы, устраивается, ждет... Она вновь чувствует в себе исполинскую мощь быка. Она видит роды. Видит младенца с бычьей головой. Его отняли у нее, она даже не успела назвать дитя. "Астерий, — зовет она и просыпается. — Я хотела назвать тебя Астерий".
Нежная рука гладит ее по щеке.
"Я знаю, — говорит Федра. — Сегодня ночью я тоже видела его во сне".

На крыше сидит крыса. С наветренной стороны.

Минос возвращается во дворец. Один. Ни ночь, ни тьма не пугают его.

Что снится Ариадне? Что снится младшей дочери царя?

Зевс рос в пещере горы Ида, все живое окружало любовью золотую колыбель. Коза Амальтея поила его молоком, пчелы потчевали медом, голуби приносили для него амброзию. А чтобы плач младенца не достиг ушей Кроноса, жрецы Реи плясали под звуки бубнов и рогов.
Возмужав, Зевс стал мстить родителю. Он посоветовал Гее дать супругу рвотное зелье — и Кронос в жестоких корчах изрыгнул проглоченных дочерей — Гестию, Деметру, Геру, и сыновей — Посейдона и Аида, а напоследок — спеленутый камень.
Началась беспощадная битва, в которой дети победили отца, низвергли его и гигантов в пропасть Тартара, поделив мир: себе Зевс-громовержец оставил небо, Посейдон стал властителем моря, Аиду досталось подземное царство мертвых. Земля же стала

общим уделом богов.
Так это было...

Ариадне снятся лес и поляна. Она сидит на большом камне, почти вросшем в землю. Сидит, поджав под себя ноги, обхватив колени руками. На ней семь белых покрывал. Она сбрасывает их одно за другим. Скатывает в белые комочки и бросает, как снежки. В разные стороны. Белые комочки превращаются в белых птиц, пытаются лететь, опускаются на траву легкими облачками, образуя вокруг нее и камня круг. Ей снится, что она поет... Она не понимает слов, но они сами слетают с губ, и мелодия не похожа на те, что она слышала раньше. Она встает. Стоит на камне. Поднимает руки над головой и раскачивается в такт незнакомой мелодии. Глаза закрыты... Она улыбается... Ей снится, что она открывает глаза и видит: опушку леса заполнили кентавры, сфинксы, грифоны, люди с песьими головами, с хвостами, и все они поют, пляшут, все теснее окружают ее...

Был ли то гнев Посейдона, не принявшего его жертву? Или это был Зевс, который всегда хочет получить лучшее?
Минос почти достиг цели. Устал, но не хочет напрасно терять время. Некогда отдыхать. Мысли теснятся... Конечно, он виноват, не надо было слушать царицу. Но позволил уговорить себя, ведь он любил Пасифаю, исполнял все ее прихоти. А она?..
Знала ли о н а лучшее? Или она была только орудием мести богини любви? Ведь Гелиос выдал связь Афродиты и Ареса, позволив хромому Гефесту, мужу распутной богини, уловить любовников в сети. Афродита же, не посмев мстить самому Гелиосу, отомстила его дочери Пасифае, помрачив ее разум и взор.
Почему? Он никогда не узнает ответ. Только раз в девять месяцев он может говорить с отцом своим Зевсом. Мог. Но и это право отняли у него.
Небо молчит. Даже сны утратили смысл. Но он знает, что никогда не простит ее. Никогда не забудет. У него хвати сил возненавидеть ее. Но проклятие — как двуглавый топор.
Почему, найдя в себе силы возненавидеть прекрасную Пасифаю, он не в силах ее разлюбить? Судьба их связала...
Он помнит, когда она ждала ребенка. Только он один не знал ничего. А другие знали. Все, кроме него. Он хорошо помнит то серое утро. Помнит сон: он обнимает женщину, но у нее нет лица,

он хочет ее, но ее груди медленно превращаются в змей, которые, шипя, обвивают его горло... И все равно он не отпускает ее, он ее хочет. Проснулся измученный, потный, постель забрызгана семенем... а в нем — змееныши, черви, скорпионы...

Так боги его наказали за то, что не внял им, а послушал супругу. В тот же день Пасифая родила ублюдка с бычьей головой — такой огромной на крохотном тельце.

Так Минос узнал правду.

А белый бык взбесился. Вырвавшись из загона, топтал все, что попадалось на пути...

Минос плотнее запахивает хитон. Здесь, наверху, свежо. Но теперь уже близко. Он видит черный зев пещеры, до нее не дальше одного броска копья. Черная пасть, кажется, проглотит и луну, и звезды. Еще он слышит глухое урчанье.

Ариадне снится: семь людей-нелюдей пляшут вокруг нее. Семь покрывал белеют в траве, образовав круг, который нельзя преступить. Но танцующие существа, одно за другим, наклоняются, хватают покрывала и исчезают. Движения их плавные и медленные, будто свершается тайный обряд.

Первой его проделывает гарпия — птица с женской головой и женской грудью, потом грифон — орлиноголовый, орлинокрылый лев. Хвостатый человек хватает покрывало — и нет его. За ним псоглавец. Потом козлоногий сатир. Сфинкс — крылатое чудовище с телом льва и ликом женщины. Они смотрят на нее, улыбаются и шепчут ей: "Сестра" — прежде чем исчезнуть. "Сестра..."

Остался последний — полумужчина, полуконь. Ариадна и кентавр молча смотрят друг на друга. Она вспоминает все, что слышала о кентаврах: однажды смертный по имени Иксион был приглашен на пир богов и, влюбившись в богиню Геру, захотел силой овладеть ею. Та рассказала супругу. Разгневанный Зевс наслал на Иксиона тучу, придав ей облик Геры, и смертный овладел ею. Так появились кентавры-"рожденные тучей", а их отца постигла ужасная кара — Зевс приковал его к колесу, которое вращают ветры, даже на миг не давая отдыха жертве.

"Почему они называют меня сестрой?" — спрашивает спящая Ариадна.

"Сестра", — говорит кентавр и наклоняется за последним покрывалом. Он улыбается ей и тоже исчезает.

Теперь она одна.
Она просыпается.

Звук, который доносится из пещеры, как скрип дверей, как завывание ветра.
Царь входит в пещеру. Темно. Но он здесь не в первый раз. На выступе лежит кремень, сухая солома, щепки. Это он оставил. Он разжигает огонь. Пламя колеблет тени, освещая медного великана,спящего уже двадцать лет. Металл потемнел, заржавел. Это Танос, после[illegible] из медных людей.
Минос садится возле храпящего великана и смотрит в огонь...

Зевс-победитель избрал своим престолом Олимп, его грозным оружием стали громы и молнии, священной птицей — орел. Любимой женой стала сестра его Гера, вместе с которой владыка богов правит миром доныне. Но и кроме нее Зевс знал много женщин, земных и небесных... Первой женой его была Метида, богиня мудрости; Гера предрекла, что она родит Зевсу сына, который будет сильнее отца, и Зевс-тучегонитель проглотил беременную жену, сам стал лоном, где созревал небывалый плод. Зевс скоро почувствовал это, страдая от нестерпимой боли во лбу. Призвав Гефеста, он велел кузнецу бить себя молотом по голове, как по наковальне. Но едва Гефест нанес сильный удар, как лоб раскололся, освободив блещущую доспехами Афину.
Фемида родила Зевсу мойр — богинь судьбы и гор, ведавших сменой времен года.
Лето зачала от Зевса Аполлона и Артемиду.
Леду громовержец взял, превратившись в лебедя, когда царская дочь купалась. Ио, которую ревнивая Гера превратила в корову, Зевс овладел, став быком. Многих еще богинь и женщин Зевс возжелал, всех не сосчитать, но об одной надо вспомнить. Европа, дочь финикийского царя Агенора...
Она играла с подругами на берегу Тира, рвала цветы, когда ее увидел Зевс. Увидел в захотел. Превратившись в быка, явился он царской дочери, испугав тирских дев. Только в Европе восхищение пересилило страх. Могучий зверь лег к ее ногам, словно зовя возлечь на просторную спину. С бьющимся сердцем царевна гладила белоснежную шерсть, громадные рога. Вдруг бык поднял ее, устремившись навстречу волнам, гнев которых смирил Посейдон, дабы Зевс скорее достиг острова Крит и там, под сенью

платана, утешил испуганную Европу.
Она стала матерью Сарпедона, Радаманта и Миноса. Братья Европы всюду искали ее, но не могли найти. Одного из них звали Кадм — он основал Фивы и научил греков письму. Но это уже другая история.

Минос отдыхает в пещере. Не спит. Сидит, прислонившись к медному великану. Прислонившись к непобедимому Талосу, ставшему грудой металла. Всматривается в костер. И видит в пламени: бык уносит в море дрожащую Европу, его мать. Она плачет. А бог, рассекая волны, мощно плывет к острову Крит.
Так забавлялся Зевс с земными женщинами.
Костер, разгораясь, трещит, пламя все выше. Минос закрывает глаза, И вновь видит мать. Видит, как, выбравшись на берег, бык сбросил ее. Она пытается бежать, но падает... Минос видит, как Зевс... как бык... Слышит страшный крик, видит окровавленные бедра матери — бык жадно слизывает кровь...
Так представляла она любовь? О ней мечтала, играя на морском берегу, зовя песней прекрасного юношу в серебрянных доспехах?
Он помнит братьев. Сарпедона, который всегда мечтал о троне, но скитался в изгнании. Радаманта - этот умер слишком рано, став судьей в подземном царстве.
Зевс трижды совокупился с Европой, и трех сыновей она родила от него. Это и есть высочайшая милость? Или милость богов — брать силой все?
Это и есть счастье? Счастье быть избранной богом?
Минос открывает глаза. Образы братьев исчезли. Но пред ним образ матери: маленькая, бледная, с гордо поднятой головой. Даже состарившись, она оставалась красивой. Но ясный взгляд всегда тревожен. Она старалась, чтобы Минос любил и чтил отца. "Ты многого не понимаешь", — повторяла она.

Он рос послушным мальчиком. И с ним обращались как с сыном. Пока...
Ветер изменил направление, дует прямо в пещеру. Минос встает, идет к лазу. Стоит и смотрит. Куда? Он сам не знает. Просто стоит и смотрит.

Первые утренние часы Пасифая и Федра проводят вместе. Мать и дочь опять на одном ложе.

Федре снится сон — белая крыса. Крыса умеет говорить. И Федра видит каждое слово. Крыса говорит: “Наш народ могуч. Наши корабли — владыки моря. Длинные корабли с головами рыб или животных на носу, с парусами, которые обнимают ветер, с пятнадцатью выносливыми гребцами. Наши торговцы и воины — лучшие в мире. Наши ремесленники и художники — самые искусные. Тела и одежды наших женщин восхищают мир. У нас есть речь, но нет песен. И великих сказаний у нас нет. Хотя мы научились писать раньше других народов, наша история безымянна. У нас есть обычаи. Есть свои символы. Свои идеи — у каждого и у всех. Мы едины, как хор. Хор без солистов. Но я не такой. Я не собираюсь быть одним из многих. Я хочу стать с а м и м с о б о й. Потому что у меня бычья голова? Или оттого, что у меня нет выбора?“
Федра просыпается. Утро. Белое существо движется по каменному полу к двери. Но она не боится, не кричит. Она знает, что это.

Минос разглядыавет спящего Талоса, последнего из медных людей. Зевс подарил его Европе, чтобы медный исполин охранял Крит.
Трижды в день великан обходил остров. Он был неуязвим, только лодыжка, где крепилась медным гвоздем единственная жила, осталась незащищенной.
Дар Зевса Европе. Подарок? Плата за любовь?
Минос смотрит с нежностью на медного великана. Улыбается. Вспоминает, как все боялись Талоса, как прятались, завидев его, бегущего громадными прыжками. Бесстрашный страж, он один обратил в бегство четыре пиратских корабля — стоял на скале и, как могучая катапульта, швырял в коре каменные глыбы

Но Минос помнит и другого Талоса, которого знал только он, да еще мать и братья... Талоса, который играл с ними, бегал наперегонки, лазал по скалам. Европа всегда стояла в дверях, когда Талос пробегал мимо. Каждый раз, когда великан смотрел на нее, лицо его словно оживляла улыбка, прорези глаз ласково щурились. Он не мог говорить, только исторгал какие-то звуки. Однажды Минос пробыл с ним целый день, катаясь верхом на великане - как на громадном медведе.
Талос знал, кому он служит. Когда Европа умирала, он день и ночь не отходил от нее. Позволял детям вскарабкиваться на него... обнимал их медными ручищами, словно защищая.

Минос помнит день смерти матери. Помнит, как Талос носился вокруг дома и страшно выл. Помнит, как Талос ворочал камни, вырывал с корнем деревья. Когда Европа умерла, медный великан унес ее тело.

Никто не знает, куда. Неделю спустя он вернулся. Вновь трижды в день обегал Крит, охраняя остров.
А теперь лежит здесь, двадцать лет. Как срубленное дерево. Руки и ноги в пятнах ржавчины. Грудь замшела.

Минос смотрит на спящего великана. Он верит, что Талос похож на его настоящего отца...

Когда в небе зажигаются первые звезды, Минос покидает пещеру и спускается в Кносс. И вновь слабые толчки под подошвами сандалий...

ЧАСТЬ III.

Стены здесь, внизу, прочные. Но я чувствую подземные толчки. Отдаленно. Словно встряхивается мокрый пес и, рыча, укладывается на полу.
Я знаю, наш мир не вечен. Он только переход к чему-то иному.
Крит обречен. Я вижу дым и пепел. Сама Мать-Земля против нас. Оттолкнула нас от себя. Будущего нет, шепчут камни. Все эти дворцы и колоннады... они рухнут. Скоро они станут такими же, как мы.
Так говорят камни.

Я принадлежу... принадлежу двум мирам. Здесь, внизу, я — камень и тень. Но я же и один из ***тех***, кто наверху.
Все было бы намного проще, если бы... Если бы я не знал, что я человек. Я горжусь своей могучей головой, своей крепкой шеей, мощными рогами.
Но я еще и человек.

В их голосах слышится отвращение. И в их взглядах — отвращение. Я помню колыбель. Все хотели видеть меня — младенца с бычьей головой. Но они не догадывались, что я все вижу, слышу, понимаю. Я пытался объяснить им... но не мог.

Их забавляло, что мое тело не может удержать голову. Они с интересом ждали, когда я начну ходить.
Мы, обитающие здесь, живем в сумеречной, сумрачной стране. В мире Гекаты — богини мрака, ночных видений, заклинаний, волшебства, покровительницы теней, владычицы с пылающим факелом и змеями в волосах. Я не боюсь ее. Никогда не видел ни ее, ни свору ее адских псов... не видел разверзтых могил, мертвецов, призраков. Но другие... я думаю, многие поклоняются ей. Иногда, когда я мечусь по лабиринту (теперь уже не так часто), наталкиваюсь на ее следы: кость, застрявшую между камнями... маски трехглазой богини... Я знаю, что это значит. Я понимаю, о чем они просят и от кого ищут защиты. Геката ведь правит там, где сходятся пути, на перепутьях. Яслышу стук масок о стены.

На сей раз черед Лавинии. Той, которая так надеялась уцелеть. Я смотрю на мертвых, как на предметы — кости, тлен, прах.
Другие мысли я гоню прочь.

Боги создали самих себя. Но они создали и мир, в котором мы обитаем. Значит, они и есть наш мир. Кто знает, где он начинается и где кончается.
Но человек тоже творит себя, иначе он погибнет. Нет ничего постоянного, неизменного, созданного навеки для всех. Все изменяется. Все имеет цель. Тайное предназначение. Место одного никогда не займет другой.
Кем бы я хотел стать, если бы думал иначе?
Я хотел бы стать голосом или песней. Звуком... Чем-то, что вызывает радость. Или мыслью. Чем-то, что помнят. Или картиной. Но только не безымянным рогатым чудовищем.
Все изменяется.
Ведь Геката — еще и Луна, одно из восьми названий месяца...

Ночью мне приснился лабиринт... Мы, живущие в нем, — осколки мыслей и видений, которые кружат безостановочно.
Еще мне приснилась крыса. Вернее, я видел себя в образе белой крысы. Я рвался наружу. Вперед. По всем ходам. Потом сидел на

траве под звездным небом, чувствуя траву под ногтями. Потом появилась Федра. Единственная, кто пытается быть мне сестрой... Она взяла меня на руки, как раньше, давно... Я помню, взрослые ругали ее за это. Помню, как мы плакали вдвоем. Теперь она взяла меня на руки. Крепко прижала мое тельце к себе. Ласкается щекой о мою голову.
Так мы и стояли, пока сон не кончился.

Гратус и Мента.
Голоса их эхом отдаются в каменных ходах.
Оба хотят получить руку или бедро, побольше мяса. Знаю я их. Здесь, внизу, вечная грызня из-за жратвы.

Тучи — наши братья, шепчут камни. Они дали себя пленить... Они помнят нас. Настанет день, когда мы встретимся. Тучи отомстят за нас, бормочут камни. Они сами себе подрежут крылья — ради нас. Мы всегда любили друг друга. Мы были первыми, говорят камни. И мы будем последними.
А когда тучи вновь станут камнями и небо не сможет их удержать, тогда все сущее превратится в прах.

Можно любить цепь, на которую тебя посадили? Может волк любить свою клетку?
Моя кормилица, когда никто не видел, больно щипала меня, — ей казалось, что я слишком долго сосу ее грудь.

И все равно я любил ее. Теперь я понимаю... Ненависти нет. Просто я стал понимать других. Только Федра вела себя иначе.

Я привык к одиночеству.
Маленьким я всегда лежал один. Очень скоро понял, что кричать бесполезно. В четыре года я уже вставал сам. Каждую ночь, когда все засыпали, я учился ходить. Спотыкался, падал в темноте, ведь голова была огромная. И я терял равновесие, натыкался на стол часто падал, больно ударялся о каменный пол. Однажды даже потерял сознание. Я думал... я был уверен, что если я научусь ходить, то стану, как все. Мне разрешат быть таким же, как они. Ведь я так хотел, чтоб меня любили.

На свете много диковинных существ. Разве только я один родился с рогами?

Мы живем во времена полубогов, говорят люди. Говорят каждый раз, завидев сатира или кентавра. И взирают на них со страхом или благоговением .
Почему же ко мне относятся совсем иначе?
Потому что я — единственный?
А если б нас было много?

Сегодня я слышал, как Кратус и Мента говорили обо мне. Они не знали, что я подслушиваю. Они говорили одно и то же: как я ужасен, свиреп, кровожаден, бесчеловечен... Они трещали, как цикады. И я вдруг не выдержал, подбежал к ним и зарычал. О, как они бросились бежать! Но я их поймал, этих птенчиков. Даже Кратус, который пришел сюда силачом, теперь лишь ком сухой глины. Я отпустил его.
А Мента... Раньше она пела мне звучные песни. Теперь глаза ее потускнели, как у слепцов. Я чувствовал, как ее тело стынет в моих руках, хотя мы оба знали — время пожирания еще не пришло. Лавинии хватит надолго.
И я поцеловал ее.
Все мы живем за счет других. Есть ли разница между нами и теми, кто наверху?
Здесь все честнее и проще.

Мать я почти не помню. Пасифаю, царицу...
Хорошо помню Федру. Они понимала меня. Утешала. А мать я почти не видел. Только во сне.

Люди боятся и ненавидят крыс.

Прекрасно. Значит, и когда я им снюсь, они ненавидят меня...
Я вижу комнату.
Я вижу свою мать.
Она стоит, сложив руки на груди. Мы оба молчим.
Но я очень тоскую по ней.

Мента просыпается. Я хочу ей сказать, что многое не так... совсем не так, как она думает.

Мне приснилось, что я крысиный вожак. А сон был такой... Ночью я захотел выбраться наверх, но другая крыса преградила мне путь. Ход был таким узким, что не разминуться, кто-то должен отсту-

пить. Я приготовился к схватке. Это был мой ход, я сам прогрыз его. Я злобно ощерился, но враг, похоже, не собирался драться. И уступить не хотел. Он спрятал мордочку между передними лапами и сказал: "Мы ждали тебя..."

На этом часть сна обрывается... дальше я стою в огромном подземном зале. Вдоль стен горят факелы и свечи, пол украшен драгоценными камнями. Здесь крысы — все в белых накидках с высокими капюшонами. Стоят стеной. Когда я подхожу, они расступаются и я вижу гроб. Я склоняюсь над ним. Он очень глубокий. В темноте, на дне его светятся красные глаза... я слышу голос: "Съешь меня".

Потом меня повели в другой зал, еще больше и великолепнее. Крыс там был столько, что они напоминали ковер, сотканный из мягких серых тел. Но белые накидки были только у крыс из первого зала.

Крысы приветствовали меня.

Новое видение: я наедине с самой прекрасной крысой, которая только может привидеться. Она имеет какое-то отношение к тому, кто покоится в гробу... Вдова? Дочь?

Крысиная принцесса. Она целует меня. Трется своей мордочкой о мою. Я хочу обнять ее. Но она отстраняется. "Потом, — шепчет она. — Сперва ты должен стать тем, кого мы ждали."

Теперь я понимаю все.

У крыс есть повелитель. Властелин всех крыс. Он обязательно должен быть большой белой крысой. Когда он умирает, его место должен занять новый властелин. Он всегда находится.

Нараз это я.

"Все готово", — шепчет мне принцесса.

Я один. Узкий коридор и две галереи по бокам. Мне дали меч и щит. Дали шлем, блещущий в пламени факелов. Тысячи глаз устремлены на меня. Но я вижу только принцессу. Еще я чувствую грозную тьму. Молчание. Но я знаю... где-то во мраке затаилась кошка. Она пока на привязи, но скоро...

Все ждут. Все желают мне победы. Если я выдержу испытание, они последуют за мной, куда я только захочу. Я смотрю на принцессу. Она бросает мне лапкой алый платок. Я поднимаю его, обвязываю им рукоять меча. Приветствую ее, подняв клинок и целуя сталь. Когда-нибудь мы выберемся из подземелий. Она и я. На свет... Когда-нибудь все крысы на земле решатся вылезти

наверх. Нас — много. Нас — больше. Никто не устоит против нас. Когда мы разроем все норы и дыры. Когда мы выползем из всех стен, подвалов, подполов. Никто не удержит нас внизу. У нас везде прогрызены ходы. Мы тысячи лет готовились к исходу.
Все это я вижу в ее глазах.
Вдруг звук, подобный звону сотен колокольчиков. Разверзлась тьма. Взорвалась серой громадой — это кошка, огромная, как скала. Она крадется. Она ждет. Выгибает спину.
Одновременно я вижу, как крысиная принцесса превращается в Лавинию. Сперва ступни... колени... бедра... живот... маленькие груди... шея... лицо. Теперь меня ждет Лавиния.
Другие... они тоже меняются. Крысы превращаются в людей. В тех, кого я знал здесь, в лабиринте. Они все сейчас здесь — и те, кого я помню, и те, кого я забыл. Они словно часть меня.
Кошка прыгает.

Все это я рассказываю Менте, когда она просыпается. Но она не слушает меня. Спрашивает только, любил ли я кого-нибудь... любил по-настоящему?
О последнем видении я не рассказываю ей. Оно касается только меня, видение разорвано на куски. Кажется, оно никак не может оторваться от сна. Будто я сам должен порвать нить между этим видением и сном. Сделать выбор.
Вновь я стою перед гробом.
На этот раз я — белая крыса и одновременно тот, кто в гробу. Я пожиратель и тот, кого сожрут.

Стены дрожат от подземных толчков. Но камни уложены крепко. Они цепляются за жизнь, как люди.

Вероятно, это случилось ночью. Без звука. Мы нашли его в нескольких шагах от моего логова — Кратуса с перерезанными венами. Нашли и острый камень.

Пусть разорвут тебя свирепые псы Гекаты! Не мог подождать еще немного? Ведь Лавинии хватило бы всем. А теперь ты будешь лежать и гнить.
Скоро из Афин пришлют новую дань.
Я должен быть сильным. Когда приведут новеньких, я должен быть сильным. Они молоды, а я начинаю стареть. Я дряхлею, хотя мышцы мои еще крепки.

Все, о чем мы мечтаем... Ребенок верит: жизнь впереди. В юности больше всего ценишь не то, что имеешь, а что хочешь иметь. Так проходит жизнь. С закрытыми глазами. В суете. В ожидании. Мы не понимаем, что наши возможности ограничены. И лишь страдания безмерны.
Когда я был маленьким, я мечтал о бескрайних пространствах. Я получил их. И получил лабиринт.

Федра навещала меня часто. Как только могла. Украдкой. Когда удавалось подкупить стражу.
Она учила меня говорить. Учила понимать связь вещей. Учила терпеливо и нежно. Часто гладила меня.
Однажды вечером пришел Дедал. Тогда я еще не знал, кто он и что он сделал. Кроме Федры, он был единственным, кто обращал на меня внимание. И еще — он так много знал!
Я не понимал, почему Федра невзлюбила его.
Он приходил ко мне часто.
Один раз пришел с Икаром, и я увидел, как сильно Дедал любит своего слабого, нерешительного сына. Я тоже полюбил его. Я думал о своем отце, которого никогда не видел. И спросил Федру, почему Дедал приходит ко мне открыто, а она тайком, словно опасаясь чего-то. Она пожала плечами. Я рассердился. Тогда она сказала: "Так хочет царь". Я разозлился еще больше. "Ты лжешь. Просто Дедал любит меня больше, чем ты!"
Она заплакала. Вероятно, она знала мою участь, но хранила тайну. Думаю, они уже тогда начали строить лабиринт.

От меня скрывали правду, позволяя видеть только ее часть.

Я узнавал обо всем слишком поздно. От тех, кто меня ненавидел. Долгое время я был, как разбитое зеркало — я видел лишь осколки самого себя. Понадобилось время, чтобы все соединить воедино.

Я не простился с Федрой.

Все произошло слишком быстро.

Пришли стражники. Трое. В доспехах, с оружием.

Дедал и Икар сидели у меня. Я помню ужас в их глазах. Икар кричал и звал на помощь. А Дедал пытался объяснить, что произошла ужасная ошибка. Но воины были неумолимы. Они молчали, как камни. И молча подталкивали нас вперед.

Обо всем этом я рассказываю Менте. Хотя не знаю, слышит ли она меня. Мы сидим, прислонившись спиной к стене. Она склонила голову мне на плечо.

Я рассказываю ей о начале жизни в лабиринте. Тогда все было иначе. Во всяком случае,для меня это было хорошее время.
У меня были друзья. Они заботились обо мне.

Прошлого нет. Нет никакого былого, минувшего. Если бы прошлое существовало, нас не мучали бы горести и обиды. Но в жизни - не так. Ничто не проходит. И никуда не уходит, а остается в нас. Одно утешение, что рано или поздно все становится сном.

Во сне я часто прощался с Федрой. Целовал ее, обнимал.

Но я вижу и другие сны. Тяжелые, страшные. Ранящие, как лезвие гарпуна. В этих снах я — кит или дельфин. За мной погоня. Я стремительно плыву, выпрыгиваю в воздух, ныряю в темную глубь, продираюсь по дну. Но гарпун всажен крепко. И прочен линь. Не знаю, кто преследует меня, кто стоит на берегу и крепко держит канат. Но я знаю, что надо бороться. Не сдаваться до тех пор, пока я снова не увижу свет.
Еще я вижу сны о Миносе, царе Крита.

Я не помню его.

Однако я вижу его. Он огромен. Его мышцы могучи, как у льва.
На голове — рогатый шлем.
Он никогда не смеется. Взгляд скользит мимо меня. Голос отдается гулко, раскатами.
Таким я вижу его во сне. Рассказывают, он пришел ко мне только один раз — когда я родился. И больше не захотел меня видеть.
Поэтому я не помню его.
Знаю только по рассказам. Да еще по снам.
Мне снится, я — повелитель крыс. Белый зверь. Я вижу крадущу-

юся кошку. Она выходит из укрытия. Виляет хвостом. Все смотрят на меня. Пищат. Я выставил меч. Смотрю кошке в глаза, в прорези зрачков. Но кошка вдруг останавливается, ложится, выгнув спину, жалостно мяукает. Крысы требуют, чтобы я нападал. Чтобы бил первым. Но я медлю. Медлю, потому что вижу не кошку... а человека. Руки вытянуты, рот сведен судорогой, из-под ногтей сочится кровь. "Убей его!" — пищат крысы. — "Убей!" Да, я могу убить его. "Ради нас!" — это голос Лавинии. Но я медлю. Потому что у незнакомца... такие же рога, как у меня. На темени трещина, из нее выпирают большие, темные бычьи рога. Незнакомец смотрит на меня и скрипит зубами от боли. Теперь я узнал его. Крысы тоже. Они выкрикивают его имя, как заклинание и как проклятие. Царь Минос сглатывает слюну. Облизывает губы, пытаясь что-то сказать. Теперь я вижу его рога. Я делаю несколько шагов и склононяюсь над ним. "Убей его!" Но я не помню, почему я должен убивать. А он что-то пытается сказать...

Еще один сон: я прикован к скале. Минос подходит ко мне. Обнаженный торс блестит от пота. Солнце за его спиной. Он взмахивает двуглавым топором и всаживает лезвие в меня. Он рубит меня на куски. Но я не умираю. Каждая отрубленная часть превращается в маленького бычка, который убегает. Я не чувствую ничего. Мы оба молчим. Его лицо стало темно-красным. Но он продолажет рубить. Отрубленные куски превращаются в бычков. Поймать их нельзя. Мне не больно. Кровь не течет. Все словно не со мной. Я только смотрю. А он рубит и рубит, крошит меня. Куски меня превращаются в крохотных бычков, минотавров, они снуют под ногами царя, мешают. Я смотрю в глаза Миносу. Вижу в них страх и отчаяние. Но он продолжает рубить.

Мента не отходит от меня. Как тень. Идет, спит, сидит вместе со мной. И рассказывает одно и то же: о своей семье, о деревне, о пастухе, в которого влюбилась, о солдате, который ее соблазнил, о поездке в Афины... Все это я уже слышал. И не только от Менты. Но я не мешаю ей. Приятно слышать голоса других.
Кажется, Мента успокоилась. Иногда она мне кажется даже красивой. Если б только она не была такой худышкой. Но она молода. Все, кто попадает сюда, молоды.
Она придирчиво оглядывает себя. Для женщины это важно всегда. Даже здесь она хочет нравиться.

62

Иногда она плачет во сне. Я прижимаю ее к груди. Глажу спину с цыплячьими крылышками лопаток.
Она — Мента, но она — и все те, кого я знал до нее.
Каждое утро, проснувшись, она смотрит на меня, все еще надеясь, что рогатое чудовище, с которым она разделила ложе, превратится в прекрасного принца...
Мы не говорим о том, что нас ожидает.
Чему быть, то свершится.

Иногда такая вдруг тоска по ветру, звездам... С годами все реже. После того, как свершили крылатый побег Дедал и Икар, лабиринт придавили крышей. Теперь здесь только мрак и тени. Тьма одинакова, а тени причудливы и разны. Я знаю одно место... Свет там просачивается через три расщелинки, падает на пол с двух сторон, образуя узор, который постоянно меняется. Если встать на камень, чувствуешь на лице слабое дыхание ветра. И нигде не поют так красиво, как здесь.

Быть быком... с мощной спиной... скакать по равнине, зеленой до самого горизонта... без преград... склонять шею и опалять траву огненным дыханием... поддеть солнце на рога... рвать зубами тучи... носиться под серебряным светом луны...
Здесь внизу все превращается в сон. Здесь живы только страхи. видения, сны.

Еще у меня есть сводная сестра — Ариадна. Федра все видит глазами матери, у Ариадны взгляд отца.
Об этом мне тоже рассказали сны.

Снова повторю: это б о л ь ш е, чем сны. Иногда я воспринимаю их, как явь... они даже живее, чем все здесь, внизу. Конечно, это звучит нелепо и наивно. Но так и есть. Когда я белая крыса... Почему она мне так часто снится?
Нет, эти видения б о л ь ш е, чем сны.

И снова не только сон: я сижу на широкой лестнице, луна светит... я слышу топот босых ног надо мной... все ближе... о н а замедляет шаг... ступает осторожнее.

Это не только сон: я шепчу ее имя, не разжимая губ... зову ее. И она узнает меня.

Не только сон: молча она садится рядом... но мы понимаем друг друга... Зачем ты хотел меня видеть, зачем позвал? Она дрожит. и еще она спрашивает: я — благой или дурной сон? Она все еще думает, что спит. Она думает, я приснился ей, и утром она попросит оракула растолковать этот сон. Она не понимает, что разноцветные палочки, брошенные через каменный стол, ей ничего не объяснят. "Ариадна,— шепчу я нежно,— это не сон".

Я слышу — тяжело захлопнулась дверь.

Но теперь никакая дверь не остановит меня. Теперь нет стен, непреодолимых для меня.

ЧАСТЬ IV

Сегодня он — другой. Сегодня он воплощает Крит. Ариадна наблюдает за постепенным превращением отца. Каждый штрих меняет его.

Он обнажен, его тело покрывают древние знаки, нанесенные синей и красной краской, есть и золотая. Ариадна сидит перед ним на полу. Иногда они улыбаются друг другу. Молча, без слов. Земля просыпается от зимней спячки. Мир пробуждается. Наступило время весеннего жертвоприношения — в честь Солнца и вечного Быка. Чтоб животворная сила и плодородие никогда не покинули их, чтоб богатство и благо вечно дарили им боги, словно из изобильного рога козы Амальтеи.

Федра спит. Сон — в ее теле, в ее глазах. Она несет его в себе, как чашу с молоком. Она ступает вдоль арены, украшенной колоннами с золотыми обручами. Пока здесь пусто. Но скоро появятся зрители. Налетят словно пчелиный рой. Гул, смех, крики. Она гонит от себя картину праздника. Сон не отпускает ее. Она хочет его удержать, запомнить: вот дверь, иссохшая от зноя и ветров, скрипит. Далеко вниз, теряясь в сумраке, сбегает лестница, нарезанная на ступени. Федре снится, что она осторожно спускается, одной рукой подхватив подол хитона, другой — опираясь на

стену. Она видит отверстие — крипту, подземный ход, высеченный в скале. Вход завешен пологом. Слышен пронзительный смех, прерываемый рыданиями. Она видит клетку, висящую под низким сводом. Она не испытывает ни страха, ни колебаний. Федра знает: сон еще не кончился. Последнее видение как бы застыло. Но оно исчезнет, изменит очертания. Его надо досмотреть до конца.

Сегодня он воплощает Крит.
Ариадна берет его за руку и ведет за собой. В сумрачном зале их ждут поющие жрецы. И Ариадна сегодня — жрица. Ей подвластны змеи и темный смысл пророчеств. Песни. Цветы. Танец.
Царь пляшет, но золотая маска мешает дышать, большие рога становятся все тяжелее...

Я теряю их, думает Пасифая. Ариадна почти чужая мне. Теперь уходит Федра. Сны омывают ее, как волны раковину. А я стою на берегу. Иногда волна выносит ее ко мне. Только на миг. И я ничего не могу поделать. Потому что воды забвенья не похожи на морские. Они — беспощадней. Они уносят все, смывают. Поэтому я радуюсь, когда Федру хоть на краткий миг прибивает ко мне — до нового наката волны, которая вновь унесет ее.
Так думает Пасифая. Неподвижная, окаменевшая. Служанки белят ее лицо, чернят глаза и красят губы алым. Открыты ларцы, полные самоцветов и золотых украшений. Время великого праздника. Ранним утром жрецы разбрасывают цветной песок и чертят на нем узоры — борозды и волны.
Я пленница, думает царица. Я рвусь отсюда, но все пути для меня преграждены. Не знаю, люблю ли я его... Но знаю, что он и я — одно. Только рога нас разъединяют. Но они же и сплетают воедино, как ветви.

Ариадна склоняется над змеями. Смотрит, как они извиваются. Что-то шепчет. Поднимает их.
Корабль, Она видит только корабль. И черные паруса... Змеи обвивают ее. Она осторожно опускается на землю, ложится на спину. Чувствует их скользкие зигзаги на груди, животе... Корабль... Извиваясь, змеи чертят на ней корабль, натягивают парус от подмышек до пупка, и промеж ног она чувствует тугой выгиб полотна... Солнце горячит ее бедра, волны бьют в грудь, она опутана яркими водорослями, желтыми губками, розовыми корал-

лами, запах растворенной соли. Рот раздирает ветер, уши — пронзительный крик чаек.
Обессиленная... закрыв глаза... Она думает, что скажет другим. Ведь она видит корабль с черными парусами. Но знает, что, встав, скажет то, чего они ждут от нее. Все будет, как прежде. Как всегда.

Минос пляшет. Движется только тело. Ноги переступают на одном месте.

Пасифая напряжена. Рядом с ней Федра. Они молчат. Ждут. В другом конце длинного коридора показались Минос и Ариадна. Два страшных силуэта. Он — с рогами, она — со змеящимися волосами. За ними — солнце. Они медленно приближаются, словно плывут в лодочке света. Ариадна в одеждах жрицы, на шее тяжелая золотая кобра.

Пасифая и Федра встают. Те двое проходят мимо, не взглянув на них, молча. Пасифая и Федра почтительно склоняются и следуют за ними наверх — по лестнице, ведущей на трибуну. Подходят к своим местам. Садятся.

Игры начинаются.

Здесь всё настоящее, думает Пасифая. И мы тоже. Мы куклы на ниточках. Дерг — открывается рот, язык вверх и вниз, как будто мы говорим. Все нити держит чья-то рука... даже не рука, а что-то белое... волосатое... с когтями...

Белая крыса шныряет повсюду. Карабкается на акробатов, которые кувыркаются, закручивая смертельные прыжки. Снует под ногами кулачных бойцов — они обнаженные, в кожаных шлемах, без устали наносят удары. Крыса протискивается между струнами кифары, заползает под скамьи, крадется в толпе кричащих, хохочущих, раскрашенных людей: у женщин выбелены лица, волосы высоко зачесаны, платья — длинные, яркие, обнажающие грудь, в руках они держат длинные перья. На мужчинах — набедренные повязки с узорами, они тоже носят украшения. Их волосы тоже зачесаны высоко, и лица разрисованы, но киноварью. А крыса — везде. То появляется, то исчезает, из тени в свет, и снова в тень, отброшенную огромными бычьими рогами — они повсюду, длинные кривые тени, они сплетаются, как ветви и как корни — в лучах

полуденного солнца, их острия кажутся спицами громадного колеса, брошенного на арену.

Мы зависим не от того, что мы делаем, а от того, что уже сделали. Мы те, которыми стали. Мы тащим груз прошлого, от которого нас никто не избавит.
Пасифая смотрит... Видит людей, превращающихся в камни. Видит, как они соединяются в один темный, сочащийся, извивающийся ход бесконечного лабиринта .
Еще она думает о том, кто под землей.
Она хорошо помнит холодное ясное утро. Видит вдали воинов, ведущих Икара и Дедала... и маленькое существо, которое рядом скачет вприпрыжку.
Такой маленький... думает она. И все же это он, наш повелитель. Ибо он — в нас, он не дает забыть прошлое.

Да, это был выбор. Решение. Я знала, что случится потом. Но узел рубить было поздно. Я знала цену. И все же позволила Дедалу смастерить деревянную корову — только так я могла освободиться от огненного наваждения.

Я разыщу его, думает Минос.

Он думает, что улизнул от меня. Но я послал вдогонку двадцать кораблей. Они обшарят все гавани, все берега. Воины будут высматривать, выспрашивать, вынюхивать, угрожать, сулить награду, ходить из дома в дома, стучать в каждую дверь, каждое окно. Они перевернут все камни, разроют все норы, они будут гнать тебя с места на место, как стая лютых волков. Днем ты будешь чувствовать на затылке их жадное дыхание, ночью услышишь их злобный вой. Я отниму твой покой, Дедал. Так же, как ты отнял его у м е н я. Наступит день, когда я отыщу тебя. И горе дому, который укроет тебя!

Я — Минос. Мне подвластно явное и потаенное. Я властвую над морем и сушей. Даже Афины платят мне дань. А ты дерзнул соперничать со мною?!
Месть — единственное, что у м е н я осталось.
Я — Минос, думает он. Я знаю свои обязанности, но знаю и свои п р а в а.

Он вспоминает день, когда узнал... Гнев. Мерзость. Ненависть. Боль. Пустота. Отчаяние. Ненависть. И — холод.
Я мог бы убить тебя, думает он. Но смерть слишком легкая кара. Я мог бы вырвать твои глаза, дать псам выгрызть твою мошонку, удавить тебя твоими же кишками. Достаточно было одного моего слова. Взмаха руки.
Но я выбрал другое. Я притворился незнающим. Я призвал тебя. Дедал, ведь ты зодчий, а я хотел построить такую тюрьму, откуда побег невозможен. Я улыбался. Хлопал тебя по плечу. Намекнул, что считаю ублюдка своим... разве я сам не зачат от быка? Конечно, родился урод, но царской крови. Он имеет право на жизнь. Ты понял, Дедал? Пусть живет... но в таком месте, откуда нельзя сбежать.
И ты начертил лабиринт. Прямо на полу тронного зала. Мелом. Великолепно! Об остальном я промолчал. Лишь позднее, когда об этом уже болтали по всему Кноссу, я "доверился" тебе, рыдал на твоей груди. И ты поверил, ведь ты считал меня глупцом. А знал все, Дедал! Больше, чем ты. Бедная Пасифая... Кто, как не ты, запутал ее в сумасбродных снах, увлек искушением? Ты смастерил для нее деревянную телку. Ты помог ей залезть внутрь. А сам стоял и ждал. Ты и твой сын. Смотрели, как, сотрясая землю, скачет бык. Хохотали над его неуклюжими попытками. Помогли ему взгромоздиться на телку, ржали до слез, слыша страстные стоны безумной Пасифаи, вообразившей себя влюбленной коровой. Потом... вы помогли ей выбраться... голой, дрожащей, окровавленной, забрызганной вонючем семенем и слизью... Я вижу все, Дедал. Вижу, как ты разжег костер, чтобы скрыть преступление. Вы стоите, освещенные пламенем... горит деревянная корова... рухнула, раскатившись головешками... ветер подхватил пепел, волны гасят угли... Я вижу: ей холодно, она окоченела. Но я ничем не выдал свою боль, Дедал. Я не хотел тебя вспугнуть. Ты слышишь? Я хотел, чтобы ты чувствовал себя в безопасности. Хотя я мог приковать тебя к земле и поставить на твою грудь клетку — клетку без дна, с крысой. Вот тогда мы бы ждали вместе, я и ты. Неплохая кампания, верно? Ты и я... ну и крыса, конечно. И мы бы ждали, пока она, устав от беготни, поймет, что клетка никогда не отворится, но есть дно, в ы х о д... и этот в ы х о д ты, Дедал! Представляешь, как острые коготки начинают тебя нетерпеливо царапать?
Я мог бы так поступить. Но это слишком легко, слишком просто.

Я задумал другое — лабиринт. Конечно, ты был уверен, что это для н е г о, несчастного уродца. А он был для т е б я, дружок. Я хотел, чтоб ты построил тюрьму для себя. И ты строил. А я успокаивал тебя. Гладил по головке.
Наконец, был уложен последний камень. Тогда я сжал кулак. И ты оказался пойман. Ты и твой сын должны были сгнить в лабиринте. А в товарищи я вам дал этого ублюдка. Как ты думаешь, почему я пощадил его? Почему даровал ему жизнь?

Ариадна смотрит на отца. Она знает, о чем он думает, когда так сидит.
Крики. Овации победителям. Но Ариадна знает — отец слышит совсем другое... шорох перьев, свист огромных крыльев, тяжелые взмахи. Она тоже помнит тот день... эти непостижимые движения, превратившие двух людей в двух птиц... их надменный смех победителей. Ведь они отыскали выход!
Она помнит, как все жители выбежали из домов, стояли, не шелохнувшись, задрав головы... недоверчивые лица... страх в глазах...Помнит: перышки быстро вращались, падали, как листва с небесного дерева, а дети, прыгая, старались поймать их в воздухе. Она видит: Икар и Дедал взмывают все выше... два крылатых человека, две невиданные птицы. И она, затаив дыхание, смотрела, пока они не превратились в две белые точки далеко над морем.
Мы забыли про в е р х, думает Минос. Мы забыли, что ты — Д е д а л. Что почти все подвластно тебе. Но не покой, Дедал! Настанет день, когда я обрежу твои крылья.
Лабиринт ждет тебя. И тот ублюдок с головой быка. Он вырос. А знаешь, как зовут его? Минотавр — бык Миноса. О н тоже ждет... И он совсем не такой, каким ты его знал. Он сильно изменился. И все из-за тебя. Но настанет день, когда вы встретитесь! Так думает Минос. Мысли скручиваются в клубок, который катится и вдруг обретает мордочку, хвост, когтистые лапы.
Голова моя стала клеткой, думает Минос. Крыса грызет меня. Г р ы з е т.

Ариадна хорошо знает обряд. Сейчас она должна встать. Воздеть руки. Остановить празднество.
Все смолкло. Она говорит. Медленно. Звучно. Она вещает, что небо всегда пребудет с ними. Что море никогда не изменит им. Что все обещанное сбудется. Что жизнь будет длиться. И лишь о

парусе она молчит. О черном парусе, который уже виден на горизонте.

Подземная дрожь... Федра не спит. Это не спасет, но лучше не спать. Она не спускает глаз с чаши с водой — вода колышется, но пока не расплескивается. Боги, не дайте этому случиться! Многие спят во дворах.

Еще Федра думает о рогах — изогнутых, громадных. Она лежала рядом с Пасифаей, и они говорили о Европе — бабушке Федры, которую они обе никогда не видели. О Европе, похищенной Зевсом, принявшем облик быка. Еще они говорили о дочери аргосского царя Ио, которая пасла отцовские стада, когда Зевс наслал густой туман, чтобы бедняжка Ио не могла убежать... а чтобы ревнивая Гера ничего не заподозрила, он превратил Ио в белоснежную телку...

А с тобой разве было не так? — спросила Федра. — Разве то был не Зевс?

Но мать покачала головой.Я сама виновата, прошептала она. Только я... На меня нашло какое-то наваждение.

Значит, э т о живет в к а ж д о й женщине! — воскликнула Федра. Горделиво, упрямо.

Тогда Пасифая заплакала. А Федра утешала ее. Пока не наступило утро.

И вновь Федра думает об Ио. Видит, как Гера все-таки отыскала несчастную и наслала на прекрасную телку злого овода, без устали жалящего Ио. Обезумев от боли, бежит она — в Скифию, к амазонкам, к проливу, что отделяет Европу от Азии и ныне называется Босфор — "коровий брод". Боль гонит Ио... только в Египте, где течет Нил, Зевс вернул ей человеческий облик. Там она родила Аписа — священного быка. Потом Ливия, дочь Аписа, которого еще называют Эпафом, родила от Посейдона мальчика Агенора, ставшего царем финикийского города Сидона и отцом Европы, ее бабушки. Федра видит, как образ Ио постепенно сменяется Пасифаей... как оба видения притягиваются, будто одна нить их сшивает... причудливый, таинственный узор.

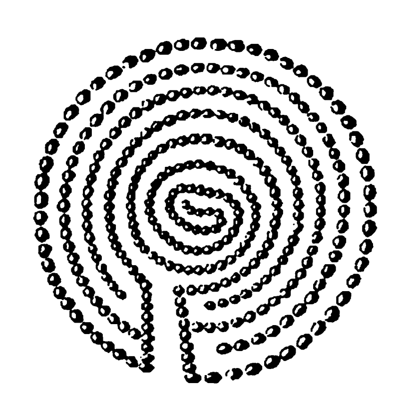
Еще она думает о сестре своей Ариадне. Думает о том, что их разделяет. И почему.

Она засыпает. Глаза закрыты. Уже заступила порог сна. Она под землей. Видит сивиллу — грязную старуху в лохмотьях. Сивилла закатывает глаза, тяжело дышит, силится что-то сказать — и

застывает. Глаза стекленеют... посеребренные стеклянные шары глаз сверкают в огне факелов.
Лицо искривила судорога. Я никогда не узнаю ответа, думает Федра. Глаза Сивиллы меняют цвет. Тело сжимается. Иссохшие груди отпадают, катятся по полу, как пустые амфоры. Лицо заострилось, лохмотья превратились в шерсть — крыса. Крыса смотрит на Федру.
"Мои глаза, как птицы, видят все, — говорит крыса. — Мои уши слышат все. Я могу дать мыслям плоть и голос".

"Я слушаю, — шепчет Федра. — Я слушаю."

ЧАСТЬ V

Это не просто сны. Это — с и л а. Она накапливается во мне. Теперь я спокоен. Я знаю, что надо делать. И знаю, как.
Я прошел много кругов. Остался последний. Все будет как прежде. Но с меня хватит. Конец пути... я выберу сам. Моя судьба — это я сам.
Все это я рассказываю Федре во сне. Ибо они все, наверху, теперь досягаемы для меня. Я забрасываю к ним свой образ, словно сеть.
Не бойся, сестра. Это — я.
Скоро кончится еда...
Перед смертью Мента рассказала мне занятную историю. Она ее слышала от одного моряка. По его словам, это случилось в стране снегов и льдин. Люди там верят, что все произошло от соединения холода с теплом. Первой появилась корова, ее звали Аудумла. Она сразу начала лизать солёные, покрытые инеем камни. Один из камней был не таким, как все. Вечером он покрылся волосами. А на следующий день, когда Аудумла лизала его, образовалась голова. На третий день камень превратился в рослого красивого мужчину по имени Бури.
Так рассказывала Мента. Она думала, ее рассказ отвлечет меня. Она думала, ей надолго хватит подобных историй.

Мне не хватает ее. Ее историй. Ее песен.
Мента была последней.
Возможно, Мента права...

Я тоже был скрыт в камне. Но теперь я свободен. Я освободился, чтобы видеть все, что происходит за стенами и ходами лабиринта. Я вижу все, что было и что будет.
Я вызываю тебя, сестра... Я могу вызвать любого. Того, кто вблизи. Того, кто вдали. Сейчас я вижу быка... хотя нас разделяет море...

Я стою на Марафонской равнине. Сыро, туман стелется над травой. Холодное, блеклое солнце. Здесь он охотится — белый бык. Тот,который когда-то вышел в море и полюбил царицу.
Теперь он ищет то, чего нет. В бешенстве топчет все вокруг. Воины пытаются одолеть его, чтобы завоевать славу Геракла. Но здесь — его поле. И лишь немногие остаются в живых.
Бык приближается. Я чувствую, как сотрясается земля. Слышу топот, подобный громовым раскатам.
Туман рассеивается. И храпящая, пышущая жаром громада высится предо мной. По холке и спине перекатываются волны мышц. Что я вижу в его налитых кровью глазах? Он — мой отец. И мы встретились впервые.

У нас одна судьба — боль и унижение. Я смотрю его глазами. Я чувствую его шкурой. Я вижу любовь... Видение исчезает. Словно глядишь в темную комнату, озаренную зарницами. Я вижу отчаяние. Я чувствую ярость и мощь бычьей мысли...
Я вижу героя из Микен — Геракла. Сейчас он ступил на землю Крита. Тот, кто истребил Стимфалийских ужасных птиц, поймал живьем Эриманфского вепря... Его просят свершить еще один подвиг — убить Критского быка.
Я стою там, где они встретились — человек и бык.

Я вижу быка, распаленного желанием. Но в глазах его не желание, а тоска. Я вижу быка... этот бык — я сам. Это меня поставили на колени, потом стреножили... поздно... даже нельзя взреветь — связана пасть.
Я вижу, как ведут быка на корабль, как прогибаются крепкие сходни. Вижу, как отплывает корабль, оставляя Крит за кормой. Вижу быка, стоящего на нижней палубе. Без еды, без воды. Скоро

его отпустят на волю. На чужом берегу. На чужбине. Мы стоим на Марафонской равнине. Лицом к лицу. Застыли в предрассветных сумерках. Два рогатых существа, окутанных мглистой дымкой. Я чувствую — он узнаёт меня. Ибо я стою перед ним — Минотавр, б ы к Миноса. И я вижу, что он счастлив.

Подойди ко мне ближе, сестра. Не бойся...
Это я посылаю тебе видения.
У меня есть еще... И для Ариадны. Она видела парус, черный парус, закрывшей все небо. Она видела корабль. Скоро она увидит и того, кто на борту. Героя, Федра... героя я послал нашей сестре. И когда это случится... с первого взгляда... я прикрою ей глаза, Федра — так, что она будет видеть лишь его одного.

Как треск сухого сучка... Так это было.

Но теперь все позади. Не слышу шагов. Никто не плачет. Некого обнять.
Мента была последней. Я остался один в лабиринте.
Мы любили друг друга как безумные. Она не пыталась бежать, когда я сдавил ей горло. Улыбалась... трепеща худеньким тельцем, прижалась ко мне. Мы теряли рассудок от голода, но я медлил... Все. Покой.

Я — бык. Я — человек. Я — камень. Я — белая крыса. Но я еще и паук — плету паутину.

Я вижу корабль, он приближается. Но никто не заставит меня пройти этот новый круг.

Надо мной... наверху... пляшут. Обнаженные тела. Кружатся и кружатся. Под звуки флейты и семиструнной лиры. Вокруг воткнутых в песок рогов. Празднуют наступление весны. Славят Землю и Вечного Быка. Солнце и луну. Быка и корову.
Везде я вижу лилии. Бижу большие глаза и большие уши. И очень много лилий. Царица покидает лилейно-белый трон из алебастра, охраняемый грифонами — один справа, второй слева. Я вижу, как Пасифая (ее имя означает "вся светящаяся") садится в носилки. Жрецы несут ее вдоль арены. Народ ликует.
Я вижу Ариадну. Сегодня она — невеста священного животного... она на высоком помосте, без перил... львы охраняют ее, рычат,

угрожающе подняв лапы... Ариадна смеется, ее смех как бичом подстегивает поющих и танцующих.
Только Минос сидит неподвижно
Минос и Федра.

Это всего лишь игра.
Переворачиваю доску.
Я — шашка, но я сама решаю, как ходить.

Я вижу то, что было. Вижу Дедала. Старого, но все еще улыбчивого. Его узкий насмешливый рот. Острый нос, похожий на клюв. Ноздри дрожат. Глаза темные, пронзающие.
Я вижу бегство на Крит, Дедал. Ты и Икар. Ты называл его сыном. Но мать его я не вижу. Бледный неженка, он всюду ходил за тобой. Держал тебя за руку, когда никто не видел.
Я знаю причину твоего бегства. Я вижу смерть. Ты убил Пердикса, сына твоей сестры Поликасты. За то, что он был талантлив. Он придумал гончарный круг, циркуль, пилу. Он был так же искусен, как ты. Или еще искуснее. Ты знал это, Дедал. И ты его убил. Заманил на башню и сбросил вниз. Ты смотрел, как он падал. Теперь ты видишь во сне, как он падает, и слышишь его крик — ведь он превратился в куропатку.
А ты бежал на Крит. Купил себе убежище умением и хитростью. Это было давно. А сейчас ты стоишь на берегу Сицилии. Запахнув хитон. Ты один...

Все это я вижу, Федра. Свои видения я посылаю тем, кому хочу. Или зову их в свои сны.
Я вижу тебя девочкой. Ты прекрасна. Ты кажешься взрослой. Ты идешь по галерее. Солнце высоко. Свет ослепительно и косо падает на камни. Тени образуют дорожку. Ты слышишь смех за дверью. Хочешь войти — и останавливаешься. Руки скрестила на груди. Потупилась. Потом убегаешь к себе, захлопываешь дверь. Но я слышу твой плач.
Ты никому не сказала, что ты увидела. Но с тех пор сторонилась Дедала. Гневно вспыхивала, услышав его имя. Но ты не выдала его. И младшую сестру. Сколько тогда было Ариадне? Когда ты увидела ее голой на коленях Дедала... она забавлялась часами с музыкой. Икар тоже был там. Они все были голые. Когда ты открыла дверь, Ариадна хотела спрятаться, а Дедал захохотал и

поманил тебя... Ты ничего не сказала ей, Федра. И никому. Но она возненавидела тебя. Всегда ненавидят тех, кто знает слабости других.
Наверху стало тихо. Солнце зашло. Арена опустела. До утра. Завтра праздник продолжится. Догорают сотни костров. Мужчины пьют. Дети спят в тепле материнских рук. Женщины, закутав обожженные плечи в цветистые покрывала, смеются. Пахнет первой травой.
Я сижу в своем логове. Царапаю на камне. Думаю обо всем, что нас разделяет. И о том, что связывает нас.
Сестры мои. Вы мне нужны. Обе.
Мы участницы будущего представления.

В лабиринте — ни звука. Молчат даже камни. Я пытаюсь говорить с ними. Но они молчат. Мне кажется, они боятся меня. Я кричу им: "Почему вы меня боитесь?"
Ни звука.

Миносу я шлю видение с белой крысой.
Федре — оракула.
Ариадне — корабль под черными парусами.
А Пасифае? Что снится ей? Я шлю ей видение — два белых быка на Марафонской равнине... в лунном свете они сияют, светятся...
И Аид мне доступен. Даже трехглазый Цербер не остановит меня, а Харон перевозит на своей ладье. Мой взор обращен к царству мертвых, ко всем, у кого я отнял жизнь. Тени... Они приветствуют меня. Узнаю их. Вижу Лавинию. Низко склоняюсь перед Ментой. Мы смотрим друг на друга без упреков, без слез.
Вижу Икара. Он ведь тоже мертв.

Я вижу их птицами. Два сверкающих клинка, рассекающих небо.
Икар и Дедал. Крылья из перьев, скрепленных воском.
Нас заключили в неволю. Троих. Но они обманули меня. Как обманывали других. Я вновь вижу их побег. Чувствую раздирающую боль.
Отчаяние. Обиду. Бью рогами стену. Реву. Они улетели. Как и хвастался Дедал. Улетели!
Другое видение... Я вижу себя вместе с ними. Невидимый, наблюдаю за ними. Там, в вышине. Полет Дедала — сильный и мерный. Голос его: "Икар, осторожнее!" Но Икар не слышит. Как ласточка,

падает, сложив крылья, к своему отражению в море и над волной взмывает. Вьется вокруг Дедала, смеется, бьет его крыльями, кричит от радости, он не знает, что значит слово "осторожнее". Дедал просит сына держаться рядом — не так высоко и не так низко: влажное дыхание моря может отяжелить перья, а солнечный жар размягчить воск. Икару смешна эта тревога. Он — молод. И он крылат! А Дедал состарился, одряхлел, тот самый Дедал, который всегда считал себя хитрее других. Но теперь Икар свободен. Он летит, как орел или ястреб. Хлопает крыльями, набирая высоту. Он парит, обнимается с ветром, выше птиц, выше облаков... "Вер - ни - и - сь!"
Но Икар не слышит. Уже не видно земли. Пусть. Зато солнце все ближе... Икар стремится еще выше. Болят руки. Глазам больно от жара. Клекочет в горле. Выше! Икар забыл, кто он. Забыл, что перья скреплены воском. Он плавится, горячо капает на шею... Горячий град. Выпало перо, еще... рукам вдруг стало легче... и солнца будто пригасило жар... он падает!
Я вижу падение Икара.
Я вижу Дедала, продолжающего одинокий полет. Не так высоко и не так низко...
Я вижу будущее... Художники, скульпторы, поэты станут воспевать безрассудного юнца... того, кто погиб. Его именем назовут море.Того же, кто завершит полет, забудут.
Икар утонул.

Дедал достиг Сицилии.

Я снова в Аиде. Потому что среди умерших — мой брат. Андрогей. Я зову его. И он является.
Когда-то ты был самым сильным и ловким Андрогей. Теперь ты ступаешь тяжело. Но я помню тебя молодым. Вижу тебя на Панафинейских играх, посвященных Афине. Той, которая в доспехах явилась из головы Зевса.
Ты был победителем, Андрогей. В прыжках и метании диска, в беге и кулачном бою. Женщины любили тебя. Но мужчин Аттики грызла зависть... ведь ты был чужаком, твои победы стали их поражением. О, вероломство и хитрость!
Я вижу, как царь Эгей призывает тебя во дворец. Он льстит тебе, но в уголках губ затаилась усмешка. Речь идет о Критском быке. Минос заплатил Гераклу, чтобы тот убил чудовище, но герой из

Микен приволок быка в Аттику, как трофей, а потом отпустил его — теперь пусть другие попытаются испробовать свою силу. Эгей просит тебя повторить подвиг Геракла. Эгей, афинский царь, просит тебя о помощи. Ведь бешеный бык топчет посевы и калечит людей.
И ты берешь меч, Андрогей. Надеваешь доспехи. Ради отца. Ради Крита.
И ты уходишь. Навсегда.
Я приветствую тебя, Андрогей. Здесь, в царстве тьмы, сырости, туманов. В царстве мертвых я приветствую тебя. Ты и я... у нас одна мать. И все могло быть совсем иначе...
Я вижу Миноса, получившего страшную весть.

Вижу флот, посланный им против Афин.
Я знаю дань, которую заплатят ему Афины.
Я сижу в логове. В сердце лабиринта.

Я отверг все, что было. Хочу связать прошлое заново, новым узлом. Моим узлом.

Ариадна. Сегодня она — и луна, и священное дерево. Вокруг нее плясуны в масках.В масках зверей и птиц. Бросают цветы к ее ногам. Одурманивающие, возбуждающие, дающие способность видеть будущее. Голуби садятся на ее плечи и голову. В каждой руке она держит свернувшуюся змею.
Ты священное дерево, сестра. А я — крыса, притаившаяся в листве. Тихонько грызущая твои ветви. Чтоб ты могла увидеть парус...корабль... и того, кто стоит на борту. Он твой, сестра. Я шлю его тебе.
Трибуны пестрят разрисованными лицами и масками. Яростно кричат павлины. Ты не рада, сестра? Твой взгляд устремлен вдаль. Там корабль. Там герой. Он — лев и тигр. Он тот, кого ты ждала. Ты видишь его?
Я шепчу имя.
О, как вспыхнули твои щеки! Как вздымается грудь!
Его зовут Т е с е й, сестренка.
Ты полюбишь его.

Камни перестали меня понимать. Они говорят, что я изменился. Что я стал похожим на людей.
Я улыбаюсь в ответ.

Вы — мои друзья. Мы понимаем друг друга.
Нет, шепчут камни, мы не понимаем тебя.
Но почему?
Твои мысли слишком торопливы.
Но и вы мыслите, говорю я.
Да. Но мы не спешим. Нам некуда спешить. Спешить нельзя.
Они говорят так, не видя корабль. Им все равно, что за груз на его борту. К тому же камни не едят и не пьют.
Я — не камень. Я только кажусь им. Но это лишь скорлупа. Теперь я сбрасываю ее. Мне больно, но я не опускаю рога. Они — часть меня.

И все же я хочу, чтобы вы поняли меня. Ведь вы — мои друзья. Послушайте... Послушайте, как я все ловко рассчитал. Афинский царь Эгей долго был бездетным. Некому было наследовать его царство. Тогда он отправился в Дельфы, к оракулу, чтобы получить совет Аполлона. Но ответа не понял. Поэтому по дороге домой заехал к своему другу Питфею, царю Трезен, обладавшему вещим даром. Питфей так понял слова оракула: у Эгея родится сын, которым станет могучим правителем. А у Питфея есть дочь Эфра — такой красоты, что сам Посейдон приметил ее. Питфей решил: пусть в жилах моего наследника течет кровь царей Аттики. Есть верное средство — вино. Пьяный Эгей ищет в темноте отведенный ему покой, но попадает в спальню прекрасной Эфры. Царевна не испугалась, ведь Эгей — гость. А на ее ложе только что почивал Посейдон, постель еще смята и горяча, еще пот его не высох на бедрах Эфры, но она готова принять в свое лоно Эгея. Таковы женщины...

Я рассказываю это камням, чтобы позабавить их. И скоротать время. Ведь корабль причалит завтра.
Итак, слушайте! Эфра родит сына — Тесея. Возмужав, он должен будет отыскать меч и сандалии отца, тайно явиться в Афины, где Эгей сам узнает наследника.
В шестнадцать лет Тесей отвалил камень, под который Эгей спрятал меч и сандалии, и отправился в путь, Так я рассказываю камням. Ведь должны же они понять, насколько удачен мой выбор. Насколько б е з о ш и б о ч е н.
Я кружу по лабиринту. Похлопываю каждый камень. Говорю.

Радуюсь. И замечаю, что меня никто не слушает.Никто.

Камни не понимают меня.
Они не замечают узел, который я изо всех сил затягиваю. Не замечают, как хитро я сплел нити. Осталась последняя... я долго искал ее. Прислушивался к словам и сплетням. Отмерял. Взвешивал. Обдумывал. Проверял. Наконец, нашел...
Теперь я спокоен.

Я вижу тебя, Тесей. Вижу, каким ты был и каким ты стал. Я вижу тебя на борту корабля. Под парусом печали. Но вот корабль поднял якорь. Ты подставил лицо ветру...
Я вижу, как ты шел в Афины через Коринфский перешеек. Новый Геракл. Разбойники, чудовища, звери... все страшились тебя. Даже свирепый Скирон — тот, кто заставлял путников мыть себе ноги, а потом бросал их со скалы в море, где их пожирала ужасная черепаха. Даже Прокруст — тот, кто любезно встречал путников, а вечером укладывал их на лозе; если гость был высок, Прокруст отпиливал то, что не помещалось на ложе, а если был малорослым, бил его молотом, расплющивая тело.
Я вижу тебя в Афинах. Ты пришел как чужестранец. Лишь один человек знал, кто ты, — волшебница Медея. Ясон обманул ее. Свершив много зла, она бежала в Афины в стала женой Эгея,твоего отца. Твоей мачехой, Тесей. Она помрачила разум царя, веля ему отравить тебя. Помнишь ту трапезу... чашу с отравой... Помнишь белую крысу, которая неожиданно появилась? Ты выхватил меч, и старый Эгей сразу узнал тебя.

Еще тогда я приметил тебя, Тесей. Привязал нить к твоему запястью. Но ты ничего не заметил, как не замечаешь и сейчас. Потому что сны, которые я шлю тебе, тусклы и неясны. Как старое зеркало.

Я вижу, как Медею изгнали из Афин. Народ приветствует тебя, юного правителя. А я вижу пятьдесят сыновей Палланта, брата Эгея — они думали, что кто-то из них наследует престол бездетного Эгея. Ты одолел их — кого пронзил мечом, кого обратил в бегство. Но отныне на тебе пролитая кровь. Ты хочешь искупить ее новыми подвигами. Ты освобождаешь страну от врагов. Ты спешишь на Крит...

Ты изменился, шепчут камни.
Да, я изменился.

Теперь я знаю: я никогда не стану песней, никогда не стану улыбкой. Но я буду жить. Останусь в памяти людей.

Скоро все превратится в пепел и прах. И те, кто был здесь, останутся безымянными, как камни.
Но то место, которое я готовлю себе, никто занять не сможет. И никто меня не удержит. Я сам свершу свою судьбу.

Ветер стих. Гребцы налетают на весла. Семь юношей и семь девушек. Приговоренных жребием к смерти.
Они видят Крит, поднимающийся над морем. Знают свою участь. Они слышали истории о лабиринте. О его бесчисленных лестницах, ходах, подземельях. О чудовище, пожирающем жертвы.
Каждый год афиняне шлют на съедение семь юношей и семь девушек. Такую дань потребовал Минос от Эгея, пославшего на смерть Андрогея.
Не плачь, сестра. Смотри: тот, кого ты ждешь, не скорбит. Он сам стал одним из семи, по своей воле. Смотри, он утешает других. С какой надеждой они смотрят на него!

ЧАСТЬ VI

Вот уже несколько недель по всей стране ловят быков. Юноши преградили ущелья и узкие долины сетями, гонят быков в западню, в загоны, оттуда — в Кносс.
И вот день настал — день игр с быками.
За громадными воротами, ведущими на арену, толпятся молодые мужчины и женщины. Разминают мышцы, готовятся к состязанию. За противоположными воротами — свирепые грозные быки. Там рев и тучи земли, стук рогов, удары бичей.

Служители распахивают ворота. На арене — первые быки и первые акробаты. Рев трибун. Весенние игры с быками. Игры со смертью!

Празднества в честь богов. Всем на радость.
Прыгуны обнажены, лишь препоясаны разноцветными шарфами. Женщины их завязали, оставив длинные концы, как знак мужской силы. Как фаллос.
Бык выбирает врага. Нападает. Но человек ждет. Ждет, когда бык склонит морду, чтоб поднять смельчака на рога, и сам молниеносно хватается за рога, и когда бык отбрасывает его, акробат, будто пущенный из пращи, взлетает в воздух — в невероятном по высоте прыжке. А надо еще не угодить на лезвия рогов, под жернова копыт. Оп! - прыгун уже на арене. Или на громадной спине быка. Снова прыжок... Так состязаются быки и люди.
Соперничают жизнь и смерть. Оп! О...
Игры только начались. Еще много прыгунов. Много быков.
Арена превращается в кипящий котел. Вихрь прыжков. Песок в крови. Ни секунды покоя прыгунам, рога со всех сторон, спасение в прыжке.
Игры продолжаются весь день до захода солнца — тогда на арену выходятстражи с мечами и двойными топориками. Жрецы принесут быков в жертву богам.

Лицо Миноса скрыто золотой маской. Никто не должен знать его чувств. Но Пасифая знает... И, забывшись, кладет ладонь на его руку.
Заметил ли он?

Золотая маска неподвижна.
На трибуне не видно Ариадны. Она скрылась, накрыв голову покрывалом. Взошла на крепостную стену. Смотрит туда, где гавань. Видит корабли. Они все ближе. Кто же из этих чужеземцев Тесей? Как сильно бьется сердце! Она узнает его.

Они много слышали о Кноссе. Правдивые истории и небылицы. Теперь они здесь. И видят все, о чем слышали, но явь превосходит рассказы. Город и дворец так ослепительно прекрасны, что Афины в сравнении о ними — казарма, хлев. Они чувствуют свое

ничтожество, но стараются не показывать этого, — ведь с ними Тесей. Они только робко переглядываются. Почему он молчит?

Я — белая крыса. Меня никто не подстерегает. Я — властелин крыс. Но они с писком разбегаются, будто я — тонущий корабль. Я один. В огромном тронном зале. На что мне теперь корона? Швыряю ее. На что мне скипетр и мантия? Разгрызаю скипетр. Рву золотисто-алую мантию. Опрокидываю трон, а на полу... под шаткими заплесневевшими ножками клубятся черви...
Я просыпаюсь.
И точно знают: отныне я — не крыса.

Я вижу, как они входят в западные ворота, Таков обычай. Их накормили и напоили. Переодели в белые одежды. Сейчас их введут в голубой зал — где пол выстлан лилиями и где Минос восседает на лазуритовом троне. Рядом с ним Ариадна, она наклонилась к отцу, что-то шепчет. Но смотрит в сторону.
Твои щеки пылают, сестра. Он заметил тебя. Он ведь из Аттики, а там женщины не обнажают грудь. Он знает только тех, кто прячет наготу и ходит, опустив глаза. Твоя грудь ослепила его. Подними голову. Смело ответь взглядом на взгляд. Пусть теперь он отводит взор.
По одному они подходят к трону, склоняются в поклоне и громко называют свое имя. Чтобы писцы начертали его без ошибки. Никто не должен умереть безымянным. Имена будут записаны и продолжат список тех, кто были до них.
Подходит Тесей. Приветствует Миноса. Называет его сыном Зевса. Приветствует Ариадну и называет себя — сына Посейдона. Вижу, как замер Минос. Мысль ласточкой вьется в его глазах.
И вновь он спокоен.
Царь встает. Объясняет, почему они здесь, с чего все началось. Обещает им свободу, если они убьют чудовище. Или найдут выход из лабиринта.
Но все начнется лишь завтра. У них еще есть вечер. И ночь. Праздник не должен быть омрачен.

Кружу по лабиринту.
Без цели.

Без передышки.
Один.
Стиснув голову. Слышу, камни что-то говорят. Но я уже не понимаю их.
Я знаю, что уже никогда не буду камнем.

И никогда не смогу стать человеком.

Я помню давний сон. Когда был маленьким. Я стою на берегу. Ко мне подходит Минос. Его лицо скрывает маска быка. Он машет мне, снимает маску, садится на корточки, протягивает мне руки — и улыбается. И я бегу к нему. Падаю, снова бегу. И задыхаюсь в его объятиях. Он снимает о меня бычью голову — это всего лишь маска. Мы обнимаемся. Мы плачем. Мы кидаем камни в воду. Теперь-то я знаю — так не бывает. Это человеческое лицо — маска, но под ней бычья морда, а под мордой — вновь лицо..

Их много.

Федра, ты одна любила меня. Только ты не опускала глаза при виде меня. Не визжала. Не отшатывалась. Даже увидев меня в первый раз.
Я у всех вызывал отвращение. Даже Мента сначала боялась меня. Боялась смотреть на меня. А она была лучше других.
Я знал многих из т е х женщин. Почти все они ненавидели меня. Почти все, отдаваясь, думали, что перехитрили меня. Но некоторые все-таки любили меня. По-своему. Не сразу. Если еще оставалось время.
У них не было выбора. Им было нужно, чтобы их любили. Даже такой, как я. В это трудно поверить, но под конец они даже забывали, кто я.
Увы, ничто не длится вечно. Здесь, внизу.

И здесь рождались дети.
Не только мои.

Бык во мне медлит. Он не решается. Не желает зла никому. Могучие быки бывают робкими. Я часто чувствовал, как бычье во мне сопротивляется. Но человечье побеждало.

Однако боятся все же быков.
Человек думает, что делает добро.
Как плохо он себя знает.
Я вижу ночь, Федра.
Я вижу нашу мать. Она не спит. Лежит. Глаза открыты.
Я вижу нашу сестру. Она готовится к встрече. Сейчас пойдет к Тесею, крадясь по-воровски.
И я вижу Миноса. Ему снится сон, который я не могу отвести. Ему снится: он бросил перстень в море и хочет, чтобы Тесей достал его, доказав тем самым свое происхождение от Посейдона. Тесей ныряет в бездну... И владычица морей Амфитрита помогла ему.
Сон повторяется вновь и вновь.
Сон-круг.
Сон-предостережение.

Приходи танцевать со мной, Федра.
Сегодня ночью мы будем танцевать. Ты и я. Обняв друг друга. Легко, как две тени. Ты увидишь меня не камнем и не крысой, не быком и не человеком. Ты увидишь меня таким, каков я на самом деле. Все другое я сбросил.
Я есть Я. И всю ночь мы будем танцевать.

Я сделаю так, что ты увидишь Ариадну, нашу сестру... вот она входит к спящему Тесею, будит его поцелуем... обняла... Мы могли быть на их месте, Федра. Если бы все было иначе. разве я не мог лежать там, обнаженный, под тонким покрывалом? Спросонья оттолкнул тебя, вскочил, изготовясь к борьбе... но понял, что другая борьба ожидает меня — на ложе. Разве ты не могла быть там, Федра? Сбросить проворно тунику, приложить палец к моим губам, возлечь... я бы увидел, как ты ласкаешь мои бедра... как ты хочешь меня. Но там они — Тесей и Ариадна. Сплели тела и стонут от наслаждения. А мы только две тени. Танцующие тени. А ведь там должны были быть мы...

Будь рядом этой ночью, сестра. Дай мне силы встретить завтрашний день. Помоги мне. И завтра будь рядом. Посиди со мной. Как в детстве. Посиди здесь со мной, в темноте, среди камней. Ведь каждому нужна опора. Особенно когда ждешь.

Только не спрашивай о том, на что я сам не знаю ответа.
Туман застилает виде́ние.
Узел еще не затянут...

Она просыпается. Приподнимается на локтях. Рассматривает его. Он спит, положив руку ей на живот. Дышит легко и часто, как ребенок. Она целует его, нежно гладит нос, щеки. В комнате темно, хотя уже день. Падают капли в водяных часах. Чаша почти полна, остались две черточки — красная и синяя. Это ее время. Ее и его. Ночь связала их жизни невидимой нитью.

И Минос не спит. Стоит у окна. Склон, кедровая роща... он не видит ее. Видит только трезубец. Видит, как вода стекает с него, как водоросли обвили зубцы. И не утренний ветер он слышит, а смех. Как шорох волны. Он чувствует взгляд. Чьи-то глаза, как пиявки, впились в висок, присосались к сердцу. Царь думает: что же еще ты можешь отнять у меня?
Она не понимает его. Рассмешила его, предложив свою помощь. Он засмеялся в крепко прижал ее. "Как же ты хочешь мне помочь?"
"Еще не знаю. Но никто не отнимет тебя, Тесей. Даже Минос!"

Минос облачается. Медленно, лениво. Думает о Крите. О подземных толчках, О Зевсе, который оставил его. О проклятии над его домом. Еще он думает об острове далеко на западе — о некогда могучем царстве, которое погубил Посейдон, обрушив на остров страшные удары и ужасные волны. Они смыли в море все. Никто не спасся. Даже остров погрузился в пучину, как корабль с пробитым днищем. Покоится на дне. Только никто не знает где.

Неотвязная мысль! Будто кто-то шепчет: клубок, нить... ведь все так просто... И меч.
Она смотрит на спящего. Она задыхается от любви. От ее взгляда он просыпается. Она целует его. Ложится на него. Кусает подбородок. "Клубок, — шепчет она. — И меч". Он кивает, стиснув ногами ее бедра.
Потом она хочет быть под ним. Так она хочет. Она всегда была дочерью своего отца.
Но теперь она понимает мать. Потому что Тесей целует ее. Жадно,

ненасытно. Ласкает. Душит в могучих руках, пока она не превращается в крохотный комочек плоти — без сил, с помутившимся взглядом. Она выгнулась натянутым луком. Стонет, кричит. Она хочет всегда быть желанной. И никогда — одной.

Пасифая проснулась — кто-то нежно гладит ее по щеке. Она думала, это Федра. Но это Ариадна. Она целует мать. И уходит. Так и не узнав, как поразил ее приход Пасифаю.

Федра просыпается. Глаза ее полны слез.

Я вижу страх. Он бурей проносится по стране.
Я вижу, как море вздымается до небес.
Я вижу огонь — его не загасить.
Я вижу землетрясение. Не слабые колебания, а удары,
которые раскалывают Крит, превратив его в могилу. Я вижу разрушенный Кносс. Немногие спасутся. Все будет предано забвению.

...Ничего нельзя изменить.
Я сделал выбор. А колесо судьбы пусть вращается.

Я вижу конец Миноса. У него еще есть время. Но я вижу, как он умирает... обваренный кипятком. И слышу молодой смех.

Побудь со мной, сестра. Тот, кто должен прийти, уже у дверей, окруженный спутниками.
Помоги мне... Держи меня. И не бойся того, кто незримо присутствует всюду, чье дыхание ты слышишь всегда. Он — сын Ночи и Мрака, брат Сна. Боги не любят его, а люди страшатся. Но под землей он — желанный гость. Он исцеляет нашу боль. Мы приветствуем друг друга, как друзья. Мы сидели с ним за одним столом. Он — Танатос, олицетворение смерти. Но не тебя он ждет.

Я вижу вход. Маленькая расщелина в стене. Такая узкая, что едва можно протиснуться.
Я вижу Миноса и четырнадцать... из Афин. Вижу жрецов — это наряженное воронье. Они нетерпеливо ждут. Рыщут глазами, замечая боязливые взгляды, опасливые шаги. Им смешно. Зеваки

сажают детей на плечи — пусть они тоже видят. Я слышу барабаны. Они хотят, чтобы я взревел. Ведь я голоден. Но бык во мне спокоен, а человек молчит.

Тесей тоже спокоен. Я слышу его властный голос. Вот он первым шагнул. Первым вошел в лабиринт.

Когда-то я мечтал, что меня освободят. Я мечтал о герое, герое в блестящих доспехах, который станет мне другом и братом. Выведет меня на свет. Мы встанем, озаренные солнцем. Плечом к плечу. И все изумленно застынут. А ты, Федра, подбежишь ко мне.

Поэтому я принимаю то, что есть.

Я выбрал Тесея. Да, он не самый лучший... Но он освободит меня. Ты видишь его, Федра?
Крадется... Замер. Двинулся дальше. Меч держит перед собой — он нашел его сразу, у входа, как и обещала ему Ариадна. Но это *я* надоумил ее, когда она спала. И клубок... тоже моя подсказка. Я могу вызывать образы или видения, но действовать она должна сама.
Видишь, как разматывается клубок? Катится по лестницам, ходам и переходам, оставляя нить. Тесей идет один. Клубок уменьшается. Другие? Они покорно ждут. Один держит конец нити, обвязав ею запястье. Сердце бьется под нитью. Вся надежда на нить.

Я вижу другую нить... Другую судьбу...
Я вижу Миноса.
Он все потерял, осталась только месть. Он жаждет сам отыскать врага. Он знает хитроумие Дедала. Именно на эту наживку он и поймает хитреца. Смотрите, как причудливо закручена эта раковина, никто на свете не сможет протянуть сквозь ее извивы нить! Щедрое вознаграждение тому, кто сумеет!
Я вижу, как Минос достиг Сицилии. Он во дворце царя Кокала. Показывает раковину... просто так... для забавы... Не родился хитрец, который проденет в нее нить. Кокал берется продеть, но ему нужен один день и одна ночь — дело трудное. Я вижу, Минос, как вспыхнули твои глаза. И вижу Дедала, который не может устоять перед соблазном поразить всех своим хитроумием. К тому

же он должен угодить новому повелителю. Я вижу, как Дедал, обвязав нитью муравья, пускает его в раковину...
Довольный Кокал вернул Миносу раковину, нанизанную на нить: я нашел разгадку. Минос кивает: эта разгадка называется Дедалом. Ты должен выдать его.

Кокал обещает. А пока... не угодно ли гостю искупаться в горячей ванне, а дочери Кокала с радостью услужат владыке Крита. Ах, Минос! Он предвкушает наслаждение, не ведая, что гибель близка. Зачем дочерям Кокала этот дряхлый старец? Они окатывают его кипятком. Ужасная смерть!
Так он погиб, Федра.
А Дедал вновь ускользнул. Как всегда. Пустился в новые приключения. Его будущее покрыто дымкой. Не вижу, как он закончит дни.
Таков мир, сестра. Подлость всегда торжествует.

Я слышу шаги. Ближе... дальше... Тебе еще долго идти, Тесей.
Тот, кто хочет достичь средины, должен быть терпелив.
Я вижу тебя таким, каков ты сейчас. И каким ты станешь. Ты будешь могучим правителем. О твоих деяниях узнают все.
Но братом быть ты не умеешь.
Ты отважен, Тесей. И бессердечен. И это я обращу против тебя. Твои глаза видят только один путь. Твои мысли маршируют, как воины. Ты не колеблешься. Не ведаешь страха, который надо одолеть. Поэтому твоя отвага ненастоящая.
Мой брат должен быть милосерднее, Тесей.
А камней я видел достаточно.
И все же... я связал свою судьбу с твоей. Всегда, когда заговорят о тебе, вспомнят меня. Ведь это ты убьешь меня.

Я вижу Марафонскую равнину. Вижу быка, который стремится к невозможному. Недостижимому. Его убьет та же рука, что и меня. Люди назовут это подвигом...

Я прощаюсь...

Прощаюсь с Пасифаей, моей матерью. Я простил ее. Во сне мы часто обнимаем друг друга. Она называет меня по имени. Я

склоняю голову и слушаю. Это имя знаем только мы. А с т е р - и й. З в е з д н ы й. О, как она счастлива! В моем имени — все звездное небо.
Я вижу ее умирающей... Старой... Измученной... Она дышит, как загнанный зверь. Сломленная тем, что ей пришлось пережить. Она осталась одна.

Побудь со мной, Федра. Только не плачь. Во всяком случае, из-за меня. Со мной случится только то, что я сам избрал для себя. Плачь лучше о нашей сестре... Она хочет бежать. Страсть ослепила ее. Что-то еще... Не вижу...
Обними меня, Федра. Пусть руки твои будут сильными. Пусть щеки твои будут нежными. Пусть любовь вспыхнет в твоих глазах. Пусть губы твои будут ласковыми. Недолго ждать...
Побудь со мной.
Недолго ждать.
Скоро я сам попрошу тебя уйти. И ты не медли, слышишь? Запомни меня. Только не животным, отданным на заклание.
Свой конец я встречу один.
Мне за многое надо ответить. Ошибки, ошибки, ошибки.
Не осуждай меня, сестра. Разве я был волен выбирать?

Я вижу — клубок уменьшается, он стал, как орех. Еще немного, Тесей. Почти вся нить размоталась. Ты у цели. Слышу за стеной твои шаги. Звон меча о камни.
Почему ты один, герой? Почему не взял боязливых спутников? Чтобы награда и слава достались тебе одному? Не понимаю. Впрочем, я ведь — не человек.

Ариадна... я прощаюсь с тобой. Больше не слетят к тебе мои видения, мои сны. Они не принесут тебе радость. И лучше тебе их не видеть.
Тот, кого ты любишь, покинет тебя. Не думал, что он так поступит. Но он так легко оставит тебя. Словно смоет тебя с себя.

Я вижу: Тесей выходит из лабиринта. Вижу свою голову — мертвую, в крови. Он поднимает ее, перехватывает за рог и швыряет. Хохочет, хлопая себя по бедрам.

Я простился с нею. Со всеми...
Мое последнее видение. Оно появляется медленно. О нем я рассказываю камням. Вырезаю его на камне, как и все другое. Свою жизнь я записал на камнях. Запрятал сюда, в логово, свою судьбу. Чтобы кто-нибудь однажды узнал... Понял, что не все было так, как рассказывают. Что все не так просто...

Я вижу виселицу. И тело, качающееся на ветру. Много лет спустя... После того... После войны с амазонками... После того, как ты похитил их царицу Антиопу, и она родила тебе Ипполита. Потом ты женился вновь — на Федре. Она и твой сын живут у царя Трезен, твоего деда. А сам ты воюешь. Как же еще отличиться герою?!
Вернувшись домой, ты находишь жену свою мертвой. Она повесилась, оставив письмо — ты узнаешь, что Ипполит пытался изнасиловать мачеху. Но она предпочла смерть позору..
Ты проклинаешь нечестивого сына, просишь Посейдона отомстить ему. Посейдон внял твоей просьбе. Когда Ипполит мчался на колеснице по берегу, море вдруг забурлило, явив громадного быка, от рева которого вздрогнули скалы. Одним ударом рогов бык разломал колесницу. Обезумевшие кони понесли, влача Ипполита, растерзав его об острые камни.
Так ты потерял жену и сына. В один день. А потом узнал, что твой сын невиновен. Друзья намекнут тебе, что это Федра возжелала пасынка и повесилась, потому что он не согласился быть ее любовником.

Вероломные друзья... Слабое утешение.

Думали, что так тебе будет лучше. Но это еще не все... И не совсем так, как тебе рассказали. Правда в том, что ты тщеславен, Тесей. Ты забыл, кто она. А для мести нужно время. Она влюбила тебя. Тебя, который привык только брать и так же легко бросать. А Федра заставила тебя вызвать быка из моря, растерзать собственного сына, плоть твою... Она обманула и тебя, и Посейдона.
Ты слеп, Тесей. Ты не разглядел Федру. Она долго ждала...

Но все, что я говорю, слышат только камни. Это им я шепчу. Царапаю последние знаки. Узел затянут. Все нити сплетены воедино.

Бросаю последний взгляд на свое логово.

Недолго ждать.

Я стою лицом к стене, вжав ладони в камни. Подставив спину. Тому, кто убьет меня и сделает меня... бессмертным.

Перевела с норвежского

Лилия ПОПОВА

ИЗОБРАЖЕНИЯ ЛАБИРИНТОВ:

Стр.30 — «Лабиринт, здесь живет Минотавр» (надпись на колонне в Помпее — ок. 79 г.).

Часть I — Изображение в долине Самониса (Италия).

Часть II— Храм Мисоре в Хамбиде (Индия).

Часть III — Для американских индейцев х о п и лабиринт — символ Земли-Матери.

Часть IV — Рисунок на стенке этрусского кувшина для вина.

Часть V — Лабиринт, сложенный из камня на одном из островов (Финляндия).

Часть VI — Африканское племя з у л у чертит лабиринт пальцем на песке; это как игра.

Елена **ИГНАТОВА** (Иерусалим)

К ОВИДИЮ

Слепой пастух и каменные овцы.
Дымят овраги, вырытые солнцем.
Праматери-земли по ним стекало млеко.
Вот ваших судеб край:
Овраги да колодцы,
Мочи овечьей стойкое болотце,
Солончаки да степь...
И — до скончанья века.

Наверно, души те, что выгнаны из плоти,
Здесь коротают век в забвенье и дремоте
До новой бренности, до будущей тюрьмы.
Заквасят молоко для старика слепого,
Овечью шерсть прядут и забывают слово —
Постылой речи плен, в котором вечно мы:

"Земля, не отбирай моих любимых!
Вода, не отбирай моих любимых !..
Пойдет, моя душа, растеряна и боса,
Туда, где есть подруги ей..."

Спеленут сыр травою,
Старик качает мертвой головою,
Солончаки в степи — как пыльные колеса...

* * *

Грубо отесан и опоясан собор
туфом узорным. Мы из Армении сонной
ехали к северу. Помню ее непреклонный
камень, и ржавое солнце, и небо — в упор.

Правду сказали: нашим красотам совсем
с великолепием древним нельзя становиться и вровень,

но тосковать по безродным полям, по овинам без кровель
кто приучил и излечит когда, я не вем.

Ближе. Больнее. Речка под серым дождем,
шест над водою — так иглы втыкаются
в вену...
Тело родимой земли горячо и нетленно,
и серебристые шрамы дороги на нем.

Вот и Москва, где радищевский сонный возок
выловлен сетью дождя и подтянут до тучи,
"Чудище обло, огромно" и воет по-сучьи,
насмерть укачан российской дорогой ездок.

Крови костер угловат. В пепле осенних болот,
вспоротой пашни — жизнь вытекает по капле.
Трудна добыча дыхания. Воздух разграблен.
Каждое дерево судорогой тайною бьет,

* * *

Вы мне ворожите, родные города,
где созревает жизнь, как семечки, тверда,
ты — Вязьма сладкая, ты — брошенный Саратов,
где солнечные дни и пыльные закаты,
где я не поселюсь, наверно, никогда.

В который раз мне видится, как дед,
нахмурившись, листает книгу рода
(он умер до войны), он ищет след
моей судьбы — но нет меня, но нет!
Я пустотой страницы много лет
бреду, как по пустыне в дни Исхода.

* * *

Нет нам друзей на свете. Мы с тобою — вдвоем.
Ты-то не помнишь — ангел долго кружил над жильем,
В легких руках ребенок, губы земли черней:
"Вот тебе дело в мире до окончания дней".

ТБИЛИСИ

Я приняла эти выдохи "хо" и "ара",
осени привкус — льда, тления, жара
и непочатую смерть в золоченой клетке
кукольной драмы, где плачут марионетки.

Не затвердила имен, вспоминаю только
воздуха конус над пепелищем колхов,
тело толпы, плывущей по Руставели,
теплую тьму, как завесу над колыбелью.

И отступила обида моя, угасла,
и воспаленной твоей земле говорю: "Прекрасна",
даже когда топорщишь больные крылья,
бредни кровавые смешивая с былью.

* * *

Блокада. Простуда. Поленьев отрада.
Не надо о будущем думать, не надо...
Два сломанных стула. Два томика Блока.
И мирное время далёко, далёко.
Блокада и стужа — навеки вдвоем.
Блокада — и черный оконный проем.
Ты выживешь телом, ты духом умрешь,
Ты станешь на вымерший город похож.
Идешь по цветущим садам Ленинграда,
"Я здесь похоронен. Блокада. Блокада..."
По-прежнему воздух в груди леденит,
По-прежнему памятник в парке зарыт.

Елена ИГНАТОВА — поэт, прозаик. Родилась в Ленинграде. Автор книг «Стихи о причастности» (Париж, 1976),«Теплая земля» (Ленинград, 1989), «Небесное зарево» (Иерусалим, 1992). С 1990 г. живет в Иерусалиме. Работает в издательстве «Библиотека-Алия».

Гаянэ АХВЕРДЯН

* * *

Мы прикованы к музыке, мы — согалерники плеска
струн, смычков и ладоней — открой ей навстречу глаза,
словно в воду гляди, уходящую в прорубь оркестра,
о, не бойся морей — все моря застилает слеза.

Дай тебя мне спасти, дай мне выплыть,
как мальчик с дельфином
выплывает на берег в такой не по росту волне,
что взмывает с ладони по воздуху в трепетно-дивной
и звеняще-сухой и с ума низводящей струне.

Мы прикованы страстью морей к лучезарному плеску,
мы не знаем законов неведомой лунной страны,
мы прикованы к музыке, перелетающей Лету,
мы — ее корабли, и моря выбирать не вольны.

сентябрь 1993

Юлия КУНИНА

* * *

Бьет полночь. Я одна. Терраса кораблем
вплывает в душный сад. Высокого досуга
не нужно мне теперь. Любовника и друга
не нужно мне теперь, когда с тобой вдвоем,

дитя, в сей вотчине, на опустевшей даче,
"не столько негдуя, сколькл плача",
живем. И в нашем феодальном быте
лишь отраженье грозное событий.

Полночый мотылек, застенчивая моль...
В Фирсановке стоит заброшенное время...

колотится в стекло. И ледяная соль,
горячий луный свет ложится на ступени.

И как в увеличительном стекле,
стократ приближенный, стократно повторенный,
разлуки скорой взгляд неутоленный.
Раскрыта "Йерма" на моем столе.
И дальний лай собак, и эхо
печальной электрички. Кто сказал,
для памяти блаженство не помеха?

* * *

Забудь: сенатский похоронный день,
и траурный Шопен, рыдавший над толпою,
бредущею к его последнему покою.
Но марш заиграннный был, будто сам Шопен,
беспомощный, как люди в утешенье,
все те же говорящие слова,
которые не могут нас утешить.

Молись о нас, оставленных одних,
беспутных, потерявшихся, нагих,
а он теперь средь ангелов и света.
Я также непреложно знаю это,
как то, что поля у герба четыре,
как наш девиз на рыцарском турнире:

Живи, как знаешь. Поступай как должно.
И вдаль гляди светло и безнадежно.

ПОСЛЕ БЕРГМАНА

И я вдруг поняла, что моего народа
дороже мне тугая несвобода,
густой настой тщеты и доброты
всей прочей драгоценной суеты.
Но я смотрю, как дети на витрины,

и эти бескорыстные смотрины —
чудесное виденье Рождества.
Такого никогда я не имела.
Но Боже мой, да разве в этом дело!
Для жизни непригодная Москва
знакомей мне, чем собственное тело.
Моих друзей затихших телефоны,
грядущего пунцовые бутоны
на хищных стеблях настоящих лет
и адреса, которых больше нет.
Греми, греми, мучительный рояль,
трамвай-ковчег из дребезга и света!
Народ мой — лишь народ, но это
самодостаточно. Мне более не жаль,
что душу мира не забрал он в полон,
что, как кувшин, был сам себою полон,
что человеков не ловец... И это
сильнее тяги Нового Завета.

май 1991 г.

12 ЯНВАРЯ 1991

Три с половиной миллиона
Осталось до полного счета!
Это не так уж много —
Сущие пустяки.

Александр ГАЛИЧ. Реквием по неубитым.

Улитка, милый век, ты,
скрученная туго
нагое время. Друг,
поздравим же друг друга
с тем, что, герань безумия во рту,
наш умирает день,
привязанный к кресту
вниз головой, как Петр.
А ты не различала,
портняжка-мебиус, конца, начала,

завязки завязи, плода.
Прыжок в пружине,
ты — вывод, навсегда
сводящийся к причине.
И в населенном воздухе смятенье,
и истекут три дня,
но чуда воскресенья
не будет. И когда
в глазницах моря пусто,
не слышно твоего хитинового хруста.

Юлия КУНИНА родилась в Москве. Окончила филологический факультет ТГУ (специальность — испанский язык и литература). Аспирант Нью-Йоркского университета. Автор книги стихов «Кайрос» (Москва. 1991).

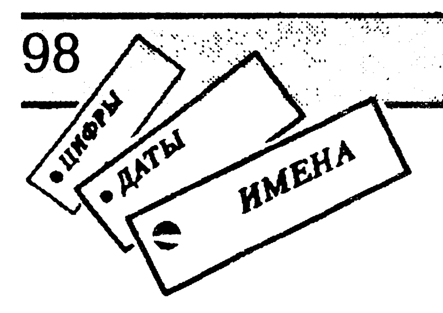
Мария ХАЧАТРЯН

* * *

В губах — улыбка,
В руках — плеть.
Тебе приходится
Много уметь.

Ты стал силен
В обороне стен,
Молись один.
Встаю с колен.

18 декабря 1987

ДАТЫ АРМЯНСКОЙ ИСТОРИИ

560 В Никозии воздвигнут армянский монастырь св.Макариуса («Синий Монастырь»).

1319 Архиепископ Погос возглавил армянскую епархию в столице Золотой Орды — Сарай-Бату, где были армянские церкви св.Богородицы и св.Креста.

1364 Учреждена еперхия Армянской церкви во Львове.

1770, 1 ноября Указ имп.Екатерины II Сенату о разрешении армянам построить церковь в С.-Петербурге и Москве.

1783 Первый перевод английской книги на армянский язык — издание в Мадрасе сочинения Гануэ Англичанина «История жизни и дел Надир-Шаха, короля персидского», переведенного на армянский язык Погосом Мирзояном Амирецы.

1823 Первые армяне поселились во Владикавказе.

1810 Указом Наполеона Бонапарта создана Армянская академия мхитаристов.

1843 Стал издаваться арменоведческий журнал мхитаристов «Базмавец». Выходит по сей день.

1945, 22 июня Церковный Собор избрал архиепископа Геворга Чорекчяна католикосом всех армян Геворгом VI (скончался 6 мая 1954 г.) .

1948-1950 Семь слушателей возрожденной Духовной академии в Эчмиадзине приняли священнический сан, — это было первое пополнение служителей Армянской церкви за многие годы.

1950	В Ереване снесли церковь св.Григория Просветителя.
1978	В Бейруте открыт Высший Общенациональный Арменоведческий Институт.
1992, 3 апреля	В Церкви Св.Георгия Просветителя (Владикавказ) впервые за последние полтора века были рукоположены в дьяконы сразу восемь юношей: Оник Согбатян, Саргис Погосян, Эдуард Хачатурян, Грант Тертерян, Зограб Габемян, Артур Галстян, Артур Карапетян, Варт Гдлян.
1993, 12 сентября	Близ села Пионерское (Крым) заложен и освящен первый дом поселка, где будут жить 2,5 тыс. армян, депортированых отсюда в 1944 г.
1993, 12 сентября	В Москве состоялись переговоры министра иностранных дел Нагорно-Карабахской Республики Аркадия Гукасяна и заместителя министра иностранных дел Республики Азейрбаджан Афиаддина Джалилова — это первая официальная встреча представителей конфликтующих сторон.
1993, 26 сентября	Французский автогонщик Алэн Прост (отец — Андре Прост, мать — Мари-Роз Каратчян) в четвертый раз стал чемпионом мира в гонках «Формула-I».
1993, 27 сентября	В Москву пришел 60-летний карабахский паломник Сергей Мартиросян. 16 августа он вышел в путь из Степанакерта, надеясь в феврале 1994 г. достичь Нью-Йорка.
1993, 10 ноября	Скончалась от инфаркта 87-летня ереванка Парандзем Карапетян. По словам ее супруга, электричества не было несколько дней; как обычно, горела керосиновая лампа, и вдруг дали свет, — внуки радостно закричали, а Парандзем Николаевна так разволновалась, что лишилась чувств.
1993, 22 ноября	В Одессе заложен первый на Украине храм Армянской апостольской церкви; он носит имя св.Григория Просветителя, как и армянский храм, ликвидированный вместе с общиной в 50-е годы.
1994, 12 февраля	Впервые Армения была представлена на зимних Олимпийских Играх самостоятельной командой.

ДАТЫ ЕВРЕЙСКОЙ ИСТОРИИ

38 Еврейский погром в Александрии: многие евреи были убиты, синагоги осквернены, а оставшимся разрешалось жить в одном квартале города.

927 Первые евреи в Киеве.

1003 Первый еврейский погром в Киеве.

1799 Жители горной тосканской деревушки Питильяно (Италия) встали на защиту небольшой еврейской общины от наемников-антиякобинцев.

1944 Юрист Рафаэль Лемкин в книге «Европа под властью оси Берлин-Рим» впервые употребил термин «геноцид» для обозначения одного из тягчайших преступлений против человечества — полного или частичного уничтожения групп населения по расовым, национальным или религиозным мотивам. В своей автобиографии Р.Лемкин писал, что когда он начал работу над конвенцией «О предупреждении преступления геноцида и наказаний за него» (единогласно одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 9 декабря 1948), он имел прежде всего геноцид армян.

1945, 6 июня Соглашение между Польшей и СССР о репатриации поляков и польских евреев. С конца 1944 по 1949 в Польшу вернулось 203 тыс. евреев.

1950, апрель Умер, не выдержав допросов следователей госбезопасности, ленинградский хасид Иосиф Тамарин. Тысячи людей пришли проститься с евреем, замученным за то, что он тайно выпекал мацу, запрещенную властями.

1967, 5 июня Начало Шестидневной войны. В 7.45 ВВС Израиля нанесли удар по аэродромам противника, уничтожив за 3 часа более 300 самолетов египтян. А всего за первые два дня израильтяне уничтожили 416 самолетов противника.

1990 В Польше создана комиссия епископов «За диалог с евреями», которая подготовила и направила во все приходы и монастыри документ, предписывающий священникам разоблачать в своих проповедях антисемитские предрассудки.

1993, сеньябрь Ясир Арафат подписал в штаб-квартире ООП в Тунисе документ, содержащий обязательства о признании прав Израиля на безопасное существование и об отказе от террористической деятельности. В тот же день израильский кабинет министров принял решение о признании ООП на основе взаимности.

1993, 13 сентября Министр иностранных дел Израиля Шимон Перес и член Исполкома ООП Махмуд Аббас подписали в Вашингтоне мирное соглашение между Израилем и ООП.

1993, 10 октября Ицхак Рабин прибыл в Пекин, став первым главой правительства Израиля, посетившим Китай с официальным визитом.

1993, 15 октября Примьер-министр Ицхак Рабин прибыл в Индонезию (самую крупную мусульманскую страну) и встретился с президентом Сухарто.

1993, ноябрь Членом правительства Марокко, свормированного королем Хасанлм, впервые с 1957 г. оказался марокканский еврей — Серж Бердуго, он стал министром туризма.

1993, 15 ноября Самолет израильской авиации вывез из Армении треть тамошних евреев. Осталось их в Республике 350 человек (в 1970 г. было 1.049).

1993, 15 декабря Министр иностранных дел Шимон Перес призвал всех евреев из бывшего СССР переехать в Израиль. Выступая в кнессете, он заявил, что «русские правильно проголосовали по Конституции и непраильно по парламенту, но это их решение. Я только могу сказать евреям, что их место здесь».

1994,

25 февраля

В святом для ислама и иудаизма месте — у «пещеры патриархов» в Хевроне — еврейский поселенец-фанатик расстрелял собравшихся на утреннюю молитву мусульман. 39 человек погибли и около ста ранены. Убийца, 35-летний врач Барух Гольдштейн, капитан запаса медицинской службы, успел выпустить из своего автомата 111 пуль, прежде чем был до смерти забит теми, кто уцелел.

С осуждением убийства выступили президент Израиля, кнессет (включая правую оппозицию), министры, раввины и даже Совет поселенцев. Премьер-министр Ицхак Рабин: «Один выродок обгадил Израиль, евреев, иудаизм».

ЕВРЕИ И АРМЯНЕ. ЧИСЛЕННОСТЬ И РАССЕЛЕНИЕ.

СТРАНА	НАСЕЛЕНИЕ тыс. чел. 1991 г.	ЕВРЕИ тыс. чел.	ГОД	АРМЯНЕ тыс. чел.	ГОД
Австралия	16.850	100	1993	30	1985
Австрия	7.665	13	1980	2	1985
Азербайджан	7.029	32	1993	390	1989
Алжир	26.022	1	1980		
Ангола	8.668				
Андорра	53				
Аргентина	32.663	300	1980	85	1985
Армения	3.300	0,35	1993	3.084	1989
Афганистанан	16.450	0,2	1979		
Бангладеш	116.601				
Барбадос	254	0,07	1979		
Бахрейн	536				
Белоруссия	10.200	98,5	1993	5	1989
Бельгия	9.921	41	1980	15	1993
Бенин	4.831				
Бирма(Ньяма)	42.112	0,02	1993		
Болгария	8.910	7	1980	6	1993
Боливия	7.156	2	1973		
Босния и Герцеговина	4.365				
Ботсвана	1.300				
Бразилия	148.000	150	1990	22	1986
Бруней	397				
Буркина-Фасо	9.359				
Бурунди	5,831				
Бутан	1.598				

Ватикан	0,788				
Великобритан.	55.487	410		12	1986
Венгрия	10.588				
Венесуэла	20.189	15	1980	5	1990
Вест-Индия	33.639				
Вьетнам	67.658				
Габон	1.197				
Гаити	6.286	0,15	1979		
Гайана	748				
Гамбия	874				
Гана	15.616				
Гваделупа	340				
Гватемала	9.266	2	1979		
Гвиана	82				
Гвинея	7.455				
Гвинея-Бисау	1.023				
Германия	79.548	60	1990	15	1990
Гибралтар	30	0,6	1979		
Гондурас	4.949	0,2	1980		
Гонконг	5.840	1	1982		
Греция	10.042	6	1980		
Грузия	5.500	17	1993		
Дания	5.134	7,5	1980		
Доминиканская Республика	7.384	0,2	1979		
Египет	54.451	0,4	1980		
Заир	37.832	0,2	1980		
Замбия	8.445	0,4	1980		
Зимбабве	10.720	1	1992		
Израиль	4.477	3.549	1989	2,1	1993
Индия	866.000	8	1980	1	1980
Индонезия	193.000	0,2	1993		
Ирак	19.500	0,4	1980	25	1990
Иран	59.000	70	1980	180	1986
Исландия	259				
Испания	39.384	41	1982		

Италия	57.772	32	1982	5	1988
Йемен	10.062	0,5	1980		
Казахстан	16.538	17	1993	19	1989
Камбоджа	7.146				
Камерун	11.390				
Канада	26.836	305	1980	70	1985
Кения	25.249	0,45	1979		
Кипр	708	0,03	1979	2	1986
Кыргызстан	4.300	5	1993	4	1989
Китай	1.151.486	2	1993		
Колумбия	33.777	12	1980		
Конго	2.411				
Коморские о-ва	476				
КНДР	21.814				
Корея	43.134				
Коста-Рика	3.111	2,5	1979		
Кот д'Ивуар	12.977				
Куба	10.732				
Кувейт	2.024			10	1985
Лаос	4.113				
Латвия	2.680	18	1993	3	1989
Лесото	1.801				
Либерия	2.730				
Ливан	3.384	0,1	1987	150	1985
Ливия	4.350	0,03	1993		
Литва	3.754	6,5	1993	1,6	1989
Лихтенштейн	28				
Люксембург	388				
Маврикий	1.о82				
Мавритания	1.995				
Мадагаскар	12.185				
Макао	620				
Малави	9.438				
Малайзия	17.981				
Мали	8.338				
Мальта	354				

Марокко	26.181	8	1993	12	1986
Мартиника	336				
Мексика	90.007	37,5	1980		
Меланезия	5.417				
Мозамбик	15.113				
Молдова	4.341	43	1993	2,9	1989
Монако	30				
Монголия	2.247	0,09	1993		
Намибия	1.520				
Нигер	8.154				
Непал	19.611				
Нигерия	88.500				
Нидерланды	15.022	30	1980		
Никарагуа	3.751	1,3	1979		
Новая Зеландия	3.308	5	1980		
Норвегия	4.2373	1,3	1079		
Объедин. Арабск. Эмир.	2.389				
Оман	1.534				
Пакистан	117.490	0,25	1982		
Панама	2.426	5	1990		
Папуа-Новая Гвинея	3.913				
Парагвай	4.798	0,9	1984		
Перу	22.361	5,2	1986		
Польша	37.799	5	1989		
Португалия	10.387	0,3	1989		
Пуэрто-Рико	3.708	1,5	1986		
Россия	148.542	656	1993	532	1989
Руанда	7.902				
Румыния	23.397	45	1980	6	1993
Сальвадор	5.418	0,35	1979		
Сан-Марино	23				
Сауд. Аравия	17.869			15	1988

Сахара Зап.	150				
Свазиленд	859				
Сенегал	7.952				
Сингапур	2.756	30	1990		
Сирия	12.965	1,3	1993	120	1985
Словакия					
Словения	1.974				
США	248.710	5.920	1980	800	1986
Сомали	6.709				
Судан	27.220				
Суринам	425	0,5	1979		
Сьерра-Леоне	4.274				
Таджикистан	4.274	2	1993	5,7	1989
Тайвань	20.658	0,03	1980		
Таиланд	56.814				
Танзания	26.869				
Того	3.810				
Тринидад и Тобаго	1.285				
Тунис	8.276	7	1980		
Турция	58.580	24	1980	250	1992
Туркменистан	3.534	2	1993	32	1989
Уганда	18.690				
Уругвай	3.121	35	1993	14	1985
Узбекистан	19.906	60	1993	50,5	1989
Украина	51.994	474	1993	54,2	1998
Фиджи	744				
Филиппины	65.758				
Финляндия	4.991	1	1979	0,05	1991
Франция	56.595	700	1992	290	1991
Хорватия	4.763				
ЦАР	2.952				
Чехия		3	1993		
Чили	13.286	30	1980		
Швейцария	6.783	21	1980	3	1992
Швеция	8.564	17	1980	1,8	1986

Шри-Ланка	17.423				
Эквадор	10.751	1	1979		
Экваториальная Гвинея	360				
Эстония	1.581	3,5	1993	4	1992
Эфиопия	53.131	2,2	1993	1	1986
ЮАР	40.600	100	1993		
Япония	124.017	0,45	1993		
Ямайка	2.489				

ОТ РЕДАКЦИИ. Читателей, которые обнаружат ошибки в цифрах, а также располагают более точными данными о расселении евреев и армян по странам мира, просим сообщить в редакцию, ибо такую таблицу «НОЙ» будет публиковать ежегодно.

Вардван ВАРЖАПЕТЯН

«ИСПОВЕДЬ АНТИСЕМИТА»

(История одной статьи)

Заслугой автора сей публикации можно посчитать лишь то, что он первым установил точную дату смерти Александра Ивановича ТИНЯКОВА, - он умер 17 августа 1934 г. в ленинградской больнице Жертв Революции.
В.В.

ПРОПАЛ МАЛЬЧИК

Несколько дней тому назад ушел из дому и не вернулся ученик Киевского софийского духовного училища Андрей Ющинский. Последний раз мальчик был в школе 12 марта.

КИЕВСКАЯ МЫСЛЬ. 16 марта 1911

Влад. АЗОВ

ИДИОТ

— Отчего из Киева выселяют евреев?

На вид вопрошающий был человеком совершенно нормальным. У него было неглупое лицо. В глазах светилась даже некоторая смышленость.

— Как отчего? — ответил я. — Оттого что они евреи.

Он пожал плечами.

— Я знаю, что евреи, — сказал он. — Но я спрашиваю, почему выселяют евреев?

Право, у него было неглупое лицо, и как-то странно было слышать от него повторение этого глупого вопроса.

— Евреи, — объяснил я ему еще раз. — Еврейского вероисповедания. Вот за это их и выселяют.

— А почему их не выселили раньше?

— Прозевали, — объяснил я. — Заняты были. А вот теперь посвободнее стало, ну и начали выселять.

— Значит, — возразил он, — они имели право жить в Киеве. Почему же их выселяют?

— Да ведь они же евреи! — воскликнул я.

— Ну да, — сказал он, — я знаю, что евреи. Но я спрашиваю, почему нарушили закон?

— Да ведь по отношению к евреям! — воскликнул я.

Его тупость начала раздражать меня.

— Вы меня не понимаете, — спокойно сказал он. — Я спрашиваю, почему людей выселяют, а вы мне твердите, что они евреи. Вы мне на мой вопрос ответьте!

— Да я ведь вам отвечаю, — закричал я. — Я вам русским языком говорю: их выселяют потому, оттого и за то, что они евреи.

— Евреев выселяют за то, что они евреи?

— Ну, конечно! Наконец-то вы поняли!

— Ничего я не понял. Я понял только, что выселяемые не католики и не протестанты, а евреи. Но за что этих людей выселяют, я, ей-богу, не понимаю.

— Да ведь евреи не имеют права жить в Киеве.

— Но ведь они же жили!

— Так мало ли что жили! Раньше жили, а теперь пожалуйте на вынос.

— Почему?

— Опять почему? Потому что евреи!

— Да ведь они были евреями, когда имели право жить?

— Вот за это самое их и выселяют, что были и остались евреями.

— Значит, нарушили закон! Значит, не имеют права выселять!

— Кого? Евреев?

— Ну да, евреев. Мы ведь говорим о евреях.

— Вы не хотите понять! Евреев всегда можно выселять.

— Почему?

— Да потому, что они евреи!

— Потому что они евреи, их можно выселять?

— Ясное дело! Всякий ребенок понимает.

— Но почему же их можно выселять, когда они имеют право жить и столько лет жили?

Я вскипел.

— Идиот вы! — воскликнул я. — Да потому что они евреи.

Он обиделся чрезвычайно. Побледнел весь и отошел от меня. Но я не раскаиваюсь. Ну, как же он не идиот, когда он не понимает таких простых вещей?

Влад.АЗОВ. Цветные стекла. (Библиотека «Сатирикона».) СПб., 1911, с. 111-112.

А.АМФИТЕАТРОВ — ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМУ, 19 мая 1911

Дорогой Шолом-Алейхем!

Всей душой я сочувствую Вашей боли и Вашему гневу. Кровавый навет и полемика о нем поистине противны и страшны. Очень хотелось бы мне что-то предпринять по поводу этого. Как публицист и историк могу написать обстоятельное опровержение этого отвратительного навета, начиная с Апиона и по сей день, но мы же стоим с глазу на глаз с омерзительными, бесстыдными лжецами, медными лбами, которые не признают никаких доказательств не потому, что они нам не верят, но потому, что они н е х о т я т верить, ибо им невыгодно. Это погромщики по натуре, погромщики со злой волей, погромщики по призванию. У нас в России говорят, что когда палач принимает свой славный пост, то отказывается от отца-матери, а все эти меншиковы и герои правой трибуны отказались также и от ч е л о в е ч е с т в а.

Содержание Вашего письма я передал Максиму Горькому, а также отписал всем известнейшим русским литераторам с предложением организовать общий протест в желательной форме, чтобы он мог распространиться в широких массах.(...)

Цит. «ГОД ЗА ГОДОМ». Литературный ежегодник.Вып. 5. М., 1979,с.291-292.

(...) необходимо понять, что расовые особенности так сильно ограничили еврейский народ от всего человечества, что они из них сделали совершенно особые существа, которые не могут войти в наше понятие о человеческой натуре.

Мы можем их рассматривать так, как мы рассматриваем и исследуем зверей, мы можем чувствовать к ним отвращение, неприязнь, как мы чувствуем к гиене, к шакалу или к пауку, но говорить о ненависти к ним означало бы их поднять к нашей ступени. Англичане так устроили, что на Британских островах нет ни единого волка, и ни один англичанин не будет говорить и не будет даже думать о своей ненависти к этому вредному, гнусному зверю (...)

Только распространение в народном сознании понятия, что существо еврейской расы не то же самое, что другие люди, а подражание человеку, с которым нельзя иметь никакого отношения, — только это может постепенно оздоровить народный организм и может еврейский народ так ослабить, чтобы он больше не смог принести вред или чтобы

он совсем сгинул. История знает о вымирающих племенах. Наука должна поставить не еврейскую расу, но характер еврейства в такие условия, чтобы оно сгинуло.

Александр СТОЛЫПИН, сотрудник газеты «Новое время» — октябрь 1911.

Цит. «ГОД ЗА ГОДОМ». Вып.5. М., 1979, с. 296.

(...) Среди окружавших Садовского забавной фигурой был также "бывший москвич" — поэт Тиняков-Одинокий. При Садовском он был не то в камердинерах, не то в адъютантах.

"Александр Иванович, сбегай, брат, за папиросами". —

Тиняков приносил папиросы. — "Александр Иванович — пива!"

"Александр Иванович, где это Кант говорил то-то и то-то?" — Тиняков без запинки отвечал.

Это был человек страшного вида, оборванный, обросший волосами, ходивший в опорках и крайне ученый. Он изучил все от клинописи до гипнотизма. Главным коньком его был Талмуд, изученный им досконально, но толковавшийся несколько специфически. Тиняков в трезвом виде был смирен и имел вид забитый и грустный.

В пьяном, а пьян он был почти всегда , - он становился предприимчивым.

«Бродячая собака». За одним столиком сидят господин и дама - случайные посетители. "Фармацевты", на жаргоне «Собаки». Заплатили по три рубля за вход и смотрят во все глаза на "богему".

Мимо них неверной походкой проходит Тиняков. Останавливается. Уставляется мутным взглядом. Садится за их стол, не спрашивая. Берет стакан дамы, наливает вина, пьет.

"Фармацевты" удивлены, но не протестуют. Богемные нравы...Даже интересно...

Тиняков наливает еще вина. "Стихи прочту, хотите?"

Богемные нравы... Поэт... Как интересно... Да, пожалуйста, мы так рады...

Икая, Тиняков читает:

Любо мне, плевку-плевочку
По канавке проплывать,
Скользким боком прижиматься...

— Ну, что... Нравится? — Как же, очень! — А вы поняли? Что же вы поняли? Ну, своими словами расскажите...

Господин мнется.

— Ну... эти стихи... вы говорите... что вы плевок... и...

Страшный удар кулаком по столу. Бутылка летит на пол. Дама вскакивает, перепуганная насмерть. Тиняков диким голосом кричит:

А!.. Я плевок!.. Я плевок!.. а ты...

Георгий ИВАНОВ. Петербургские зимы. — Г.ИВАНОВ. Стихотворения. М., «Книга». 1989, с.345-346.

В четверть седьмого вечером 5 июля (1913 г.) в участок доставлен г.Полянский, поскольку вышеозначенный справлял малую нужду во внутреннее пространство кремлевского царь-колокола, что вызвало сильное возмущение благонамеренных прохожих.

ИЗ ПОЛИЦЕЙСКОГО ПРОТОКОЛА

"Кто как хочет думать, — для меня Андрюша Ющинский есть *мученик христианский*. И пусть дети наши молятся о нем, как о замученном праведнике; да и не мешало бы помолиться — в больших церквах народно. Будет же заниматься только перепиской канцелярских книг".

В.РОЗАНОВ. «Андрюша Ющинский».— ЗЕМЩИНА. 5 октября 1913.

"Уважаемому Александру Ивановичу Тинякову на память. В.Розанов".

Дарственная надпись на титульном листе книги В.РОЗАНОВА "Ангел Иеговы у евреев".

ИРЛИ, р.1, оп.12, № 160.

Пошлость есть совершенно не учитываемая категория литературы, совершенно не попадающаяся в истории литературной критики, - между тем она есть главная, или чрезвычайно значительная. Произведения разделяются на "эпические, лирические и драматические" или на "талантливые и слабые", между тем как все они разделяются на пошлые и не пошлые.

В.РОЗАНОВ Мимолетное. — ОПЫТЫ. Литературно-филосовский ежегодник. М., 1990, с.309.

М.ДОЛИНОВ — Б. САДОВСКОМУ, 10 ноября 1913

Из письма Конге Вы уже знаете, вероятно, что Тиняков повздорил с Собакой (кафе «Бродячая собака». — В.В.) и там не бывает. С ним опять неладное: пьет вмертвую и пишет письма завещательного характера. (...) В Собаку я решил более не ходить (...) там вечные скандалы. Третьего дня чествовали Бальмонта, (который) приехал "на гастроли" к нам. Был Сологуб, Гумилев и много прочих. К утру Бальмонт напился пьян, сел подле Ахматовой и стал с нею о чем-то говорить. В это время к нему подошел Морозов (сын Пушкинианца) и стал говорить комплименты. Бальмонт с перепою не разобрал, в чем дело, и заорал: Убрать эту рожу! Тогда Морозов обозлился, схватил стакан с вином и швырнул в К.Д. Этот вскочил, но был сбит с ног Морозовым. Пошла драка. Ахматова бьется в истерике. Гумилев стоит в стороне, а все прочие избивают Морозова. Драка была убийственная. Все были пьяны и били без разбору друг дружку смертным боем. Все это так ужасно и кошмарно, что я, по крайней мере, лично не пойду больше в этот (passez moi le mot...) бардак.

ЦГАЛИ, ф.464, оп.1, ед.хр.52.

Прекрасен поздний час в собачьем душном крове,
Когда весь в фонарях чертог сиять готов,
Когда пред зеркалом Кузмин подводит брови
И семенит рысцой к буфету Тиняков.

Прекрасен песий кров, когда шагнуло за ночь,
Когда Ахматова богиней входит в зал,
Потемкин пьет коньяк и Александр Иваныч
О махайродусах Нагродской рассказал.

Но вот уж близок день; уж месяц бледноокий,
Как Конге, щурится под петушиный крик
И, шубы разроняв, склоняет Одинокий
Швейцару на плечо свой помертвелый лик.

ЦГАЛИ, ф.464 (Б.Садовской), оп 1, ед.хр.2. опубл. А.Парнас, Р.Тименчик. «Программы "Бродячей собаки"» (Памятники культуры. Ежегодник, 1983. Л.,1985, с.207).

А.ТИНЯКОВ — Б.САДОВСКОМУ, 11 ноября 1913

(...) очень давно собирался написать Вам. Но сначала лихо пьянствовал; затем — по обыкновению — сидел неделю у Николая Чудотворца (в больнице — В.В.); последнюю неделю работаю и бегаю по редакциям. (...) был и в «Заветах», но там объявили мне бойкот, и Иванов-Разумник сказал, что не будет печатать моих вещей "по соображениям принципиального характера", т.к. я работаю у Гарязина. Я в сущности рад этому и все повторяю в душе золотые слова Императрицы Елисаветы Петровны: "От врагов Христовых интересной прибыли не желаю". Был за это время только у А.А.Кондратьева. В «Собаку» я не хожу и вовсе не потому, что меня оттуда выставили (в день Вашего отъезда из Питера)... Выставляли меня оттуда не раз и в прошлом сезоне, но не в этом дело. Откровенно скажу Вам, что даже мне эта «Собака» — мерзость. Это какой-то уголок ада, где гнилая и ожидовелая русская интеллигенция совершает службу сатаны. Ходить туда русскому человеку зазорно и совестно. И до шабашей я не охотник... 13-го мне обещались дать пробную карточку нашей группы. О Конге и Долинове ничего не знаю, т.к. Конге не хочет отвечать мне на письма... д.б. из либеральных побуждений. Очень прошу Вас, дорогой Борис Александрович, сообщить мне точные адреса Розанова и Б.Никольского. (...)(...) Не изменили ли Вы мыслей ваших относительно смокинга? Извините за вопрос, но обносился я удовлетворительно.

ЦГАЛИ, ф.464, оп.1, ед.хр. 212.

А. КОНГЕ — Б.САДОВСКОМУ, 13 ноября 1913

Александр Иванович (Тиняков) сидел неделю в больнице, а теперь снова здоров, но, кажется, пока не пьет.

ЦГАЛИ, ф.464, оп.1, ед.хр. 73.

И.РУКАВИШНИКОВ — А.ТИНЯКОВУ, 18 ноября 1913

Никто не может ни обидеть,
Ни обездолить, ни убить
Того, кто может всех любить
И не умеет ненавидеть.

Впрочем, довольно стихов. Вот что, дорогой мой. Я убедился, что политические убеждения гораздо более дело вкуса и только вкуса, чем об этом полагают. Войны и революции тоже бывают де из необходи-

мости только, а столько же из-за желания подраться. В свое время в Новгороде Великом или в этом вот милом Пскове, где сейчас не без удовольствия пребываю, еженедельно сходились краснощекие здоровяки сотнями стенка на стенку, чтоб ломать приятелям черепа и ребра. Историческая же необходимость и логика этих событий лишь та, что одна группа Федек и Митрошек жила на горке, а другая под горкой. А хилые питерцы не лезут в драку, когда их лупят нагайками. Так-то. Все дело вкуса. А войны? Тамерлан, Тимур, Кабомар(?) и проч. — да они ведь кроме всего иного любили драки. Посмотрите на древнее оружие. Его украшали более дорого, более тщательно, чем любимую женщину, чем идолов и богов. А что это означает?

Еврейские погромы и весь почти еврейский вопрос это тоже дело вкуса. Почему евреев бьют? Главным образом потому, что евреи ничуть не спортсмены, имеют жалкий, пришибленный вид, а грубым людям таких-то и хочется поколотить. Пусть-ка попробуют наши лавочники и жандармы устроить погром сотне молодцов из Канады или Аляски. В деревнях у нас чем хилее лошадь, тем мужик нещаднее и сладострастнее ее колотит. Баб тоже толстых меньше бьют. Того же порядка явления. Казаку приятно полоснуть курсистку. Мне же неприятно. А Вам как? Дело вкуса, милый мой.

Но вот что. Мне нравятся больше брюнетки. Но я имею право сказать это, потому что целовал и блондинок. А Ваши "правые убеждения" — это продукт чисто русский, местный. Поживите за границей годика два. Тогда вкусы переменятся, и поговорим. Вы скажете: я по книгам знаю. А я скажу: нет, это не то. Вобрать надо, вдохнуть. И право стыдно в наше время жить на одном месте. У нас есть ноги и колеса. Вот курица и та более развита, чем груздь.

Итак, честно Вам говорю, как другу: полагаю, Вы не в праве считать Ваши политические убеждения продуманными и завершенными, пока Вы не высовывались за околицу родной своей деревни. Итак, уезжайте. Конечно, через Псков, чтоб поболтать с другом, который не хочет к Вам в Питер, ибо там неба нет.

Пусть, возвратившись, Вы скажете мне: я все тот же. Пусть. Но тогда у Вас будет право на это. А пока нет...

ГПБ. ф.774, №35.

СЕКРЕТНЫЙ ЦИРКУЛЯР СОЮЗА МИХАИЛА АРХАНГЕЛА от 10 октября 1913 г., № 1693.

В виду злобного шума, поднятого жидами и жидовскою печатью всего мира вообще против обвинения жидов в ритуальных убийствах

христиан и, в частности, против обвинения в этом Бейлиса по делу Андрюши Ющинского в Киеве, а также и вследствие той травли, которую жиды ведут против защищающих интересы матери убитого Ющинского, мужественных борцов за правду, члена государственной думы Георгия Георгиевича Замысловского и присяжного поверенного Алексея Семеновича Шмакова, — главная палата русского народного союза имени Михаила Архангела считает безусловно необходимым морально поддержать этих доблестных и стойких разоблачителей жидовского изуверства и поэтому предлагает всем своим отделам немедленно же послать в Киев, в окружной суд, на имя гг.Замысловского и Шмакова, телеграммы с выражением им своего сочувствия, ободрения и уверенности в торжестве русской, против жидов, правды. Телеграммы эти должны быть изложены в соответствующих выражениях, по усмотрению самих отделов, и подписаны председателями таковых, с добавлением "по уполномочию такого-то отдела союза имени Михаила Архангела". Со своей стороны главная палата посылает особую телеграмму.

Председатель союза, член государственной думы Влад. Пуришкевич.

За секретаря союза Н.Юскевич-Красковский.

СОЮЗ РУССКОГО НАРОДА. По материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 1917 г. М.-Л.,1929,с.98-99.

Жена Сологуба, Анастасия Чеботаревская, была маленькая, смуглая, беспокойная. Главное — беспокойная. В самые спокойные еще времена — всегда беспокоилась. О чем? О всем. Во время процесса Бейлиса, в обществе эстетическом и безразличном и к Бейлису, и ко всему на свете, хватала за руки каких-то незнакомых ей дам, отводила за угол каких-то нафаршированных Уайльдом лицеистов и, мигая широко открытыми серыми "беспокойными" глазами, спрашивала скороговоркой: "Слушайте. Неужели они его осудят? Неужели они посмеют?"

Георгий ИВАНОВ. Петербургские зимы. С.392-393.

«ДЕЛО БЕЙЛИСА»

Мне становится не по себе, когда я вижу в газетах жирным шрифтом напечатанные слова: "*Дело* Бейлиса". Но мне становится положительно жутко, когда я в жидовских газетах читаю, что лично Бейлис "здесь ни при чем", что "дело Бейлиса есть дело всего еврейского народа".

Да,жутко... Хотя утверждения еврейских публицистов я не оспариваю. Ибо: в чем же заключалось "дело", *сделанное* Бейлисом или, что вернее, — сделанное еврейским народом? Ответ на это даю не я, и не прокурор Виппер, и не Шмаков, а молчаливый и *обескровленный* труп *русского* мальчика, труп мальчика Андрюши Ющинского...

Так вот оно какое "дело"!

Схватили. Утащили. Выпустили при жизни кровь. Это называется "делом" Бейлиса или, по словам жидовских публицистов, "делом всего еврейского народа".

Такого рода "дела" Бейлис или отождествленный с ним (не нами) иудейский народ делает не в первый раз. И оттого-то именно, что он делает их не в первый раз, а делает давно, и упорно, и всюду, — мне, русскому человеку, мне, арийцу,— жутко!

Требуется! Религиозным законом требуется! Требуется Талмудом или учением хасидов! И убью, и выточу кровь из поганого гоя бесстрашною, бестрепетною рукой. *Так* думал Мендель Бейлис и бывшие с ним во время убийства в Киеве, и во время убийства в Саратове, и во время убийства в Велиже, и во время убийства в Дамасске...

Отлично, Молоху требуется, Менделю Бейлису требуется кровь иноплеменника, а вот мне — она не требуется. Народу, к которому я принадлежу, и Богу, которого народ наш исповедует, — нам крови человеческой не требуется. И то, что *для вас* — "высшая правда" и "священный закон", *для нас* - только преступление. И преступление это мы судим своим русским судом, но мы и смеем, и можем, и должны судить его еще и жалостью своей к убитому мальчику, и гневом своим - общенародным, и справедливостью своей — общеарийскою.

Так вот *какой суд* идет над осколком семитической расы и над диким "законами" г.г. Бейлисов! Вот почему такой крик, и гвалт, и молитва, и посты производятся во всемирном иудействе. Не товарищ прокурора Виппер, а всемирное арийство подняло грозную голову и смотрит на всемирное иудейство, убившее для требований своей грязной сектантской религии отрока арийской крови.

И мечутся, и галдят жалкие кагальные заправилы под этим, для них нестерпимо-тяжким и грозным обвинением. Но правосудия им не остановить...

Александр Куликовский
(А.Тиняков)

ЗЕМЩИНА, 26 октября (№1481) 1913 г., с.3.

К РУССКОМУ ОБЩЕСТВУ
(по поводу кровавого навета на евреев)

Во имя справедливости, во имя разума и человеколюбия мы подымаем голос против вспышки фанатизма и темной неправды.

Исстари идет вековечная борьба человечности, зовущей к свободе, равноправию и братству людей, с проповедью рабства, вражды и разделения. И в наше время, как это бывало всегда, — те самые люди, которые стоят за бесправие собственного народа, — всего настойчивее будят в нем дух вероисповедной вражды и племенной ненависти. Не уважая ни народного мнения, ни народных прав, готовые подавить их самыми суровыми мерами, — они льстят народным предрассудкам, раздувают суеверие и упорно зовут к насилиям над иноплеменными соотечественниками.

Ныне, по поводу еще не расследованного в Киеве убийства мальчика Ющинского, — эти люди уже спешат кинуть в народ лживую сказку об употреблении евреями христианской крови. Это — давно известный прием старого изуверства. (В первые века после Рождества Христова языческие жрецы обвиняли христиан в том, будто они причащаются кровью и телом нарочно убиваемого языческого младенца. Так объясняли они таинства евхаристии.) Вот когда родилась эта темная и злая легенда! Первая кровь, которая пролилась из-за нее, по пристрастным приговорам римских судей и под ударами темной языческой толпы, была кровь христиан. И первые же опровергли ее отцы и учители христианской церкви. "Стыдитесь, — писал св. мученик Иустин в обращении своем к римскому сенату, — стыдитесь приписывать такие преступления людям, которые к ним не причастны. Перестаньте! Образумьтесь!"

— Где же у вас доказательства?— спрашивал с негодованием другой учитель церкви Тертуллиан. — ... Одна молва. Но свойства молвы известны всем... Она почти всегда ложна... Она и жива только ложью... Кто же верит молве?

Теперь лживость молвы, обвиняющей первых христиан, ясна, как день. Но изобретенная ненавистью, подхваченная темным невежеством, нелепая выдумка не умерла. Она стала орудием вражды и раздора, даже

и в среде самих христиан. Доходило до того, что в некоторых местах католическое большинство кидало такое же обвинение в лютеран, большинство лютеранское клеймило им католиков .

Но всего более страдало от этой выдумки еврейское племя,рассеянное среди других народов. Вызванные ею погромы проложили кровавый след в темной истории средних веков. Во все времена случались порой убийства, перед целями которых власти останавливались в недоумении. В местах с еврейским населением все такие преступления тотчас же объяснялись обрядовым употреблением крови. Пробуждалось темное суеверие, влияло на показания свидетелей, лишало судей спокойствия и беспристрастия, вызывало судебные ошибки и погромы...

Часто истина все-таки раскрывалась, хотя и слишком поздно. Тогда наиболее разумных и справедливых людей охватывало негодование и стыд. Многие папы, духовные и светские правители клеймили злое суеверие и раз навсегда запрещали властям придавать расследованию убийств вероисповедное значение. У нас такой указ был издан 6 марта 1817 г. Императором Александром I. В 1870 г. греческий патриарх Григорий тоже осудил легенду об употреблении евреями христианской крови, назвав ее "внушающим отвращение предрассудком нетвердых в вере людей". Но указы тлеют в архивах, а суеверия живучи. И вот мы видим опять, что старую ложь распускают даже с трибуны Государственной думы . Правда , теперь они не решаются обвинять в этом всех последователей Моисеева закона, ссылаясь на какую-то фантастическую секту. Но это не мешает этим людям грозить насилием и погромами всему еврейству... Крест для них — не символ любви и мира. Они хотели бы обратить его в знамя насилия и убийства. Не ясно ли, что в этих призывах звучит та самая злоба, которая некогда кидала темную языческую толпу на первых последователей христианского учения. Еще недавно в Китае такая сказка об употреблении детской крови, пущенная китайскими жрецами против миссионеров, стоила жизни сотням местных христиан и европейцев. Всегда за нею следовали самые темные и преступные страсти, всегда она стремилась ослепить и затуманить толпу и извратить правосудие...(...) Бойтесь сеющих ложь. Не верьте мрачной неправде, которая много раз уже обагрялась кровью, убивала одних, других покрывала грехом и позором!

К.К.Арсеньев, В.Г.Короленко, М.Горький, Леонид Андреев, чл.Гос.Сов. М.М.Ковалевский, чл.Гос.Совета Н.Загоскин, член Гос.Совета И.Озеров, член Гос.Совета Д.Гримм, член Гос.Совета М.Стахович, гр.И.И.Толстой, Григ.Градовский, Д.Мережковский, З.Гиппиус, Вяч.Иванов, Е.Чириков, Д.Философов, А.Федоров, Федор Соллогуб,

А.Потресов, гр.Алексей Толстой, Валент. Сперанский, С.Сергеев-Ценский, Александр Блок, Александр Бенуа, К.Арабажин, акад.В.Вернадский, акад. А.Фаминицын, Ив. Петрункевич, Н.Анненский, Н.В.Мокиевский, Н.А.Русанов, В.Семевский, А.М.Редько, А.Петрищев, А.В.Пешехонов, С.Я.Елпатьевский, А.И.Иванчин-Писарев, В.А.Плансон, Н.Н.Шнитников, В.И.Добровольский, проф. А.А.Пиленко, Ф.Батюшков, Л.Ф.Пантелеев, А.П.Философова, А.Н.Калмыкова, А.С.Милюкова, С.Пантелеева, К.Баранцевич, М.Славинский, И.Жилкин,В.Муйжель, М.Арцыбашев, В.Лодыженский, Ник.Олигер, Д.Линев, Скиталец (Петров), проф. А.Жижиленко, проф. М.Туган-Барановский, проф.Эрвин-Гримм, проф. Л.Петражицкий, проф. П.Чубинский, проф. И.А.Покровский, проф. И.А.Бодуэн де-Куртенэ, проф. С.Салазкин, проф. В.В.Святловский, Д.В.Стасов, Ф.И.Родичев, проф. М.Ростовцев, В.Д.Набоков, акад. Д.Овсянико-Куликовский, В.Д.Кузьмин-Караваев, Петр Струве, проф. Н.И.Кареев, проф. Ф.Зелинский, проф. Ив.Гревс, В.Водовозов, П.Милюков, Н.В.Некрасов, В.Яковенко, П.Стебницкий, Г.Фальборк, Н.И.Фалеев.

РЕЧЬ, 30 ноября 1911 (№ 329)

ГРОЗОВАЯ ЗАРЯ

Дело Бейлиса — одна из первых ласточек, предвещающих нашу *весну*, оно говорит — прежде всего — о том, что арийское самосознание повысилось, оно может считаться началом великого восстания европейских Арийцев против Семитов вообще.

В последние годы в среде высшей русской интеллигенции случилось немало знаменательных фактов. Напр., в 1909 году в журнале "Весы" появилась горячая и глубокая статья Андрея Белого — "Штемпелеванная культура", в которой заключался страстный призыв к борьбе с семитами в сфере эстетического творчества, ибо семиты загаживают и обесцвечивают все области искусства. Среди образованных русских людей все чаще и чаще начинают встречаться страстные антисемиты, ненавидящие жидов не потому только, что "жиды — мошенники и ростовщики", а по причинам более глубоким. Именно потому, что жиды - раса низшая. Арийцам чуждая и враждебная... Великой ложью пропитаны утверждения, будто ненависть к жидам вызывается невежеством. Она глубже и обоснованнее у людей образованных.

Ненависть непросвещенной толпы может погаснуть после какого-нибудь погромчика, от которого пострадает десяток или сотня жидков.

Ненависть сознательного антисемита требует большего: она требует, чтобы иудеи совсем оставили пределы Европы; сознательный антисемит полагает, что существование иудеев — историческая аномалия, ибо народ, лишенный творческих сил, не имеет права на существование, потому что такой народ — непременно паразит.

Сейчас не время и здесь не место повторять общеизвестные доказательства еврейской бездарности, еврейского жестокосердия, узкого фанатизма и расовой ненависти семитов ко всем другим расам и нациям. Пусть читатели вспомнят хотя бы только те факты, которые сгруппированы в книге Г.С.Чемберлена о евреях, психологический анализ свойств еврейской нации, произведенный проф.Сикорским в его книге "Всеобщая психология", и гениальную характеристику еврейского высокомерия, жестокости и жадности, сделанную Ф.М.Достоевским в "Дневнике писателя" за 1877 г.

Жиды — упорны и устойчивы. В течение многих столетий, теряя высшие национальные блага (напр., забывая свой язык), жиды в полной неприкосновенности сохранили низшие свойства своего национального духа и темные, кровавые заветы своего религиозного учения. В века научных открытий, в века знания и просвещения жиды упорно придерживаются всех указаний своих цадиков и строго исполняют все религиозные обряды, окружая их глубокой тайной. Но иногда, несмотря на тайну, всплывает на свет какой-либо факт, указывающий на изуверство иудеев. Чаще всего возникали слухи и дела об убийстве евреями детей для ритуальных целей. Едва эти слухи возникали, всемирное еврейство напрягало все силы, не щадило ни денег, ни угроз, не останавливалось перед новыми преступлениями, и в конце концов дела эти объявлялись прекращенными, а вера в ритуальные убийства — вредным суеверием. И слезы христианских матерей продолжали литься, — то там, то здесь, — как только наступало время еврейской пасхи.

Ныне внимание всего мира приковано к такому же делу. Детали этого дела общеизвестны. Каков бы ни был его исход, — существование ритуальных убийств у евреев доказано. То, что Ющинский был убит именно так, как убивают по предписанию ритуала, неопровержимо доказано специалистом-экспертом проф.Сикорским. С данными научно-медицинской экспертизы совпали показания специалистов-богословов, с ним согласилась прокуратура. И никогда еще всемирное еврейство не напрягало своих сил так, как теперь, чтобы доказать непричастность

иудеев к ритуальным убийствам. 800 духовных раввинов опубликовали воззвание, в котором объявили веру в ритуальные убийства "наглой выдумкой и клеветой" на том основании, что евреям запрещено употреблять кровь в пищу.Нелепее и лживее подобного протеста трудно что-либо себе и вообразить, потому что всем и без того известно, что жиды не употребляют кровь в пищу. До ведь никто и не говорит, что христианская кровь нужна им в качестве пищи!

Участие в процессе Бейлиса такого глубокого знатока еврейских тайн, каков С.Шмаков, заставляет надеяться на то, что тайные цели жидов будут раскрыты с достаточной ясностью. Быть может, весь мир услышит о том, для чего нужна жидам кровь христианских мальчиков. Мир услышит, как услышит это и суд. Но все же каков будет исход этого процесса — неизвестно.

Быть может, суд не только оправдает Бейлиса (личность и судьба которого вообще не важны), но и отвергнет мысль о ритуальных убийствах вообще. Такое решение суда не будет иметь крупного значения для антисемитского движения. Для антисемитов вполне достаточно свидетельства Сикорского*, Пранайтиса и Шмакова. Кроме того, и само существование ритуальных убийств не углубляет нашей ненависти, оно способно лишь обострить эту печальную ненависть в широких массах. Но и эти массы, и сознательные антисемиты ненавидят жидов вовсе не за ритуальные убийства .

Мы ненавидим их за то, что они вонзили свое чужеродное тело в наш арийский организм, мы отвечаем ненавистью на их ненависть, мы начинаем сознавать наше полное и коренное несходство с семитами, мы начинаем сознавать, что не можем быть здоровыми, пока на нашем теле паразитирует еврейский народ. Наши предки полили землю, на которой мы живем, своей кровью и своим потом, они зарабатывали ее тяжкими трудами, они путем напряженных усилий взрастили на ней нашу великую самобытную культуру. Русская земля принадлежит нам, русским,

---

* Выводы А.И.Сикорского были опровергнуты проф. В.М.Бехтеревым и проф. В.П.Сербским (последний писал в Русских ведомостях от 10 октября 1913 г.: "В экспертизе проф. Сикорского наука с ее первым и необходимым условием — добросовестностью — и не ночевала").

В начале 1913 г. XII Всероссийский пироговский съезд врачей принял специальную резолюцию против экспертизы Сикорского, в которой указывалось отрицательное отношение и глубокое негодование к допущению вообще ритуальности в объяснениях убийств, что недопустимо со стороны врачей-экспертов. Осенью 1913 г. экспертизу Сикорского осудили международный медицинский съезд в Лондоне и 86-й съезд врачей. (Цит. по книге.: А.Винберг. Черное досье экспертов-фальсификаторов . М., Юридическая литература. 1990., с.134-136.

как земля англичан принадлежит англичанам, земля французов — французам ,— и делить ее с жидами мы не желаем. Настанет день — и он близок, — когда весь народ русский поймет, что он — собственник своей земли, когда он припадет к стопам исконного Руководителя-государя и со слезами укажет ему на те язвы и раны, которыми покрыли народное тело жиды. Мы ненавидим жидов не за Ющинского, а за то, что жиды весь русский народ превратили в Ющинского, связали его золотыми цепями, отравленными иглами изранили его душу и вытачивают его драгоценную кровь. Мы никогда не забудем капель священной крови, обагрившей мостовую Петербурга 1 марта 1881 года (день убийства народовольцами Александра II. — *В.В.*). Мы никогда не забудем потоков крови, которыми была залита Россия в ужасные годы так называемой "революции". И в пролитии всей этой крови виновник один — жиды! Требуя смерти Иисуса, иудеи кричали Пилату: "Кровь его на нас и на детях наших!" Ныне они возвели на Голгофу всю Россию, но крик их несколько иной: "Кровь ея для нас и для детей наших".

Дело русского народа — поправить крикунов и сказать: "Нет, и эта кровь да падет на ваши головы!"

Кончается многовековая ночь, в которую вся Европа была погружена волей семитов. Новая заря встает над нами, и свет арийского самосознания уже озарил головы тех, кто убежден в причастности Бейлиса к ритуальному убийству. Александр Куликовский

ЗЕМЩИНА,4 октября (№1459), 1913, с.3. (А.Тиняков)

М.ГОРЬКИЙ — И.ЛАДЫЖНИКОВУ, 29 октября 1913:

Мучительно переживаю процесс Бейлиса, — начал пить этот Valerional или как там его? Но в костре гнева и тоски, стыда и обиды есть уголек надежды: а что, как эти 12 мужичков скажут: нет,не виновен?!

Вы представляете, какой это будет праздник на нашей — демократической — улице? Я знаю, конечно, что чудес не бывает, а особенно бедна ими область социальной психологии, но все-таки — в этом случае — хочется чуда!

Ведь лишь оно спасет нас от мирового позора!..

Переписка М.ГОРЬКОГО. М., 1986, т.2, с.58-59.

ПРИСЯЖНЫЕ ОТВЕТИЛИ...

Среди величайшего напряжения заканчивается дело Бейлиса. Мимо суда прекращено всякое движение. Не пропускаются даже вагоны

трамвая. На улицах — наряды конной и пешей полиции. На четыре часа в Софийском соборе назначена с участием архиерея панихида по убиенном младенце Андрюше Ющинском. В перспективе улицы, на которой находится суд, густо чернеет пятно народа у стен Софийского собора. Кое-где над толпой вспыхивают факелы. Сумерки спускаются среди тягостного волнения.

Становится известно, что председательское резюме резко и определенно обвинительное. После протеста защиты председатель решает дополнить свое резюме, но Замысловский возражает, и председатель отказывается. Присяжные ушли под впечатлением односторонней речи. Настроение в суде еще более напрягается, передаваясь и городу. Около шести часов стремительно выбегают репортеры. Разносится молнией известие, что Бейлис оправдан. Внезапно физиономия улицы меняется. Виднеются многочисленные кучки народа, поздравляющие друг друга. Русские и евреи сливаются в общей радости. Погромное пятно у собора сразу теряет свое мрачное значение. Кошмары тускнеют. Исключительность состава присяжных* еще подчеркивает значение оправдания.

В.КОРОЛЕНКО

А.ТИНЯКОВ — А.РЕМИЗОВУ, 14 января 1914

(...) на мой взгляд — наступают роковые часы для Европы и для нас, Русских. Либо мы сохраним нашу Расовую Арийскую душу, наши церкви и нашу культуру, — либо потеряем все и подпадем под власть дьяволопоклонников-жидов и масонов. Да не будет второго.

ИРЛИ, ф.256 оп.1, №264.

И.РУКАВИШНИКОВ — А.ТИНЯКОВУ, 15 января 1914

Здравствуйте, дорогой Александр Иванович.

И что это Вы все антисемитствуете. Если всерьез, то ведь это в конце концов дискредитирует Вашу образованность. Когда хорошенькая дамочка говорит: — я люблю собачек, а кошек ненавижу, — это куда ни

---

* Присяжными заседателями были: М.Д.Мельников (старшина), губернский секретарь, помощник ревизора контрольной палаты; И.А.Соколовский, крестьянин, контролер городского трамвая; И.Г.Перепелица, мещанин, домовладелец; Г.Г.Оглоблин, чиновник почтово-телеграфной конторы; К.С.Синьковский, чиновник почтово-телеграфной конторы; М.К.Кутовой., крестьянин села Хотово; П.Л.Клименко, крестьянин, служащий винного склада; М.И.Тертычный, крестьянин села Борщаговки; П.Г.Калитенко, мещанин, служащий на вокзале; Ф.Я.Савенко, крестьянин села Гостомель;С.Ф.Мостицкий, извозчик.. («ИЗВЕСТИЯ». 30 октября 1993)

шло, даже может быть мило. Но эта же фраза в устах профессора зоологии нелепа. То же должно сказать и о национальном вопросе.

Мы должны наблюдать и понемножку творить. А злобствовать и уничтожать... Фи. Ненаучно.

А что до искоренения еврейской нации, то конечно не враги ее прикончат, а сама она ныне в начале конца. Этим состоянием агонии и объясняются многие несимпатичные стороны современного еврейства. Армянам и караимам осталось жизни столетия 3; евреям конечно немножко поболее. Немного, если смотреть по мировым часам, а не карманным. А если по карманным, то вам и всем иже с Вами придется потерпеть.

А мне в евреях это-то и нравится (нравится не в обывательском смысле); их древность и неосознанное начало конца. Я подолгу глядел в жутко-мудрые глаза черепах и ящериц. Намек на ту же тайну веков я видел и в глазах еврейки. Извиняюсь, что опыт мой ограничивается одним полом.

А про масонов Вы просто что-то путаете. Хорошие были в свое время люди, и даже с Вашей православно-верноподданической точки зрения не страшнее, ибо в §§ I и II "Основных законов (old Charges) сказано: "... призвание каменщика обязывает повиноваться нравственному закону... и он не будет ни тупоумным безбожником, ни не имеющим религии сластолюбцем". И еще: "Каменщик есть мирный подданный гражд. властей... не должен быть замешан в крамоле и заговоре против мира и благоденствия народа..." (Книга Уставов, 1738 г.)

А вы про дьявола. Мало ли что правые газеты врут. Да и вообще газеты. Напр. 15 лет почти все русские газетки утверждали, что я пишу невозможно-плохие стихи.

Что же Вы сюда не приехали?

На днях, вероятно, буду в Петербурге. Постараюсь Вас повидать.

Ну, живите и любите. Пишите и читайте (только не газеты).

Привет .

ГПБ, ф.774, № 35.

АННЕ АХМАТОВОЙ

Ты — изначально-утомленная,
Всегда бестрепетно-грустящая,
В себя безрадостно-влюбленная
И людям беспрерывно-мстящая.

Но мне при встречах наших чудится,
Что не всегда ты будешь пленною,
Что сердце спящее пробудится
И хлынет в мир волною пенною.

Что принесет оно : твое страдание?
Иль радость, — страшную и небывалую?
Но я, — предчувствуя твое восстание, —
Тебя приветствую еще — усталую!

Сентябрь, 1913.
Петербург .

(В альбом А.Ахматовой это стихотворение записано Тиняковым 22 января 1914 г. Опубликовано в книге стихов А.Тинякова «Треугольник». 1922, с.54).

"Александру Ивановичу Тинякову в знак дружбы Анна Ахматова.
Петербург. 1914 г. Весна".

Дарственная надпись на книге А.Ахматовой «Четки» (СПб. Гиперборей. 1914).

ГПБ, р.1, оп.1, № 69

25 Янв.
1914
М(осква).
Экспромт
Кто говорит, что поэт Тиняков?
Циник-философ он просто:
Греция - Невский проспект для него,
Бочка - Васильевский остров.
Б.С. (В.Садовской - В.В.)

ГПБ, ф.774, № 36.

ГАЗЕТНЫЙ РЕКОРД

Кутаисская газета «Симартлисхма» побила рекорд в борьбе за свободу печати. Как передает "Русское слово", в настоящее время во 2-м отделении кутаисской губернской тюрьмы находятся в заключении:

1. редактор этой газеты,
2. хроникер,

3. заведующий внутренними и заграничными обозрениями,
4. переводчик на грузинский язык агентских телеграмм,
5. заведующий конторой,
6. экспедитор,
7. владелец типографии,
8. разносчик газеты.

ДЕНЬ. 4 февраля 1914.

НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ГЛУПОСТИ

У Тургенева, если не ошибаюсь, кто-то рассказывает об одном помещике, который в старое доброе крепостное время задумал, собственным умом, без архитектора, собственными средствами выстроить колокольню. Но только возвел до третьего яруса, стены обрушились. Снова стал строить, снова обрушились — и так до трех раз... Задумался помещик — да и прикажи вдруг перепороть всех баб на свете. Баб перепороли, но колокольни так и не выстроили.

Если бы во владении этого помещика жили евреи, то финал истории вышел бы иной. Задумался помещик, — да и прикажи вдруг выселить всех евреев! (...) А ведь по существу что баб пороть, что евреев выселять - результат один. И кто знает, не начнут ли в России пороть баб, если ограничение евреев во всех правах не даст стране ни богатства, ни порядка, ни сильного флота. Ведь вот и помещик тот не сразу баб перепорол, а сначала призадумался. Национализация кредита и торговли и промышленности это тоже плод долгого и мучительного раздумья. (...)

Баб перепороли, но колокольни не выстроили. Не вздумайте приводить это как аргумент националисту. Националист скажет, и совершенно основательно, что плохо пороли, и тогда колокольня наверно была бы достроена. (...)

Баб уже не секут. Настанет время, когда все придут к заключению, что национализация кредита и промышленности это та же порка баб.

Homo

ДЕНЬ. 7 февраля 1914.

Стихов не умею писать совсем, но накануне отъезда пишу милому Александру Ивановичу

Люблю я звезды, люблю я небо,
Люблю поэтов, люблю цветы,

Средь звезд всех жарче — люблю Венеру,
Среди поэтов всех ярче — ты.
Анс .Чеботаревская
20/IV 1914

Анастасия Чеботаревская. Запись в альбом А.Тинякова. Автограф. ЦГАЛИ, ф. 1309, оп.1 № 51

А.КОНДРАТЬЕВ — А.ТИНЯКОВУ, 29 июня 1914

(...) Сегодня заходил ко мне В.Н.Соловьев. Сперва он жил здесь смиренно, готовился к государственным экзаменам, вел со мною разговоры на литературно-исторические и богословские темы, толковал про жития святых, сокрушался, вспоминая (с подозрительно скрупулезными подробностями) свои пьянственные похождения. Сегодня он поведал мне, как, наскучив пить со здешними актерами и актерками, он отправился в Териоки и Куоккала и там насвистался, а затем, купаясь с лодки в море, чуть не утонул. Свое чудесное избавление от потопления он отпраздновал и здесь, и так удачно, что имел сегодня вид грустный и каценьямерный (?)... Пошел от меня в аптеку посоветоваться по поводу своего болезненного состояния со знакомым провизором. Я сегодня долго переписывал полученные мною на краткий срок неизданные стихотворения Мирры Лохвицкой. Некоторые очень хорошие. Часто с оттенком садизма. Борис Садовской как-то быстро умеет сходиться с людьми самых разнообразных направлений, в особенности если они популярны как Чуковский и Репин. Очевидно, Чуковский был ему для чего-то нужен. Для Нивы, что ли?

Идя в прошлую субботу мимо Аничкова дворца, я был поражен невиданным зрелищем. У высокой железной изгороди его на Невском проспекте в 12 ч. 30 м. дня некий субъект сидел на корточках и гадил (наворотил огромную кучу). Он нисколько не смущался массою проходившего мимо народа. Публика же перла мимо по тротуару, посматривая на него, но нисколько не удивляясь, как будто так и надо. Я замедлил несколько шаг и, к радости своей, заметил, что один прохожий подошел к стоящему спиной в 25-20 шагах городовому, занятому мирной беседой с десятником ушедших вероятно, полдничать рабочих на ремонтирующейся торцовой мостовой. Пока они объясняли, субъект встал с корточек, подобрал быстро штаны, застегнул их и, не торопясь, медленной походкой пошел дальше по Невскому. Городовой же направился сперва к месту, где оставались следы пребывания этого

человека, похожего на иностранца. Задержанный потом, он не оказывал сопротивления, все время молчал и внимательно, с любезною улыбкою слушал... Я не знаю, что кругом говорили, так как мое внимание было поглощено созерцанием чисто выбритого лица этого субъекта и безукоризненно белой рубашкой под поношенным пиджаком и свертком грязного белья под мышкой. По всей вероятности, это был или сумасшедший, или бездомный иностранец.

Борис Владимирович (Никольский. — В.В.) не д. с.с., и я ему пишу высокородие. 1-му июля он возвращается в СПБ.

Смерть Гартвига не ответный ли шахматный ход со стороны Австрии? Не было ли ему впрыснуто насильственно под кожу не оставляющим никаких следов шприцем какого-либо яда, вызывающего паралич сердца? Уколы можно было, по наступлении смерти, сделать морфином или ч.-либо другим для отвлечения подозрения. Конечно, содержимое его карманов стало известно австрийской миссии. Читал вчера и сегодня Анри Ренье и Универс.Библ. "Необычайные любовники". Занятно и всего 20 к.

ГПБ, ф.774, № 20.

А.КОНДРАТЬЕВ — А. ТИНЯКОВУ, 17 августа 1914

(...) так же как Вы считаю "немецкие зверства" сильно преувеличенными впечатлительностью жидов, бежавших в паническом ужасе из Германии. (...) Гумилев поступил добровольцем в один из Кавалерийских полков. Гриф (С.Соколов. — В.В.) взят в артиллерию.

ГПБ, ф.774, № 20

А.ТИНЯКОВ — Б.САДОВСКОМУ, 26 сентября 1914

(...) Хмурый вечер, и вчера я пропил последние деньги, сижу один, тоскую — и потянуло написать Вам письмо . (...) У Бориса Владимировича (Никольского — В.В.) я не был и, должно быть, пойду к нему не скоро, потому что и сюртук, и брюки, и пальто я уже заложил. Поистине, я обречен на собачье существование! Пропьешь какую-нибудь десятку, а после голодай. Но ведь не могу же я выносить все время ужасного одиночества комнаты: надо же человеку куда-нибудь пойти! Если бы я имел много денег, я каждый бы вечер сидел в ресторане с публичными девушками, ел бы очень хорошую пищу и пил бы массу вина! Вы сурово отнеслись ко мне за этот мой "цинизм"... Но какой же это цинизм? Просто человек изголодался во всех отношениях и ему хочется всласть пожить брюхом и половым членом. В 2О лет еще приятно

таскаться по комнаткам и кушать собачью колбасу, но это делается невыносимым,когда дело подходит к тридцати годам! А у нас-то в деревне теперь — благодать. Сидел бы в валенках, читал бы Писемского и Мельникова-Печерского,пил бы умеренно водку, беседовал бы с немудреными деревенскими людьми, и не висел бы надо мной грозный и грязный вопрос: "А что я буду завтра жрать?" И к чему, и зачем я страдаю в Петрограде, — самому непонятно. Раньше, положим, был интерес к литературе и писателям, и это скрашивало ужас моей бедности. Но бедность перевесила, все почти убила,все опорочила — и теперь я — только голодный. Извините меня, в конце концов, за это письмо и не осуждайте слишком строго: я уже 12-й год веду такую жизнь,о которой зле: написано. Пора устать и пожелать другой жизни.(...)

Я сейчас получил письмо от редактора "Русс. Знамени": мою статью не пропустила военная цензура.

ЦГАЛИ, ф.464, оп.2, ед.хр.212

Александр ТИНЯНОВ

ИСКРЕННЯЯ ПЕСЕНКА

Я до конца презираю
Истину, совесть и честь,
Только всего и желаю:
Бражничать блудно да есть.

Только бы льнули девчонки,
К черту пославшие стыд,
Только б водились деньжонки
Да не слабел аппетит!

Сентябрь, 1914

Что казаки баб портят, то правда... Видел, как девчонку лет семи чисто как стерву разодрали. Один... а трое ногами топочут, ржут. Думаю, уж под вторым она мертвенька была, а свое все четверо доказали. Я аж стыдобушкой кричал — не слышат. А стащить не дались, набили...

С.Федорченко. Цит. Соч., 41.

На войне что хорошо?.. Что больно свободно и что душа думала - исполнить можно... Дисциплина? Одно слово - на глазах у начальства. Ведь только во сне видишь, что бабу каку хошь мни и за груди хватай. А тут — только не зевай... Один грех зевать...

С.Федорченко. Народ на войне. М.,1990, с.75.

А.ТИНЯКОВ — Б.САДОВСКОМУ, 2 октября 1914

(...) вы пишете, что "уединение и одиночество — благо". Между тем это — два разных явления. Уединение — это нечто добровольное: устал человек от людей и уединяется до тех пор, пока ему это приятно. Одиночество же, напротив, — нечто насильственное, неустранимое. Например, сижу я вечер за вечером один в своей комнате и знаю, что могу просидеть сто вечеров и никто ко мне не придет. А я, понимаете ли, задыхаюсь от этого, п.ч. я живу только тогда, когда я с людьми. Попадая в больницы, я прямо выздоравливал оттого, что спал в общей палате и садился обедать с людьми, а не один. Пускай даже грязные, сумасшедшие, — но не один, не один! Я уверен, что — одиночество из самих страшных несчастий, которые могут постигнуть человека. И в кабаки, и в пивные я бегу именно от этого бича, от этого ужаса. Я рискую здоровьем, я попадаю в лапы голода и впредь буду так делать — только бы не быть одному, п.ч. это скучно, невыносимо-печально, убийственно... Так же не поняли Вы и моего отношения к женщине. Я ненавижу и презираю так называемую "женскую личность"; женский "ум" мне противен, женское "я" для меня омерзительно. Единственное, что мне нужно и необходимо, это — женское мясо. Влюбиться я уже не могу, и мне для сожительства совсем не нужна какая-нибудь барышня из общества, которую нужно прельщать чистыми подштанниками и наодеколоненной жопой. Вот здесь, на Васильевском, в Лифляндской кухмистерской есть служанка Мина... Что за мясо! Какие формы! Приобрести бы такую бабу, и можно бы было "отводить душу"... а кто лучше природной кухарки может ведать хозяйственную сторону жизни? И где нужна женщина, кроме спальни и кухни?! С удовольствием исполняю Вашу просьбу относительно стихов. Чем богат, тем и рад. (...) Очень и очень прошу Вас написать мне; я же, быть может, отвечу не сразу, п.ч. мне не на что купить марку. О, как ужасно должен я голодать весь этот месяц! (...)

ЦГАЛИ, ф.464, по.2, ед.хр. 212.

Ведь если для самих евреев черта оседлости норма и прочее являлось роковым и неподвижным фактом, исказившим всю их жизнь, то для меня, русского, она служила чем-то вроде горба на спине, неподвижного

и уродливого нароста, неизвестно, когда и при каких условиях полученного. Но куда бы я ни шел и что бы я ни делал, горб тащился со мною; он преисполнял меня ощущением конфуза и стыда, как ходячую, хотя и безвинную кривду.

Леонид АНДРЕЕВ. Еврейский вопрос. — ЖУРНАЛ ЖУРНАЛОВ, № 4, 1915, стр.17.

Хочется думать сейчас о России,об одной России, и больше ни о чем, ни о ком. Вопрос о бытии всех племен и языков, сущих в России (по слову Пушкина: "всяк сущий в ней язык"), — есть вопрос о бытии самой России. Хочется спросить все эти племена и языки: как вы желаете быть, с Россией или помимо нея? Если помимо, то зачем обращаетесь к нам за помощью? А если не помимо, то забудьте в эту страшную минуту о себе, только о России думайте, потому что не будет ее — не будет и вас всех: ее спасенье — ваше, ее погибель — ваша. Хочется сказать, что нет вопроса еврейского, польского, армянского, грузинского, и проч, и проч., а есть только русский вопрос. Хочется это сказать, но нельзя. Трагедия русского общества в том и заключается, что он сейчас не имеет право это сказать... Весь идеализм русского общества в вопросах национальных бессилен, безвластен и потому безответствен.

В еврейском вопросе это особенно ясно.

Д.МЕРЕЖКОВСКИЙ. Еврейский вопрос, как русский вопрос. — «Щит», вып.1, 1915.

Жидо-масон Д'АННУНЦИО

(...) Теперь, когда загремела гроза военной непогоды, блестящий Д'Аннунцио оказался добровольцем, в чине лейтенанта отправился на передовые позиции отстаивать честь и свободу родины. Вследствии чего «Земщина» и т.п. черносотенные листки поторопились заявить, что настоящая фамилия Д'АННУНЦИО — Раппопорт, и он — жид.

ЖУРНАЛ ЖУРНАЛОВ, № 15, 1915, с.17

Б.САДОВСКОЙ — А.ТИНЯКОВУ, 27 мая 1915

Вы хоть бы написали мне, что ли, о Ваших новостях и о чепухе литературной, дорогой Еврео Мережкович. Как у Вас в учреждении, все ли благополучно? Как поживает Алекс.Ив.Куликовский и Ив.Ал.Чернохлебов? (Куликовский и Чернохлебов - псевдонимы, которыми Тиняков подписывал свои статьи в газете "Земщина" — В.В.) Вообще хотелось

бы узнать новости. Здесь часто вижусь с Ауслендером и у него бываю. (...)

ГПБ, ф.774; № 36

А.ТИНЯКОВ — Б.САДОВСКОМУ, 6 ИЮНЯ 1915

Мне ни счастья, ни покоя... (...) Хотел было переписать несколько похабных вещиц, но так как Вы из всего подобного делаете вредное для меня употребление, то испугался и даже оторвал исписанный листок. Бог Вас знает, за что Вы желаете истребить меня из литературы! Я Вам зла не делал и не желал, а Вы разным паршивым жуликам рассказали что-то про какую-то "Земщину", — и они этим уже начали пользоваться в своих нзких целях. Те, кому вы это рассказали, - прирожденная чернь, холопы хозяйского рубля, косные тупицы, всесторонняя обозная сволочь. А мне стыда от этого не будет, ибо я органически выше и шире партийных и газетных перегородок. Сознаю в себе, как святыню, мою Арийскую душу и не могу загнать себя ни в какую жидовскую каморочку. Может быть, для г.Ауслендера "День" и "Земщина" — крупные явления, а для меня это — просто газеты, которыми я не прочь, при случае, воспользоваться в целях добрых и общественно-полезных. И вот Вы, — ученик и поклонник Фета, — стали на сторону газетной рвани! Не могу я этого осмыслить, тем более, что этим Вы грозите вырвать у меня последний кусок хлеба. Но Вы забыли, что Вы - сами черносотенец и юдофоб, что Вы познакомили меня и с Никольским, и с Розановым, и что у меня есть копия с письма В.Никольского к Вам по поводу одной статьи. А когда Вы у меня будете хлеб отнимать, я буду бороться, как зверь, как гад и как дьявол — вместе! Только жаль, что те мои силы, которые я готовил на борьбу со многими, мне придется потратить на борьбу с "гражданином" Рославлевым да с "цивилизованным жандармом литературного цеха" — г.Ауслендером. Воображаю, какие задушевные и нравственные беседы Вы с ним ведете! Да, г.Ауслендер "высоко держит знамя"! Как горностай свою белую шубку, оберегает он свое иерусалимское дворянство, свою революционную незапятнанность. В литературных кругах я пред ним — нуль, и одним мановением своего радикального пальца может он низвергнуть меня в тьму небытия, в геенну голода... Фет, Случевский, Лесков — богатыри были, да и то их Рославлевы с Ауслендерами затравили и в грязь втоптали. Но верую свято и твердо: будет время, и критика русская по достоинству оценит тех и других и громко скажет, что черносотенцы Тютчев и Фет дороже народу русскому,

чем высоко-радикальные Ауслендеры, имена же их adiosa sunt...
ЦГАЛИ, ф.464, оп.2, ед. хр.212.

Б.САДОВСКОЙ — Ф.ТИНЯКОВУ, 7 ИЮНЯ 1915:

Дорогой Александр Иванович!Письмо Ваше меня удивило. С какой стати я буду желать Вам зла? Я Вас искренно люблю, несмотря на Ваше черносотенство, но мне грустно, что Вы пишете иногда не то, что думаете. А что лучше, быть "холопом хозяйского рубля" или Азефом? Но можете быть уверенным, что я Вас не выдал и никто не узнает о существовании Куликовского. Спите спокойно и меньше пейти политуры.

С Ауслендером я ни о чем не беседую, ибо он мне глубоко противен и чужд. Вот Вы наоборот. Я еще недавно хотел послать Вам объяснение в любви, хотел сказать, как Вы мне дороги, как я изо всех литераторов ценю больше всех именно Вас. А Вы меня похабите и срамите всюду. За что?

Читал недавно Лескова «Очарованный странник». Нахожу в герое большое сходство с Вами. Это примите за комплимент. (...)

ГПБ, ф.774, №36.

Д.МЕРЕЖКОВСКИЙ — А.ТИНЯКОВУ, 28 июня 1915

Глубокоуважаемый Александр Иванович,

Сердечное Вам спасибо за письмо и за отзывы. Мне очень важно, чтобы Вы написали обо мне статью. Я не сомневаюсь, что Вы ее в конце концов напечатаете. Думаю, что в Биржев(ых) или в дне(вных) Ведомостях — я там пользуюсь некоторым влиянием. Сегодня я отдал распоряжение, чтобы Сытин послал Вам Полное Собрание моих сочинений (...)

ГПБ, ф.774, №290.

САМОЕ ДОРОГОЕ

Если бы сейчас на земле жил старик, которому было бы лет пятьсот от роду, и если бы этот старик был обжора, пьяница и сквернослов, или больной и безумный калека, — все равно! — все равно все люди любили бы и уважали его больше, чем Христа, Магомета, Будду, больше всех святых, гениев и героев. И были бы правы в своей любви, ибо старик утверждал бы самим своим существованием вечное бессмертие, - а только одного этого и желают люди, только одно это и нужно всем и каждому.

Александр Тиняков.

16 августа 1915. Куоккала.

Одним из этих стариков будет писатель Тиняков.

"ЧУКОККАЛА", с.159 (неизд.). Приводим с разрешения Е.Ц.Чуковской.

Чтоб привить лоск европейский,
Весь бы наш кагал еврейский
Выслать в Африку скорее:
Там у негров нет еврея.

УХАРЬ-КУПЕЦ, Новый русский песенник. М., 1915. Издание товарищества И.Я.Сытина, с.77 (куплеты «Африка»).

"ЕРЕЙСКАЯ НЕДЕЛЯ" О ВИЗИТЕ ЕВРЕЙСКОЙ ДЕПУТАЦИИ К Б. МИНИСТРУ ВН. ДЕЛ.

Незадолго перед уходом своим в отставку Н.А.Маклаков принял еврейскую депутацию, которая явилась к нему ходатайствовать об облегчении беженцам возможности селиться вне "черты оседлости". Депутация, разумеется, не упустила случая указать его высокопревосходительству на всю зловредность этого самобытного института русской государственности .

"Я сам знаю, — ответил бывший министр, — что "черта оседлости" - отживший, вредный анахронизм. Но все еврейское бесправие — гнилая стена. Нельзя вынимать из нее кирпичи, она вся развалится.

— Зачем же дорожить ею, заметил один из членов депутации. — Пусть проваливается...

— Вы думаете? — возразил министр. — Но я вовсе не желаю, чтобы она в своем падении меня задавила.

ЖУРНАЛ ЖУРНАЛОВ. 1915, № 20, стр.16.

Русский народ перестал смотреть на евреев, как на каких-то злодеев, распинавших Христа, давно перестал злобно, вызывающе относиться к ним, и видит в них только братьев по труду и невзгодам. А боятся еврейского засилия в современной России (...) только те, кто привык ездить на чужой шее, кто не умеет работать и лишен природою способности творить. А народ, народ умный, народ-работник не боится их; у него нет причин их бояться.

Евг.ОВОД. Аттестат политической зрелости. — ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ, 1915, № 12, с.233.

З.ГИППИУС — А.ТИНЯКОВУ, 31 декабря 1915

(...) Антисемитизм, между прочим, мне тоже кажется каким-то маленьким трусливым чувством. Вопреки рассудку и примитивному общекультурному ощущению - опять дрожь за слабое свое: съем жида, пока он меня не съел; отдам его на кухню прав(ительст)ву, пусть изжарит, а я тогда, готовенького, с правом съем.

К чему, Господи! Пусть солнце всходит над жидами и русскими, мне солнца не жалко. А вот тех русских, которые в борьбе с евреями жидовеют, - мне жалко. Вопрос еврейства так глубок сам по себе, что стыдно подходить к нему, не отмыв себя начисто от всякого "антисемитизма". (...)

ГПБ, ф.774, № 11.

В Государственной Думе требуют отмены цензуры для жидовских газет, а русские газеты подвергаются упрощенной цензуре кагала, нам нельзя говорить. Вот уже третий день некому набирать.

ЗЕМЩИНА, 10 марта 1916.

НОВОСТИ ЖИДО—РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ЧИТАЮЩАЯ ЖЕНЩИНА ОБЩЕСТВА

(...) Почему жиды пишут на русском языке, а не на языке своего кагала? Какая наглость! Как смеют они называться христианскими именами? Какая развязанность у этой мрази!

А.Н Пр-кий

РУССКОЕ ЗНАМЯ, 11 марта 1916.

(...) Внимательное изучение жизни русских писателей показывает, однако, что огромное число тех, которые составляют гордость и славу русской литературы, значительная часть ее светил, звезд, корифеев, "царей" — люди не русского происхождения, не чистокровные, не"коренные", в точном смысле слова, русские. (...)

Во главе русских писателей, в которых примесь не русской крови не только доказана документально генеалогическими данными, но и выразилась в самом характере их творчества, стоят — П у ш к и н, Л е р м о н т о в и Г о г о л ь, эти три зодчия русской литературы.

(...) Приходится признавать, что РУССКАЯ л и т е р а т у р а в з н а ч и т е л ь н о й с т е п е н и с о з д а н а, с к л а д ы в а л а с ь и п р о д о л ж а е т р а з в и в а т ь с я л ю д ь м и н е р у с с к о й к р о в и.

Отнюдь не вредя славе русского народа, этот факт показывает только лишний раз, до чего бессмысленна и преступна вражда к инородцам, имеющая своих поклонников даже среди тех, которые трудятся на поприще печатного слова...

С.ЛИБРОВИЧ. Не русская кровь в русских писателях. СПБ. Б/г (вероятно, 1916), с.10, 96-97.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТИПЫ

История одинокого человека

Он в годы юности далекой
Был одинокий, одинокий.
Аскетом жил в уединеньи
И сочинял стихотворенья.
Потом в литературу вытек
И стал многообразный критик.
Сотрудничал везде и всюду,
Имея псевдонимов груду.
Был то Кульковский, то Чинаров,
То Белохлебов, то Матаров,
Писал в «Печи» об идеале,
А в «Немщине» о ритуале.
Здесь был за Бейлиса горою,
Там Чеберячку звал сестрою.
Но "явным будет все, что тайно" -
Открылась истина случайно.
Дошли намеки, слухи, речи,
И критик вылетел из «Печи».
Пришлось и с «Немщиной» расстаться
И в безработные вписаться.
Теперь он снова одинокий.
О, род людской! О, род жестокий!

В.Борисов

(ЖУРНАЛ ЖУРНАЛОВ, 1916, № 11)

ИСПОВЕДЬ АНТИСЕМИТА
(письмо в редакцию)

В последнее время в самых различных литературных кружках ходили слухи о том, что я, будучи черносотенцем и сотрудником «Земщины», — пишу в то же время в газете «Речь» и в других либеральных изданиях. Отголоском этих слухов несомненно, явилось стихотворение г.Б.Борисова, напечатанное в 11-м № «Журнала Журналов». В этом стихотворении говорится о сотруднике «Печи» и «Немщины» и приводятся его псевдонимы: Кульковский, Белохлебов, Матаров. В виду того, что я писал под псевдонимами Куликовского, Чернохлебова и Немакарова, а также в виду того, что я действительно был в разное время сотрудником и «Земщины», и «Речи», я отношу эти стихи к себе и прошу Вас, в интересах справедливости, поместить нижеследующее мое разъяснение.

В октябре месяце 1913 года я напечатал в «Земщине» за подписью А.Куликовского две антисемитические статьи о деле Бейлиса. Ни в «Речи», ни в каком другом либеральном издании я тогда участия не принимал. Отсюда ясно, что о моем "двуличии" не может быть речи. Я склонялся в 1913 году к монархизму и шел работать в "правые" издания. Плохо это или хорошо — это вопрос совершенно особый, — но ничего позорного в моем участии в «Земщине» я до сих пор не вижу, а вижу просто мою ошибку, мое заблуждение, которое я исправил, уйдя на другие пути.

В 1914 г. я начал помещать литературные заметки в газете «День» и работал там до июня месяца 1915 года; с июня же месяца и до последнего времени был сотрудником литературного отдела газеты «Речь» и некоторых других либеральных газет и журналов. С 1913 года ни в «Земщине», ни в какой другой "правой" газете моих статей не появлялось, т.е. опять-таки я работал не "на два фронта", а на один.

В моих рецензиях и заметках я затронул и обидел, вероятно, многих, — в чем нисколько не каюсь, — но об одном из "обиженных" я должен упомянуть.

"Пошли намеки, слухи, речи", — пишет г.Б.Борисов в своем стихотворении. Эти "намеки, слухи, речи" обо мне, т.е. о моем участии в «Земщине», — распространил, как мне это доподлинно известно, г.Борис Садовской.

О моем участии в правой печати было известно только ему. Вот здесь-то мы и подошли к некоему "разоблачению".

В ноябре 1912 года г.Б.Садовской пригласил меня принять участие в возникавших тогда «Северных Записках», а меня порекомендовал издательнице, — и статья моя появилась в 1-м № названного журнала за 1913 год. В сентябре же 1913 г. тот же самый г.Садовской, узнав, что я написал статью о деле Бейлиса, отнес ее к известному "правому" деятелю профессору М., и уже с "благословения" последнего и с его поправками эта статья и была напечатана в «Земщине». Напечатав там статью, я, естественно, прекратил отношения с «Сев.Записками» — г-н же Садовской не раз убеждал меня бывать в редакции «Сев.Записок», на что я отвечал отказом. Другими словами, г.Садовской увлекал меня на провокаторский путь, но увлечь не мог.

Отойдя постепенно от моих прежних политических убеждений, я счел себя в праве принять посильное участие в либеральной прессе, тем более, что политикой специально я не занимался, а интересовался, главным образом, литературой, по существу своему беспартийной. Так как мое кратковременное участие в "правой" прессе прошло совершенно незамеченным, то я и не считал нужным "оповещать публику" об изменении моих убеждений. Довольно продолжительное время я работал без всяких "потрясений",но я не затронул все того же г-на Садовского. Весною 1915 г. я напечатал осудительную заметку о его «Озими» и осенью неодобрительную рецензию на книгу его рассказов. Тогда же он пообещал "изобличить" меня, а вскоре начал и действовать. Я долго молчал, несмотря на такие неприятные для меня факты, как отказ мне от работы в «Речи», в «Голосе» и в некоторых других изданиях. Но теперь я должен разъяснить мое поведение, чтобы не вводить людей в грех неправедного суждения.

Да, я писал в 1913 г. в «Земщине », а в 1915 — в «Речи »... Но это обстоятельство может свидетельствовать не столько о моей низости, сколько о неустойчивости. Слухи, исходящие от г.Садовского, указывают на мою низость. Да позволено будет мне сказать, что это — не так. Ни от «Земщины», ни от «Речи» я не искал и не имел никакой выгоды для себя... Да и вообще идти в «Речь» через «Земщину» (или — наоборот) - не только не значит идти путем искания выгоды, но значит идти путем презрения к выгоде, идти путем, быть может, и путанным, но уж, во всяком случае, на мой взгляд, не подлым.

Другое дело — вопрос о неустойчивости. Человек, пишущий в 1913 г. в «Земщине», а через год в «Речи», действительно, может показаться чрезмерно неустойчивым. Но и такой взгляд не будет вполне справедлив. Не только постепенное изменение убеждений, а и коренные и внезапные перевороты бывают у большинства мало-мальски мыслящих

людей, особенно в такие бурные и богатые событиями эпохи, как наше время. Вспомним хотя бы о глубочайшем изменении политических взглядов г.П.Б.Струве, или о внезапных политических скачках г.Тана или, наконец, о том, как молниеносно, под влиянием войны, изменил свое поведение и свои речи г.Пуришкевич. И я не вижу причины, по которой г.Садовской или кто-нибудь другой — не может допустить мысли, что и я так же честно и искренно переменил мое отношение к некоторым явлениям под влиянием великих общественных событий. Это — во-первых. Во-вторых же, ни о каком "коренном" перевороте, ни о какой "чрезмерной" моей неустойчивости нельзя говорить просто потому, что в «Земщине» я писал о событиях исключительно общественных, а в «Речи» — о явлениях исключительно литературных. Все мои заметки, напечатанные в «Речи», свободно могли бы быть напечатаны и в «Земщине», если бы последняя хоть сколько-нибудь интересовалась русской литературой. Но «Земщина» ненавидит «Речь». «Речь» презирает «Земщину», и отсюда делается вывод, будто весь мир распадается на «Земщину» и «Речь» и будто человек, не видящий между ними непроходимой бездны, — непременно "подлец и провокатор". Что же касается меня, то р а з н и ц у между этими газетами я вижу, а б е з д н ы, — действительно не вижу, и вместиться в с е ц е л о не могу и не хочу ни в ту, ни в другую, ни в какую-либо третью газету. Обязательный для всех м и н и м у м уважения к печатному слову я строго соблюдал, т.е., когда писал в «Земщине», не ходил в «Речь» и, наоборот, будучи в «Речи», не касался «Земщины». Так что никого и ни в какой соблазн мое поведение ввести не может, а равно не может (и не должно было бы) вызывать негодования и травли против меня.

Неужели из того, что несколько лет тому назад я временно шел по ложному пути озлобленного юдофобства, а потом сошел с него,— вытекает, что мне нужно "заткнуть рот" и, как пишет г.Борисов, "в безработные вписаться"? Счастье мое в том, что я не живу на литературный заработок, а также в том, что я непоколебимо верю в мои способности и силы. Но представьте на моем месте человека, во-первых, живущего исключительно литературным трудом, а во-вторых, жаждущего "известности" и "популярности", и вы поймете, в какое поистине трагическое положение был бы он поставлен газетным деспотизмом. Ему нечего было бы есть и ему незачем было бы жить, раз все литературные пути были бы для него закрыты, вследствие его печальной юношеской ошибки! Повторяю, мне лично не страшно "отлучение" от «Речи» и от прочих (хотя бы и от всех!) органов печати, и, опубликовывая это разъяснение, я хлопочу не о "жалости", а о с п р а в е д л и в о с т и. Потому что я поступал, быть

может, и необдуманно, но искренно и, в сущности, честно, — и вот за необдуманность наказан... Г-н же Садовской поступал гораздо более предосудительно, чем я, а теперь он же "обличает" меня и невольно заставляет клеветать других людей, хотя бы г.Борисова. "Здесь был за Бейлиса горою, там Чеберячку звал сестрою", - пишет обо мне г.Борисов. Но это есть именно клевета, ибо я нигде не был "за Бейлиса горою" и ни разу до сих пор даже не упомянул в печати имя г-жи Чеберяк. О г. Бейлисе я писал, что "его личность и судьба вообще не важны", и теперь спокойно могу повторить то же самое. Разница лишь в том, что тогда я склонялся к юдофобству, а теперь считаю юдофобство явлением недостаточно разумным и полагаю, что у русского народа нет основательных причин для того, чтобы придавать слишком большое значение еврейскому народу.

Но каковы бы ни были мои теперешние взгляды на еврейский вопрос, г.Садовскому злорадство совершенно "не к лицу" и уж если "записываться в безработные", то, по справедливости, нам с ним следует сделать это вместе, ибо и "работали" мы отчасти вместе.

Александр Тиняков

ЖУРНАЛ ЖУРНАЛОВ, 1916, № 13, с.7.

З.ГИППИУС — А.ТИНЯКОВУ, 24 марта 1916

Я не то что осуждаю вас, Александр Иванович, но мне очень грустно на вас смотреть. Если вы "довольны и счастливы" — тем грустнее. Не оттого, что "мудрость печальна", а оттого, что вам не от чего быть сейчас собою довольным. Да и все у вас надрыв. Ослепли и путаете, смешиваете и важное, и неважное, без перспективы. Ведь вы мне (теперь!) серьезно пишете, что, вот, Шмаков вам книгу с автографом прислал, а у вас и тут "голова не закружилась", и вы не променяли "искания правды" на эту честь. Я просто теряюсь, не знаю, улыбнуться мне или отвернуться. Совершенно так же непонятна мне психология ваша, когда вы пишете что-то о Мережковском, о ненависти к нему и т.д. Если бы все порядочные люди сплошь ненавидели нас до кровомщения, а все Шмаковы обожали, — вы думаете, что я из-за этого порядочных стала бы проклинать со всеми их делами и родом, а Шмакова принимать? Вот, пожалуй, иудейская психология в дурном смысле, — ведь не дай Бог, когда русский человек "жидовеет", он хуже еврея на это способен.

Я повторю: ни ссориться с вами, ни "запрещать" вам что-либо — намерения не имею. Если бы вы слушались советов - я бы вам их давала.

Но вы их не слушаетесь, значит — бесполезно. Смотрю на вас совершенно иначе, нежели вы сами на себя. Даже обратно. Т.е. ваши поступки и ваши "страстишки" (вроде "заведу драку" и пр.) я считаю вредными, — слегка для других, весьма для вас самого; и мелкими; неумными даже, почти "провинциальными", вроде скандальчиков губернского чиновника в подпитии. Но вас самого — я считаю человеком талантливым, с хорошими возможностями. Я вижу вашу правду, даже когда вы лжете и выкручиваетесь, и тем более мне грустно и жалко... не вас, а вот эту обиженную правду, вами в вас попираемую. Почти попранную.

Это ложь, что вы "презираете" мнение о вас "всех" (? — З.Г.) и "дорожите только моим". Вы дрожите, напротив, перед взглядами последнего из "всех", но... неловки, и как раз потому, что сущность-то ваша — не ложь, не эта безмерная жалкая слабость, рабья какая-то: — сущность ваша иная. Вы только ее душите, вместе с отпущенными вам "дарами".

Видите, мы смотрим совершенно противоположно на одного и того же человека,— на вас. Кто-нибудь ошибается. Но тут уж надо сказать открыто: ошибаетесь вы. Не я.

Знайте же, что ваши "поступки", вот хотя бы в этой истории, вплоть до вашего "письма" Василевскому («Исповедь антисемита». — В.В.) я отрицаю; я — с теми, кто вашим поступкам не доверяет. Но то доброе в вас, что и есть вы, — утверждаю. Пока не будет совсем задушено. Очень трудно теперь освобождать его. Куда легче задушить окончательно. Только скользить дальше... Но вы понимаете, что мне грустно смотреть на это. Нечем любоваться.

З.Гиппиус

ГПБ, ф. 774 (А.Т), № 11

МЕЖ ДВУХ АЛТАРЕЙ

В своем письме в редакцию «Журнала Журналов», которое, как тяжелый булыжник, упало на спокойную гладь нашего литературного озера, г.Александр Тиняков предупреждает, что он хлопочет не о "жалости", а о справедливости. Прекрасно, будем к нему только справедливы .

Письмо в высшей степени сумбурно, противоречиво. Основной его грех — непродуманность. И всего горше, что эта внешняя непродуманность непосредственно вытекает из непродуманности внутренней. За строками не чувствуется муки, не чувствуется выстраданности. А ведь

всего важнее искренность. Сам Тиняков прекрасно это понимает. В своем письме он все время подчеркивает, что поступал "необдуманно, но искренно и, в сущности, честно". Вот этой-то именно искренности и честности при всем желании нельзя найти в его письме. Прежде всего, сколько ни трудиться над перечитываньем письма, остается неясным, окончательно ли порвал Тиняков со своим антисемитским прошлым, или нить, связывавшая его в дни процесса Бейлиса с «Земщиной», не порвана. С одной стороны, он говорит о возможности постепенных изменений убеждений и о переворотах, которые вполне возможны у мыслящих людей; с одной стороны, он признает, что "несколько лет тому назад временно шел по ложному пути озлобленного юдофобства и свое прошлое считает "печальной юношеской ошибкой"; с другой-же стороны, он тут же рядом с каким-то задором похваляется, что "ничего позорного в моем участии в «Земщине» до сих пор не вижу"; не видит он также бездны между газетами «Земщина» и «Речь» и заявляет, что "отлучение" от «Речи» и от прочих (хотя бы и от всех) органов печати ему не страшно. Трудно поэтому уяснить себе, продолжает ли Тиняков по-прежнему исповедовать религию антисемитизма или нет: он словно принял все меры, чтобы в сознании интересующегося этим вопросом было как можно меньше ясности. Юдофобство он, по-видимому, все же не осуждает, как символ веры, — он только признает его "явлением недостаточно разумным", и не потому что в нем мало здравого смысла вообще, а потому что " у русского народа нет основательных причин для того, чтобы придавать слишком большое значение еврейскому народу".

Невольно является подозрение, что Тиняков предусмотрительно оставляет себе лазейку. И собственно, не одну, а две лазейки: и ту и в другую стороны. Он сам, впрочем, указывает "во-вторых" (об этом следовало бы указать во-первых), что "ни о каком "коренном" перевороте... нельзя говорить просто потому, что в «Земщине» я писал о событиях исключительно общественных, а в «Речи» о явлениях исключительно литературных". Т.е.? Как это понять? В том ли, может быть, смысл, что против своих прежних антисемитских проповедей он доселе не прегрешил в прогрессивных изданиях ни единым звуком и, значит, вправе всегда их повторить с гордо поднятой головой?..

Тиняков с видом затравленной жертвы говорит о "газетном деспотизме". Как много в его укоре самоупоенности и как мало правды! Почему бы не проявить ему действительно хоть немного честной искренности и не подумать о том, что в данном случае газеты совершенно правильно и естественно оберегают свою чистоту? Если остается малейшее подозрение, то не благоразумнее ли отстраниться? Не мститель-

ность, не фанатизм руководили теми редакторами, которые "отлучили" Тинякова от своих редакций, а исключительно инстинкт морального самосохранения. Больше мужества, г.Тиняков! Для русского литератора вопрос о политических убеждениях — вопрос не праздный и не второстепенный. Недаром тут проявляется такая щепетильность, даже в мелочах. Глубокая основная неправда в утверждениях Тинякова, что литература по существу своему беспартийна. Русская литература, совершенно верно, никогда не втискивала себя в программные шоры, но она всегда была отмечена печатью неугомонного стремления к освобождению всечеловека. Добро у нее всегда сочеталось с всеобъемлющей правдой, стало быть — с правдой социальной и политической. Тургеневские страницы сделали для уничтожения крепостничества больше, нежели самые доказательные публицистические проповеди. Гоголевская кисть грознее и ярче изобличала русскую неправду, нежели самые пылкие обличения современных Гоголю общественников. И по сей день попытки рассечь Россию общественную и Россию литературную на две чуждые друг другу сферы должны быть признаны злонамеренными. Гений русской литературы там, где угнетенные и страждущие. Каждая слеза каждого живого существа приковывает ее внимание, и те, кто по сей день полагают, что "личность Бейлиса и его судьба вообще не важны", — как могут они в такой страдальческой стране, как Россия, причислить себя к литературе? Литературная критика прежде всего обязывает к сочувствованию и пониманию страдания личности. Литературный критик превыше всего должен чтить душу человеческую. Где же взять такие критерии тем, в чьей спутанной логике дремлет зверь, обросший густой примитивной шерстью? Как поймут они психологические зигзаги единого из малых сих, когда личность и судьба невинно обвиненного в тягчайшем преступлении для них "вообще не важны"?

В своем письме Александр Тиняков неоднократно подчеркивает отсутствие в его поступках мотива корысти, мотива выгоды. Не понимает он, что довод его в данном случае всей тяжестью падает на него же. Если бы его антисемитские статьи в «Земщине» объяснялись хоть нуждой, голодом, лишениями! Сострадательный литературный брат тогда сказал бы: "Не бросайте в него камень!" Не было этого. Тиняков не живет, по его словам, на литературные заработки. Он шел в погромное гнездо общественных башибузуков по сердечному влечению, по бескорыстному тяготению? Он действовал в порыве искренности? Вот в чем опасность происшедшего, может быть, влечения Тинякова сильнее его разумной воли, его критического анализа? Кто знает: засосет, защемит, как у страдающего запоем, и пойдет опять. Вопреки выгоде, вопреки

заклинаниям стерегущего разума. Припомним: ведь отошел Тиняков от прежних политических убеждений не один раз, а два раза. В первый раз он «Северные Записки» променял на «Земщину», во второй раз ту же «Земщину» бросил ради «Речи». Это уже не эволюция, а круговорот. Кто поручится за то, где он завершится.

Известны многие случаи "эволюции". Она — humana est, и особенно свойственно ошибаться тем, кто беспокойно ищет, кто мятежно бросается из стороны в сторону. Но перед переменой убеждений можно снять шапку, если она окрашена красным душевным следом. Тиняков же к сдвигу религиозно-священного масштаба отнесся с какой-то задорно-полемической легкостью. Он до сих пор не удосужился остаться наедине со своей совестью и спросить себя среди тишины ночного раздумья: "кто я?" С глубокой снисходительностью говорит он о своей необдуманности и неустойчивости. Как будто не отдает себе отчета, что для критика, который должен иметь веру и авторитет в глазах читателя, обдуманность и устойчивость суть первые условия, — нет их, и нет критика.

Прогрессивному лагерю нет смысла травить литератора за "печальную юношескую ошибку". Какая, в самом деле, выгода гнать от себя даровитого человека в марковское стойло? И нет сомнения, что только тогда, когда связь с прошлым будет порвана безоглядно и безвозвратно, Тиняков не встретит перед собою безжалостных фанатиков, мстительных и непрощающих, и перед ним откроются все закрытые ныне двери.

И.Накатов .

ЖУРНАЛ ЖУРНАЛОВ, 1916, №5, с.13.

"Прошу уважаемую редакцию «Биржевых Ведомостей» не отказать мне в помещении следующего письма:

"В № 13 «Журнала Журналов» находится заметка г.А.Тинякова «Исповедь антисемита», в коей говорится, что я имел какое-то касательство к статье г.Тинякова, напечатанной в «Земщине» в 1913 г. По этому поводу считаю нужным заявить, что я никогда никакого отношения к «Земщине» не имел. Что касается "правого" профессора М., упомянутого в заметке, то я, действительно, знаком с одним "правым" профессором, но с ним сблизился исключительно на почве долговременного изучения поэта-классика, рукописями которого этот профессор владеет.

Борис Садовской.

"Бирж. Вед", март 1916.

ЦГАЛИ, ф.464, оп.4 ед.хр.3. Альбом Б.Садовского, вклейка №307.

ЧАСТУШКА
(Записана в Петроградском уезде)

Как по улице Жуковской
Тиняков шел да Садовской.
Плакали: — Куда нам бечь?
Не пущают больше в «Речь».

Еремей Цыганов.

ЖУРНАЛ ЖУРНАЛОВ. 1916, № 18, с.15.

НЕУСТОЙЧИВОСТЬ

Александра Тинякова, молодого талантливого журналиста, сотрудника прогрессивных изданий, уличили в том, что он в «Земщине» печатал черносотенные юдофобские статьи. Молодой журналист не смутился, не растерялся и на упреки ответил с удивительной простотой и наивностью:

— Да, я писал в 1913 г. в «Земщине», а в 1915 г. в «Речи». Но это обстоятельство может свидетельствовать не столько о моей низости, сколько о неустойчивости.

К сожалению, эту наивность, которую стоило бы назвать модным словом "детскость", портит явная неправда. Александр Тиняков не только наивен, но и в высокой степени неточен. Как следует из его исповеди, напечатанной в «Журнале Журналов», он в том же 1913-м году писал и в «Современных Записках». Таким образом, главный аргумент, свидетельствующий против низости, в действительности не имеет места.

Это, впрочем, и не так уж существенно. Тиняков полагает, что путь его "быть может, и путанный, но уж, во всяком случае, на его взгляд, не подлый". Тиняков охотно готов беседовать на эту тему, и тон его исповеди удивительно уступчивый и примирительный. С непривычки трудно представить себе, что это не в насмешку, а серьезно человек говорит о себе в таких приблизительно словах:

— Так вы думаете, что это низость и что я иду подлым путем? Гм... Не могу, знаете ли, с вами согласиться. На мой взгляд, это не низость, а неустойчивость. И путь мой, мне кажется, это не подлый путь, а скорее путанный... Как вы думаете?

Ужасно трудно на такой вопрос отвечать. В таких случаях люди мягкие и деликатные вместо ответа разводят руками. А у Салтыкова одно лицо в подобном случае выразилось энергично:

— После этого всякий поросенок тебе в лицо скажет, что он не поросенок, а только поросячьими духами прыскается.

На этом, в сущности, можно было бы и покончить разговор о Тинякове, но есть в исповеди и в литературной его личности характерные для нашего времени черточки. Бывали и прежде такие случаи "неустойчивости", и в свое время обратил на себя внимание г.Медведский, который точно таким же манером писал одновременно и в либеральных и в реакционных изданиях. Это было давно, лет двадцать назад. Разоблачил г.Медведского Н.К.Михайловский, и Медведский даже не пытался оправдать свою "неустойчивость", или, вернее, пытался, но не мог это сделать. Ни одна газета не дала ему места для объяснений, и Медведский просто исчез, сгинул и только много лет спустя вынырнул в «Новом Времени». Не так давно был уличен в "двурушничестве" В.Розанов, писавший одной рукой в «Новом Времени», а другой — в «Русском Слове», но Розанов и не оправдывался, а просто заявил, что ему ровным счетом наплевать на всякие направления и убеждения, правые или левые. Но после этого он уже не писал в прогрессивных газетах.

Александр Тиняков не исчез подобно Медведскому, но и не плюнул подобно Розанову на прогрессивную печать. Тиняков оправдывается, приводя различные доказательства в свою защиту, и ссылается на авторитеты, на г.Петра Струве, на г.Тана. Тиняков с полным убеждением повторяет слова г.Тана, и, пожалуй, он не так уж не прав в этом отношении. Действительно, Тиняков только шире раздвигает рамки "парламента мнений", включает в состав его и нововременцев и даже «Земщину». "Разницу между «Речью» и «Земщиной» я вижу, — пишет Тиняков, — а бездны действительно не вижу, и вместиться всецело не могу и не хочу ни в ту, ни в другую, ни в какую-либо третью газету". Александр Тиняков может свободно писать и в "Земщине" и "Речи", и этот новый блок, правее "прогрессивного блока", г.Тинякова нисколько не смущает. Такова уж натура этого молодого журналиста, обладающего и талантом, и литературным вкусом .

Были прежде такие люди, которые назывались ренегатами, но этот тип в литературе явно вымирает. Казалось, что ренегат может вызывать к себе только презрение. А теперь, пожалуй, с некоторой симпатией оглядываешься на эту категорию литературной уголовщины. Были всетаки у людей убеждения, и, стало быть, изменяли они убеждениям, и, стало быть, знали, что изменяют, и нелегко далась им измена. А тут на

смену им пришел молодой человек, который действительно ничего изменить не может, который и не изменял ничему, и стало быть, и каяться ему не в чем. И знает молодой этот человек, что, даже нарушив некоторые приличия, он может все-таки рассчитывать на снисхождение, что времена пошли теперь другие, не строгие, и, укрывшись под сень авторитета г.Тана, можно пробраться снова в либеральную печать. Пусть не унывает Александр Тиняков. Талантливые люди, которым нечему изменять, не пропадут в наше время.

Д. Заславский*.

ДЕНЬ, 25 марта (№83), 1916, с.4.

М.Г. редактор.

В октябре месяце 1913 года я поместил в вашей уважаемой газете за подписью "Алексей Куликовский" две статьи о деле Бейлиса. Как раньше, так и после этого, я принимал участие в очень многих органах печати, как в беспартийных, — например, в «Аполлоне» и «Ниве», — так и в имеющих определенную политическую окраску, например, в газете «Речь». Но во всех этих органах я напечатал вещи исключительно литературные и чисто политических вопросов не касался. Поступая таким образом, я полагал и теперь полагаю, что в моих действиях ничего предосудительного не было, тем более, что такого рода "литературное безразличие" освящено традицией.

---

*Давид Иосифович Заславский (1880-1965) - меньшевик, член ЦК Бунда. Учился на юридическом факулътете Киевского университета в то же время, что и Вышинский. В 1917 г. вел злобную кампанию против Ленина, печатая о нем статьи как о немецком шпионе. Мало кого Ленин клеймил с такой яростью, как Заславского. Он называл его негодяем, заведомым клеветником, сплетником, подлецом, осуждая тех, кто подает Заславскому руку. Впоследствии Заславский стал официальным советским журналистом, главным фельетонистом Правды , получив неограниченное право шельмовать честных людей. Сталин открыл ему дверь в партию лишь в 1934 г. После этого Заславский еще усерднее стал травить политических деятелей, всю жизнь верно служивших большевизму. Жертвами его разнузданного пера были многие деятели культуры. Имя этого перевертыша наводило ужас и страх. Я сам видел два приговора: по первому человека осудили на 20 лет за то, что в компании приятелей он назвал Заславского “грязной личностью“; по второму 8 лет получил тот, кто показывал сослуживцам статьи Ленина о Заславском“.

(А.Ваксберг. Страницы одной жизни. - ЗНАМЯ , №5,1990, с.163.

Достаточно указать для примера, что А.А.Фет-Шеншин, придерживаясь крайних монархических взглядов, находил, однако, возможным помещать свои стихи и критические статьи в левых радикальных журналах, например в журнале «Русское Слово» (1859 г. и след.), точно так же Н.Н.Страхов считал возможным для себя принимать участие в таком демократическом органе, как «Русская Мысль» (1883 г.). Ни одного слова доброжелательного по отношению к еврейству за все время моей литературной деятельности с моего пера не сорвалось, и душой я ни в чем не покривил.

В последнее время один мелкий литератор, оставшись недоволен моим отзывом о его книжках, начал распространять в литературных кружках и в еврейских редакциях слухи о том, что я — сотрудник «Земщины».

Желая положить предел слухам необоснованным, а также чтобы выяснить мое положение в журналистике, я напечатал в журнале еврея Василевского мою «Исповедь антисемита», в коей, между прочим, излагал историю моего участия в «Земщине» и подчеркивал, что ничего позорного для себя в этом факте я не нахожу, а мои заметки, помещенные, напр., в «Речи», я мог бы помещать и в правых газетах, если бы таковые ввели у себя литературные отделы. Вопрос о моих теперешних взглядах на еврейство я постарался "оставить в тени", ибо у меня не было серьезного внешнего повода для того, чтобы высказываться об этом. Несколько туманных и, откровенно говоря, двусмысленных фраз я все-таки должен был употребить ради того, чтобы моя «Исповедь» могла появиться на свет; так, например, я сказал, что считаю "юдофобство явлением недостаточно разумным", и я искренно думаю, что юдофобство русских интеллигентных людей еще недостаточно разумно, ибо не всегда стоит на твердой почве научно-обоснованного антисемитизма.

Как и следовало ожидать, мое разъяснение евреев не удовлетворило, и они начали ставить мне такие вопросы, на которые я нахожу полезным ответить прямо и более или менее подробно, и очень прошу вас разрешить мне сделать это через посредство вашей уважаемой газеты.

"Продолжает ли Тиняков по-прежнему исповедовать религию антисемитизма или нет", — спрашивает г.Накатов в № 15 «Журнала Журналов» за 1916 год.

На это я отвечу, что поскольку *иудаизм* является выражением семитического духа и поскольку *христианство* является преодолением и отрицанием иудаизма, — постольку я и до сих пор являюсь антисемитом, и впредь таковым останусь и от Иисуса Христа не отрекусь.

Далее г.Накатов пишет о Бейлисе и русской литературе следующее: "Гений русской литературы там, где угнетенные и страждущие. Каждая слеза каждого живого существа приковывает ее внимание и те, кто по сей день полагает, что "личность Бейлиса и его судьба вообще не важны", - как могут они в такой страдальческой стране, как Россия, причислять себя к литературе". На это я должен заметить, что в деле, известном под именем "дела Бейлиса", для меня главную роль играет не Бейлис, и на первом плане передо мной не Бейлис стоит, а лежит обескровленное и поруганное тело Андрея Ющинского.

Я не решаю сейчас нерешенного вопроса о том, кто убил мальчика и готов допустить мысль, что Бейлис пострадал невинно. Но стыдно и даже безумно сравнивать "страдания" Бейлиса с муками Ющинского: с одной стороны - несколько месяцев тюрьмы, с другой - безвременная могила; с одной стороны - корректные речи обвинителей, а с другой - смертельные удары в голову...

Говоря так, я нисколько не осуждаю и не порицаю евреев, для которых действительно на первом плане стоит (и должен стоять) не Ющинский, а Бейлис. Но ведь я - не еврей, и, как всякий не-еврей, стать евреем не могу, а, стало быть, и лгать не должен, и не имею никакой нужды в том, чтобы "замалчивать" действительно тяжелые страдания, пережитые Ющинским перед смертью; и я никогда не позволю себе бросить камень в его могилу, как это сделал недавно г-н Горький, который погибшего, несчастного, замученного мальчика со злою насмешкой назвал "вороватым" (Сборник "Щит", изд.1916, ст.58, строчки 7-8 сверху). Г-н Горький не назвал, правда, имени Ющинского, но что его намек направлен именно в эту сторону, ясно для каждого, кто знаком с "либеральной" литературой по этому вопросу. Укажу для примера на книгу г.Бонч-Бруевича - "Знамение времени" (Спб. 1914), где на первых же страницах "любвеобильный" автор называет убитого мальчика "юношей, на которого воровская шайка возлагала много надежд"(стр.3) .

Древне-греческий поэт Архилох оставил нам гневний стих,гласящий: "Непристойно насмехаться над умершими людьми".

Г-н Горький и г-н Бонч-Бруевич попрали эту мудрую и человеческую заповедь, и я спрашиваю их: во имя чего они это сделали, в угоду кому бросили свой грязный намек в сторону бедной детской могилки?

Если гений русской литературы там, где плачут и страдают,то куда г.Накатов прикажет отнести г.Горького, который над предсмертными слезами ребенка, как новый хам, насмехается?

После всего изложенного, позвольте мне заявить следующее: за то, что я не отрекаюсь от моих христианских верований, — во-первых, а, во-вторых, за то, что я думаю, что *убиваемый* Ющинский страдал сильнее, чем *судимый* Бейлис, — вот за это евреи и не дадут мне продолжать работу в прогрессивных русских (?) газетах. И ни один русский интеллигент, ни один русский писатель *не посмеет* выразить по этому поводу возмущения.

К сказанному выше считаю необходимым добавить, что я в настоящее время вовсе не являюсь "черносотенцем", но склоняюсь во многих вопросах ко взглядам прогрессивным и демократическим. В силу именно этого мой религиозный антисемитизм и проявляется иногда в обостренной форме, ибо правильно понимаемый иудаизм представляет собою отрицание всякого истинного прогресса; достаточно вдуматься в статьи «Шулхан Аруха», чтобы согласиться с моим мнением.

Недаром также самыми непримиримыми врагами евреев были — в Европе в новейшие времена сначала французские энциклопедисты во главе с Вольтером, а затем почти все великие умы Германии, начиная с Гердера и Канта. Недаром также в настоящее время множество истиннокультурных людей придерживается антисемитических взглядов повсюду, за исключением России, средняя интеллигенция которой отстала в научном развитии Западной Европы более, чем на сто лет, и в расовых вопросах до сих пор стоит на антинаучной и даже на вполне невежественной точке зрения французских революционеров XVIII столетия.

Евреи могут попытаться представить мое настоящее выступление, как выступление "погромщика". На это я замечу, что мои антисемитические взгляды и чувства могут быть обоснованы не на "погромной" литературе, а на литературе научной, причем в числе книг, дающих материал для обоснований антисемитизма, мною могут быть указаны книги, написанные самими же евреями.

Во всяком случае, как ни незначительно мое литературное имя, — из истории, случившейся со мной, — можно ясно видеть, что вся прогрессивная печать в России находится в еврейских руках, вследствие чего все дурные стороны еврейства, несомненно существующие, замалчиваются. Я же не вижу никаких разумных оснований для того, чтобы рабствовать перед евреями и потворствовать их деспотическим замашкам. Указание на то, что евреи находятся в стесненном положении, "не имеют прав" и вследствие того бессильны, — рассчитано на людей очень глупых или, по крайней мере, мало думающих. Для тех же, кто желает и способен подумать над "еврейским вопросом", — сразу должно быть видимо, что евреи — не слабы, а напротив того, — представляют собою

огромную силу и силу, несомненно, враждебную как нам, русским, так и всем индоевропейцам.

Евреи желают утвердить в мире свое национальное "я" в ущерб всякому другому "я". И нет, на мой взгляд, дела более позорного, изменнического и грешного, чем помогать им в этом их стремлении, ибо еврейские победа и торжество будут знаменовать собою гибель и поругание всей нашей духовной культуры и утверждение в мире тесного для нас и омерзительного талмудического порядка.

Александр Тиняков.

P.S. Замечу еще, что ни о каком обмане, якобы совершенном мною, евреи не имеют права говорить, потому что впервые я выступил в печати с антисемитическими статьями еще в 1906 году (в газете «Орловская Речь»), — причем эти статьи были подписаны моим настоящим именем, и приблизительно в то же время я известил об этом тех литературных деятелей (в Москве), с которыми имел тогда деловые отношения... Я отлично понимаю, что опубликовывая мои разъяснения, я подвергаю себя опасности не только как писатель, но и как человек. Но бывают обстоятельства, когда национальная честь делается дороже жизни. А кроме того, я верую, что никогда не потеряет своей силы великое Слово Христа, Который сказал руководителям еврейского народа: "Да придет на вас вся кровь праведная, пролитая на земле" (Матф., XXIII, 35).

ЗЕМЩИНА 17 апреля 1916.

ПРЕДСМЕРТНЫЙ ХРИП

Ал. Тиняков выступил с новой исповедью. Мирно вернувшись в «Земщину», он пытается доказать здесь, что разоблачения «Журнала Журналов» относительно совмещения им работы в «Речи» и «Дне», с одной стороны, и в «Земщине» с другой, — ничего исключительного не представляют:

Поступая таким образом, я полагал и теперь полагаю, что в моих действиях ничего предосудительного не было, тем более, что такого рода "литературное безразличие" освящено традицией (!).

Ныне, после разоблачения вернувшись в лоно «Земщины», — Ал.Тиняков дает отчет о своей деятельности в левых изданиях: ни одного слова доброжелательного по отношению к еврейству за все время моей литературной деятельности с моего пера не сорвалось, и душой я ни в чем не покривил.

Ну, и слава Богу. Отныне ничто не помешает г.Тинякову делать черносотенную карьеру в стане субсидируемых. Он нашел свою полочку и определился. Да будет ему «Земщина» пухом...

(Журнал Журналов, 1916, № 18, с.13).

А.ТИНЯКОВ — А.РЕМИЗОВУ, 18 пареля 1916

(...) Посылаю Вам мое «Письмо в редакцию». Я уже послал его Блоку, Сологубу, Мережковским, Горькому и нек. др. лицам.

ИРЛИ, ф.256, оп.1, №. 264.

А.БЛОК — А.ТИНЯКОВУ, 19 апреля 1916

Многоуважаемый Александр Иванович.

Мы с Вами почти одинаково думаем о евреях. Я не раз высказывал и устно и письменно (хотя и не печатно) — евреям и неевреям — мысли, сходные с Вашими; иногда и страдал от этого, хотя далеко не так, как Вы.

Возразить могу только вот что: как ни удивительно, что «Земщина» поместила письмо со столькими левыми оговорками (правда, я знаю «Земщину» только с чужих слов), — все-таки я не стал бы печатать подобные заявления в такой газете: это никому не слышно, тут нет (?) ничего выходящего из ряду. Прекрасно знаю, что другие бы не напечатали; вообще, я не раз перебирал всю цепь связанных с еврейским вопросом соображений, но никаких способов не придумал и предложить не могу; одно знаю, — что и «Земщина» — не способ.

Вопрос — о моем чувстве к Андрюше Ющинскому; я вспоминаю, что оно было несколько раз острым, но с делом Бейлиса не было связано; просто было чувство к измученному кем-то ребенку. Ну, еще — всякие "оттенки"; например, Горький — не Бонч-Бруевич (ведь Вы знаете «Детство» и другое, многое).

Временами все эти вопросы становятся для меня тяжелой болезнью; но сейчас я не чувствую этого; потому у меня нет новых мыслей об этом. Думаю совсем о другом.

Не будем назначать дней и часов; просто, если вздумаете, зайдите ко мне когда-нибудь часов около 6-ти; почти всегда (кроме воскресений) мы в этот час обедаем дома.

Всего Вам хорошего, жму Вашу руку.

Александр Блок.

ГПБ, ф.777, № 3.

А.ТИНЯКОВ — А.БЛОКУ, 20 апреля 1916

Многоуважаемый Александр Александрович!

Ваше письмо доставило мне большую душевную радость и обострило во мне несколько мыслей, которыми хотелось бы поделиться с Вами. Меня самого смущала «Земщина» — и не столько вследствие ея малой распространенности, как потому, что я далеко не во всем согласен с нашими монархистами. Что же касается "частностей", вроде, напр., отношения к современному полицейскому строю, то здесь я прямо и совершенно не согласен с ними, ибо питаю к означенному "порядку" глубочайшее отвращение и вражду. — И тем не менее, ничего иного сделать пока нельзя, ибо евреи сумели крепко связать себя с освободительными движениями русского общества, внушив "большинству" мысль, будто еврейство — сила прогрессивная. На самом же деле еврейство — сила только внешне — революционная, а революционные движения не всегда бывают прогрессивны, но, по большей части, только конвульсивны и, как таковые, они часто ведут не к возрождению, а к ослаблению народных сил, и, следовательно, считать Революцию непременно составной частью общечеловеческого прогресса — нельзя. Не думаю, чтобы Гете или Толстой были враждебны прогрессу, но вряд ли у Революции найдется много столь серьезных противников, как они

Работать в правых газетах мне будет, вероятно, нелегко и многим придется "поступаться", — но пусть пропадет моя личная литературная "карьера", — лишь бы удалось сделать хоть что-нибудь для укрепления в правой прессе литературного отдела. И кроме всего прочего, должен заметить, что под слоем косного сознания у многих "правых" таится некая праведная основа, а именно: горячая и суровая любовь к простому народу, каковой любви совсем нет у высокомерного либерального общества.

О Горьком, как о писателе, я высказался не так давно в «Речи» и, по существу, от моего мнения не отказываюсь: думаю, что Горький — человек крупный, сердечный и даровитый. Но он — темный. И, несмотря на свою начитанность, в высокой степени необразованный человек; он плохо умеет сопоставлять факты и, пожалуй, совсем не умеет мыслить оригинально. У него нет свободного, критического, я сказал бы - господского, отношения к книге: он до сих пор подходит к книгам, как "нижегородский мещанин Пешков", и полагает, что если "профессор" высказывает свое мнение, то это мнение есть "некая сила, действующая в природе и в истории". Такие умственные способ-

ности в связи с пылкостью темперамента и ставят Горького зачастую в положения очень неприятные и опасные для него внутренне. В частной беседе или в большой статье я бы мог все это выразить и доказать, но в боевой заметке надо бить по врагу и по его союзникам без пощады, памятуя лишь об одном: о правде и величии того дела, за которое сражаешься. В битве не до красивых жертв и не до благородных слов, и, вступая в борьбу по-настоящему, человек должен быть готов к тому, чтобы спознаться и с грязью, и с ложью, и с чем угодно; лишь бы душа не утонула в этом, а что сверху налипнет на нее всякая дрянь,— так это пусть: в час победы или смерти все отмоем!

С Вашего разрешения, я зайду к Вам в следующей неделе, по всей вероятности, в субботу в 6 ч. веч. и прошу Вас заранее принять мои уверения в том, что если Вы — почему бы то ни было — не будете в расположении принять меня в означенное время, — я отнесусь к этому с безусловным спокойствием и неизменно сохраню глубокое уважение к Вам.

Александр ТИНЯКОВ

ЦГАЛИ,ф.55, оп.1, № 428.

ТАРТЮФ

(К сведению А.Тинякова)

Замечали ли вы, господа, что если русский человек пьянствует, мерзит, грешит, мается, богохульничает и словоблудничает, то почти всегда человек этот в конце концов приносит меньше вреда мухам, чем мухи ему? И наоборот, не встречали ли вы на Руси такого джентльмена с кабаньим обликом, который орет на вас, как околоточный, — Россия смиренна, Россия незлобива, Россия свята — и в конце концов, защищая тезис о славянском смирении, даст кому-нибудь в ухо? Но, господа, если вы увидите когда-нибудь благообразного, иконописного, положительного мужчину с ястребинкой в глазах, говорящего умильным голоском о Христе, то знайте, что это тот самый, что руководит созданьями простыми, но умеющими при случае вспороть брюхо жиденку. Щедрин писал когда-то о "благовидной губернаторов наружности" — "у губернатора должен быть вид якобы устремляющийся, да явно было бы, что он всегда готов"; — "у погромного шептуна", перефразируем, "вид должен быть якобы благочестивый и тоже для того, чтобы "явно было, что он всегда готов".

Именно это пришло мне в голову, когда я просмотрел статейки А.Тинякова в "Земщине". Это необычайно благочестивые статейки.

Что такое г-н Тиняков, теперь всем ясно; если не нерукотворный памятник, то тяжелую нерукотворную плиту для себя г-н Тиняков изготовил. Дорога его определилась; положения стали отчетливыми; голос твердым. Жаль, однако, что ни дорога, ни положения, ни тон не представляют ничего исключительного — здесь Тиняков уложился целиком в программу "бей жидов". И это грозит ему маниакальностью.

Правда, он не сразу нашел себя, или, вернее, он определенно вошел в двери «Земщины» только тогда, когда все остальные двери захлопнулись у него перед носом, а до тех пор он и стучался в эти двери и просил о прощении и, как он сам теперь признает, попросту врал.

Вчера еще он, объясняя свое сотрудничество и в «Земщине», и в «Речи», и в «Дне», и в «Северных Записках», писал в «Журнале Журналов», что он виновен в легкомыслии и непостоянстве, но не в подлости, и юдофобство считает "явлением неразумным"; сегодня он пишет в "Земщине", что слова его надо было понимать так: "юдофобство русских людей еще не достаточно разумно, т.к. оно не всегда стоит на почве научно-обоснованного антисемитизма". Он признает, что фразы его были "двусмысленны", т.е. что он попросту врал и обманывал. Но он объясняет и это. Виноват в его вранье не он. Не отрекись-де он от антисемитизма, не польсти он редактору, зажал бы ему рот проклятый жид и замучил бы его самолюбие тринадцатью уколами как раз на Пасху. Наконец-то нашли виноватого!

Теперь голос Тинякова тверд: отовраться не удалось, левые извинения не приняли и, даром Тиняков наунижался...

Мы не строгие моралисты. Я не озлоблен против кондотьера в литературе, работающего то в Епархиальных Ведомостях, то в Сатириконе. Иногда это даже очень мило и многим очень идет. Я знаю одного такого растрепу – бегает из какого-нибудь «Жидоморья» в редакцию какого-нибудь «Голоса сознательного пролетариата» и нюхает по дороге кокаин, благодаря Бога за веселый нрав и философский скепсис. И мы все, понимая, что пресса есть пресса, жена и дети суть жена и дети, улыбаемся и радуемся, что Гаврош бессмертен. Пусть даже не Гаврош; пусть будет "честный наемный убийца Спарафучилле"; и это не плохо. Но отвратителен Тартюф. Отвратителен тот иезуит, который таскался вместе с кондотьерами, с постной миной и благочестивыми аргументами de summa theoria et summa teologia.

И господин Тиняков взял стиль Тартюфа. И даже мученика за веру.

"От Иисуса Христа", мужественно, как запорожец в Стамбуле на колу, говорит Тиняков, "не отрекусь"! (а от него уже требовали, видите ли, отречения...) "Лежит обескровленное и поруганное тело Андрюши

Ющинского"... (вон куда метнул. Заговорило сердце). "За то, что я не отрекаюсь от своих христианских верований, евреи и не дадут мне продолжать работу в прогрессивных газетах" (мы думали, что он был пойман с поличным, а, оказывается, он пострадал за убеждения)... "Я отлично понимаю, что, опубликовывая мои разъяснения, я подвергаю себя опасности не только как писатель, но и как человек" (убьют?). "Но бывают обстоятельства, когда национальная честь дороже жизни" (Тиняков, Ты велик! Позволь мне антично-патетическое Ты). "И кроме того, я верую, что никогда не потеряет силы великое слово Христа к руководителям еврейского народа: да падет на вас вся кровь праведная, пролитая на земле (Матф. XXIII 35)".

Со ссылкой на Писание. Не как-нибудь.

Тиняков сделает себе карьеру. Подлинного антисемитизма в России до сих пор еще не было. Но он будет. Когда, после войны, начнется бешеное железнодорожное строительство, когда капитализм побежит по этим дорогам во все глухие углы России, когда мы начнем стремительно европеизироваться, надо полагать, что элементы, сложившиеся в атмосфере капитализма, будут сильней исконных национальных и правящих слоев.

Иностранцы и евреи наверно вытеснят русских буржуа из многих отраслей; фабрикант-иностранец забьет на рынке русского; купец-еврей — русского купца. Пока процесс ассимиляции не растворяет национальные черты в культуре и психике аборигенов, надо думать, антисемитизм и национализм будут слышны много громче, чем теперь. И тогда Тиняков будет в чести.

Если жизнь — борьба, почему не быть антисемитом? Но трудная задача быть в то же время христианином, ибо, не говоря уже о "несть эллин и иудей", всегда как-то случается так, что рядом с благообразным проповедником, философом, размышляющим о "иудаизме" и "христианстве", оказывается и какой-нибудь кишиневский кабан, умеющий промычать только два слова "пороть брюхи" или "бей жидов". И именно эти-то кабаны и составляют армию Тартюфов.

Г-н Тиняков наконец-то определился. Господин Тиняков христианин. Он плачет об Андрюще Ющинском. А рядом с ним кто-то уже рычит о Вилли Ферреро; "тателе и мамеле жиденка Ферреро обделывают гешефты"... Дай этому писателю маленького Вилли, кто знает, не было бы ли Вилли хуже, чем маленькому Андрюше. А благообразный Тартюф, конечно, будет петь о Христе-младенце...

А.Лозина-Лозинский (Я.Любяр).

ЖУРНАЛ ЖУРНАЛОВ, 1916, № 18, с.81.

В.ХОДАСЕВИЧ — Б.САДОВСКОМУ, 22 апреля 1916

Дорогой Борис Александрович,

Я ровно настолько хорошо отношусь к Вам, чтобы иметь и право, и обязанность говорить откровенно. Если Вам, как заключаю по письму Вашему, не безразлично мое мнение о тиняковской истории, то вот оно в коротких словах.

Тиняков — паразит, не в бранном, а в точном смысле слова. Бывают такие паразитные растения, не только животные. На моем веку он обвивался вокруг Нины Петровской, Брюсова, Сологуба, Чацкиной, Мережковских и, вероятно, еще разных лиц. Прибавим сюда и нас с Вами. Он был эсэром, когда я с ним познакомился, в начале 1905 г. Потом был правым по Брюсову, потом черносотенцем, потом благоугодным прогрессистом, потом опять черносотенцем (уход из Северных записок), потом кадетом (Речь).

Кто же он? Да никто. Он нуль. Он принимает окраску окружающей среды. Эта способность (или порок) физиологическая. Она ни хороша, ни дурна, как цвет волос или глаз. В моменты переходов он, вероятно, немножко подличал, но я думаю, что они ему самому обходились душевно недешево. Он все-таки типичный русский интеллигент из пропойц (или пропойца из интеллигентов). В нем много хорошего и довольно плохого. Грешит и кается, кается и грешит. Меня лично иной раз от этого и подташнивало, но меня и от Раскольникова иной раз рвет. Поэтому его "исповедь" безотносительно к тому, в какое положение она ставила Вас (я на минуту отстраняю от себя свои личные чувства к Вам), меня не возмутила, как, конечно, и не восхитила. Она была в порядке тиняковщины, только и всего. Но присланная Вами вырезка подла бесконечными своими виляниями, подтасовками и передергиваниями. Это о Тинякове. Теперь о Вас.

«Исповедь» я видал. Вашего возражения не видел, но слышал о нем как раз от Гершензона, которому я на основании "исповеди" высказал предположение, что Вы действительно водили Тинякова к Борису Никольскому. Г(ершензо)н с моим предположением согласился и сказал, что оно подтверждается и вашим опровержением в "Бирж", тем местом, где говорится о Фете. Думаю, что с Вашей стороны нехорошо было 1) поощрять трусливое, тайное черносотенство Т-ва и 2) так или иначе способствовать снабжению "Земщины" каким бы то ни было материалом. Это нехорошо, из песни слов не выкинешь. Оправдывал я Вас тем, что многое, по-моему, Вы делаете "так себе", а может быть, и с беллетристическим и ядовитым желанием поглядеть, "что будет",

понаблюдать того же Тинякова, ради наблюдения мятущейся души человеческой. Правда, это немножко провокация, но почему-то не хочется (а не нельзя) судить Вас строго. Гершензон, как мне показалось, был со мной вполне согласен. Вас не ругал, по крайней мере при мне. Думаю, что и без меня. Вообще же в Москве об этой истории как-то не говорят, ее почти не заметили. Вас не бранят. Вырезку покажу, кому надо. Думаю, что Тиняков сам себя съел<...>

ПИСЬМА В.Ф.ХОДАСЕВИЧА. Послесовие, составление и подготовка текста И.Андреевой.

«Ардис», 1983, с.33-34.

23 апреля (1916)

Сегодня днем — у мамы на имянинах (кроме Любы, тети и меня — Адам Феликсович, г-жа Теплова и офицер). Обедал у нас Ал.Ив.Тиняков — он стоит пятидесяти Левберг и Тумповских, которых зовет к себе З.Н.Гиппиус.

Вечером мы гуляли с Л.А.Дельмас по пустынным улицам.

Александр БЛОК. Записные книжки 1901-1920. М.,1965, с.296.

(...) К сожалению, я не имею возможности рассказать сейчас об отношении Блока ко мне в 1916 г. и не могу привести его замечательного письма ко мне от 19 апреля 1916 г., — письма, которое, несомненно, будет иметь значение для будущих исследователей личности и мироощущения Блока. Отмечу лишь один эпизод.

23 апреля 1916 г., после долгой беседы на политические и общественные темы, я прочитал Блоку мою новую статью "О происхождении искусства". Александр Александрович признался, что он еще нигде не встречал такого взгляда на происхождение искусства, как у меня, и что ему, как художнику, больно было бы согласиться с той расценкой поэтического творчества, которую проводил я.

Я (совершенно не отталкиваясь от теории Ц.Ломброзо о "гении и помешательстве") — путем анализа первобытных, палеолитических произведений искусства приходил к мысли, что первоисточником художественного творчества у людей был не "переизбыток", а некий недостаток жизненных сил. Мне казалось естественным, что первого мамонта на стене пещеры нарисовал не здоровый охотник, всецело занятый процессом охоты и подготовлениями к ней, а — или больной, или ослабевший старик, которые, не имея сил принимать активного участия в тогдашних общественных чертополохами жизни — были истинным подвигом и подвиг этот был во истину велик!

Александр Тиняков. Памяти А.А.Блока. - Последние Новости, 5 августа1923.

А.РЕМИЗОВ — А.ТИНЯКОВУ, 26 апреля 1916

Дорогой Александр Иванович!

Завтра 27-го часа в 4-е можете зайти к нам.

А.Ремизов

Да захватите № Земщины, где про Есенина написали.

ГПБ, ф.774, N 33.

РУССКИЕ ТАЛАНТЫ И ЖИДОВСКИЕ ВОСТОРГИ

Отдельных талантливых людей больше всего ценят бездарные народы.

Народу же, который весь — в целом своем — талантлив, отдельный одаренный человек дорог лишь в том случае, если он при помощи своего таланта т р у д и т с я и создает что-либо воистину полезное.

Вот почему бесспорно даровитый русский народ весьма скуп на похвалы и восторги по адресу отдельных талантов. Заслужить еврейскую похвалу, наоборот, очень легко: спел человек звонкую песенку, настрочил хлесткую статейку, намалевал замысловатую картинку — готов дело! — еврей уже кричит о новом "гении". Очень понятно, почему они так делают: нищему каждый встречный, у которого нет сумки за плечами, кажется богачом...

Другое дело — похвала русская, признание со стороны народа русского: здесь песенки да статейки — мало, здесь требуется д е л о, да еще дело-то доброе и важное; если же человек такого дела не делает, то, будь он хоть "два раза Пушкин", народ наш "всерьез" его не примет...

Русский народ не придает большой цены эстетике и "чистой красоте", потому что в нем самом заложено много чистой красоты. В еврействе, наоборот, все красивое, всякая "эстетика" — страшно редки, и потому на всякого человека, одаренного каким-либо чисто художественным талантом, евреи смотрят, как на нечто "особенное" и "высшее".

Русскому человеку на талантливого художника, "только художника", — выражаясь просто, но точно, — наплевать. И происходит это не от "черствости" и не от "серости русской", а оттого, что к а ж д ы й русский человек сам до известной степени художник. "Этого добра у нас и без тебя много", — может сказать русский мужик любому нынешнему актеру, музыканту, поэту — и сказать с полным правом. Лев Толстой, во многом выражавший подлинные мужицкие взгляды, так и говорил. И, конечно, имел основания для этого ...

Здесь-то и кроется один из источников так называемой "еврейской рекламы".

Евреи не только корыстно, но и вполне бескорыстно могут восхищаться любым сомнительным талантом, вроде, например, "таланта" Леонида Андреева. Для еврейского духовного и умственного убожества пустозвонная риторика и истерика г.Андреева действительно могут представляться "глубоким" и "мучительным" явлением. Но русского человека андреевским словоблудием — "не прошибешь", и чем "красивей" будет выражаться подобный писатель,чем эффектней будет он ударять себя в пустопорожнюю грудь, тем холодней будут относиться к нему русские люди. Самое большое — пожалеют и посоветуют ему сходить на богомолье...

(...) "Галдежом" своим, даже и сочувственным, они приносят, в конце концов вред, потому что мешают вникнуть в истинный смысл того явления, о котором галдят. Так же непристойно "базарили" они около Толстого, около Ницше — да и мало ли около кого!

Для русского глаза и уха вся эта жидовская свистопляска вокруг русской талантливости представляется не только омерзительной, но и вредоносной. Вредоносной — потому что среди талантливых русских людей очень много людей, по характеру своему мелких и слабых. Пойдя на удочку еврейской похвалы, эти маленькие таланты гибнут, не принося и половины той пользы родине, которую могли бы принести.

Для подтверждения нашего рассуждения весьма показателен "случай с Есениным".

Приехал в прошлом году из Рязанской губернии в Питер паренек — Сергей Есенин.

Писал он стишки среднего достоинства, но с огоньком, и — по всей вероятности — из него мог бы выработаться порядочный и полезный человек. Но сейчас же его облепили "литераторы с прожидью", переодели в длинную, якобы "русскую" рубаху, обули в "сафьяновые сапожки" и начали таскать с эстрады на эстраду. И вот, позоря имя и достоинство русского мужика, пошел наш Есенин на потеху жидам и ожидовелой, развращенной и разжиревшей интеллигенции нашей. Конечно, самому-то ему любопытно после избы да на эстраде, да в сафьяновых сапожках... Но со стороны глядеть на эту "потеху" не очень весело. Потому что сделал Есенин из дара своего, Богом ему данного, употребление глупое и подверг себя опасности несомненной. Жидам от него, конечно, проку будет мало: позабавятся они им сезон, много — два, а потом отыщут ему какую-нибудь "умную русскую голову", чтобы и в ней помутить рассудок. И останется наш Есенин к 25-ти годам с прошлым, но без будущего.

А сие не легко... И таких горьких примеров вокруг нас очень много: достаточно упомянуть о г. С.Городецком, которого жиды к 2О-ти годам прославили как гения, а к 30-ти заклевали и "похоронили".

Хотелось бы всем этим юношам, падким на похвалу иудейскую, сказать, как друзьям и согражданам своим:

"Не верьте вы, братцы, жидовской ласке и не гонитесь за дешевой газетной славой. Не на то вам дал Господь зоркие очи и чуткие сердца, меткую речь и певучую песню, чтобы вы несли их на потеху и усладу жидам. Давши вам дары, Господь возложил на вас тем самым и труд, и призвал вас к деланию добра(...)

От вас, "Есенины", требуется большее. И чтобы сделать это большее, надо не по эстрадам таскаться, а в тишине и близости к родному народу работать над развитием и раскрытием данных вам духовных сил.(...)

Но как неразумные бабочки на огонь, летят Есенины, Андреевы, Городецкие на обжигающий свет Иудиной ласки. И падают опаленные, и ползают во прахе, вымаливая хоть "корочку славы" у всемогущего рекламиста еврея...

Но за чертою жидовской эстрады жива еще бесконечная, смиренная и сильная Русь, и жив еще тот мужик Марей, "с запачканным в земле пальцем" и "с материнской улыбкой", который успокоил и утешил когда-то великого писателя нашего — Ф.М.Достоевского.

Мужик Марей восхищаться звонкими стишками, пожалуй, не станет, но зато и "волку" в обиду ребенка не даст — и когда тот ребенок, ложной славой опечаленный, опаленный, усталый, детские силы свои растерявший, — склонится к ногам жестокого "волка", — он услышит вкруг забытый, ласковый голос: "Христос с тобой!" И корявая, грубая, в земле запачканная, рука поднимет его бережно и укажет ему на небо, где сияет вечное Христовое Солнце, а не скудные огоньки жидовских эстрад!

Александр ТИНЯКОВ
ЗЕМЩИНА, 22 апреля 1916.

Письмо в редакцию «Задушевного Слова», нечаянно попавшее в «Журнал Журналов».

Дорогие товарищи по журналу!

Не играйте с злыми и гадкими детьми. Гадкий и злой мальчик Боря Садовской уговорил меня написать две статьи: «О высоком и прекрасном» и «Бей жидов». «О высоком и прекрасном» — я отдал в «Речь», а «Бей жидов» мы с Борей снесли к профессору Н. (Никольскому. — *В.В.*). Дядя Н. отослал статью в «Земщину», а меня посадил к себе на колени,

угостил конфеткой, поцеловал в лобик и сказал, что я очень умный, но не велел рассказывать про «Земщину», а потом мы с Борей Садовским чего-то не поделили и Боря все разболтал. Узнал дядя Гессен (редактор газеты «Речь». — *В.В.*), рассердился и выгнал меня из «Речи» Как провели вы праздники Пасхи, дорогие товарищи? У нас они прошли тихо и скучно, но один добрый дедушка из «Земщины» обещает устроить на будущую Пасху такое славное праздничное гулянье, что евреи запляшут. Не правда ли, это очень весело и красиво, когда евреи пляшут?

Шура Тиняков, 36 лет.

ЖУРНАЛ ЖУРНАЛОВ, 1916, № 19, с.6.

А.ТИНЯКОВ - А.РЕМИЗОВУ, 14 мая 1916:

Глубокоуважаемый Алексей Михайлович!

С искренней благодарностью возвращаю Вам книгу и с глубокой печалью принимаю прекращение наших отношений. Теперь порывается у меня последняя связь с литературным миром. На прощание мне хочется сказать вам, что я сохраню навсегда самые лучшие и благодарные воспоминания о Вас. И хотелось бы мне думать, что и Вы не будете осуждать меня слишком строго. Я делаю нередко "некрасивые" вещи, но ужасающие неудачи и вечное внешнее одиночество до того замучили и озлобили меня, что самая маленькая неприятность, самый легонький укол теперь заставляют меня действительно "терять голову" от боли и обиды...

А между тем от природы а не настолько зол. Вот я писал вам о "лютой ненависти к масонам", а после получил приглашение из «Ист. Вестн.», и моя "невависть" уже потеряла свою "лютость", и я готов забыть о всех масонах в мире, — лишь бы дали мне работать, лишь бы дали мне работать! Особенно несправедливо и грешно, когда меня презирают за мои "политические" убеждения, потому что убеждения мои совсем по существу не политические и весь я всегда вне политики, — безразлично — "состою" ли я в правых или в левых. Оглядываясь на последнее 10-12-летие моей жизни, прислушиваясь к тому, что звучит во мне, я должен признать, что огромное место во мне занимают религиозные переживания (не убеждения, а переживания), с ними сплетаются очень сложные и по существу своему чистые художественные переживания, а рядом бушуют темные, низкие и злые страсти... Одним словом, мне дано природой не мало, но средств для выражения всего этого мне не дано, отчего и проистекают все мои: 1) неудачи, а 2) в зависимости от неудач (озлобление) — "падения". И вот искренно

и беспристрастно судя самого себя, я должен сказать, что наряду с отталкивающими чертами во мне есть нечто и положительное. И обидно, что вечно, всегда и все замечают только одни недостатки мои и никто никогда не отнесся ко мне по-человечески, никто не хочет видеть, что все-таки я — не круглый дурак, не тупица, не беспомощная тряпка, что я могу не только размышлять, но и работать, что мне присуще стремление к добру и справедливости и что я пронес это стремление не потускневшим сквозь глубочайшую жизненную грязь, сквозь строй воистину крупных несчастий (одно мое "мыканье" по больницам чего стоит!). Простите за эту непрошенную исповедь, - б.м. и не увидимся больше. Но если Вы когда-либо пожелаете повидаться со мной, я буду искренне счастлив и глубоко благодарен Вам за это. В начале июня думаю все-таки поехать к отцу, — хотя я надежды на то, что он даст мне денег на издание книги — не имею. Да если и даст, — посоветоваться мне теперь не с кем, сам я ничего "практического" не умею и могу деньги прожить. Б.м., Вы позволите мне осенью сообщить Вам мой адрес? Знаю, что я - навязчив и что моя просьба неделикатна, но один я, один, совсем один!

Преданный Вам

Александр Тиняков.

Вознес. просп., 18, кв.39.

P.S. Рецензия на «Пряник» вчера не напечатана.

ИРЛИ, ф.256, оп.1, № 264.

* * *

Все равно мне: человек и камень,
Голый пень и свежий клейкий лист.
Вечно ровен в сердце вещий пламень
И мой Дух непобедимо чист.

Всем терзаньям, всем усладам тело
Я без сожаленья отдаю,
Всем соблазнам я вручаю смело
Душу преходящую мою.

Мне уже не страшно беззаконье,
Каждый звук равно во мне звучит:
Хрюкнет ли свинья в хлеву спросонья,
Лебедь ли пред смертью закричит.

Уж ни жить, ни умирать не буду,
Стерлись грани, дали, времена,
Только Я — Один во всем и всюду,
А во Мне — лишь свет и тишина.

А. Тиняков
Сентябрь, 1916.
Петербург.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

О КЛЕВЕТЕ НА ЕВРЕЕВ

Черносотенно-буржуазная контрреволюция прибегает ко всевозможным средствам, чтобы остановить и подавить движение трудящегося народа к свободе и счастью. (...) Старается ослабить народ, отвлечь его внимание от революционной борьбы и натравить темные толпы то на коммунистов, то на латышей, то на евреев.

Самым распространенным и, надо сказать, самым глупым и гнусным видом травли является травля против евреев.

Глупые, ошалевшие от злобы и безграмотные буржуазные агитаторы то и дело шипят из-за углов: "Жиды делают то-то и то-то, жиды спекулируют. Жиды совершают измены. Жиды разоряют Россию".

(...) Всем таким подзаборным шептунам каждый трудящийся должен дать лишь один совет. А именно: евреи — такой же народ, как и все другие народы; среди евреев есть люди дурные и есть люди прекрасные, есть — даровитые, есть и бездарные; а самое главное это то, что еврейский народ, как и всякий другой народ, резко разделяется на классы. (...)

Позор и беда тем темным людям, которые поверят буржуазной клевете и начнут думать, что всякий еврей — враг. Пора уже забывать о разделении людей на евреев и русских и т.д., пора вспомнить, что каждый человек есть прежде всего человек!

Герасим Чудаков (А.Тиняков)

ОРЛОВСКИЕ ИЗВЕСТИЯ. 10 мая 1919.

Письмо Ясера Арафата Ицхаку Рабину

9 сентября 1993 года

Господин премьер-министр!

Подписание Декларации о принципах знаменует начало новой эры в истории Ближнего Востока. Исходя из своей твердой убежденности в этом, я хочу подтвердить следующие обязательства ООП:

ООП признает право государства Израиль на мирное и безопасное существование.

ООП принимает резолюции Совета Безопасности ООН 242 и 338.

ООП обязуется участвовать в мирном процессе по ближневосточному урегулированию и стремиться к мирному решению конфликта. ООП заявляет о том, что все вопросы, связанные с окончательным вариантом решения палестинской проблемы, будут утверждаться в ходе переговоров.

ООП считает принятие Декларации о принципах историческим событием, открывающим новую эпоху мирного сосуществования. Прекратится насилие и будут прекращены любые действия, подрывающие стабильность и представляющие угрозу миру. Вследствие этого ООП отказывается от использования террора и других насильственных действий. ООП принимает на себя ответственность за действия всех группировок, входящих в ее состав, чтобы гарантировать выполнение ими всех обязательств, предотвратить беспорядки и наказать их организаторов.

С наступлением новой эры в свете подписания Декларации о принципах и основываясь на принятии резолюций Совета Безопасности ООН 242 и 338, ООП подтверждает, что параграфы палестинской Хартии, отрицающие право Израиля на существование, как и параграфы, не соответствующие духу обязательств, приведенных в этом письме, не имеющими силы. ООП обязуется внести необходимые изменения в текст Хартии и предложить их для официального утверждения Национальному палестинскому совету.

С уважением,
Ясер Арафат
председатель ООП

Письмо Ицхака Рабина Ясеру Арафату

10 сентября 1993 года

Господин председатель!

В ответ на Ваше письмо от 9 сентября 1993 года хочу сообщить Вам о том, что в свете обязательств ООП, перечисленных в Вашем письме, правительство Израиля приняло решение признать ООП представителем палестинского народа и начать с Вашей организацией переговоры в рамках мирного процесса по ближневосточному урегулированию.

С уважением,
Ицхак Рабин
премьер-министр Израиля

«Иерусалимские вести», 20 ноября 1993

СОВМЕСТНОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЯ II И ВЕРХОВНОГО ПАТРИАРХА-КАТОЛИКОСА ВСЕХ АРМЯН ВАСКЕНА I

Братски обняв друг друга в Москве, мы, Предстоятели двух древних Христианских Церквей — Русской Православной и Армянской Апостольской — желаем обратить свой голос к пастве нашей, ко всем ближним и дальним.

История Армении и России знает разные периоды, в которые наши народы жили то в разных государствах, то в составе одной страны. Но мы свидетельствуем, что во все века две Церкви и два народа были скреплены множеством братских связей, объединены вокруг имени Христова.

Наша историческая общность, польза которой подтверждена опытом жизни, - превыше любых разделений, принесенных новой реальностью. Как бы ни складывались границы, формы государственного правления и другие внешние обстоятельства - духовные, культурные и иные связи между чадами двух церквей, их взаимная поддержка будут сохраняться и умножаться.

Мы твердо привержены укреплению духовного единства всех христиан и добрых отношений между людьми, верующими в Единого Бога. В этой связи мы особо стремимся к установлению и поддержанию духа взаимного уважения и открытости в христианско-мусульманских взаимоотношениях.

Нас глубоко печалит продолжающаяся братоубийственная война вокруг Нагорного Карабаха. Мы призываем всех, кто вовлечен в конфликт, немедленно прекратить военные действия, дабы решить трудные вопросы мирно, по справедливости, через диалог и стремление к согласию. Мы также просим мировое сообщество помогать мирному урегулированию в Карабахе и стараться всячески облегчить страдания жертв конфликта.

Всем чадам наших церквей, всем людям Земли шлем пожелания мира, благоденствия, успехов в каждом добром деле. "Сам же Господь мира да даст вам мир всегда во всем. Господь со всеми вами!" (2 Фес. 3,16).

ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ
И ВСЕЯ РУСИ
АЛЕКСИЙ II

ВЕРХОВНЫЙ
ПАТРИАРХ-КАТОЛИКОС
ВСЕХ АРМЯН
ВАСКЕН I

МОСКВА 21 ЯНВАРЯ 1993 Г.

СОВМЕСТНОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЯ II, ВЕРХОВНОГО ПАТРИАРХА-КАТОЛИКОСА ВСЕХ АРМЯН ВАСКЕНА I И ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ВЫСШЕГО РЕЛИГИОЗНОГО СОВЕТА НАРОДОВ КАВКАЗА, ДУХОВНОГО ГЛАВЫ МУСУЛЬМАН АЗЕРБАЙДЖАНА ШЕЙХ-УЛЬ-ИСЛАМА Д-РА АЛЛАХШУКЮРА ПАША-ЗАДЕ

Движимые чувством глубокой тревоги и озабоченности в связи с предельным обострением и ожесточением военного противостояния между армянами и азербайджанцами, мы — Верховный Патриарх-Католикос всех армян и председатель Высшего религиозного Совета народов Кавказа, духовный глава мусульман Азербайджана, пользуясь высоким посредничеством предстоятеля Русской Православной Церкви, обсудили неотложные меры, которые мы, ответственные религиозные деятели, можем и обязаны предпринять с целью спасения наших народов, восстановления мира и цивилизованных отношений между ними. Попытки урегулировать конфликт привели лишь к временным передышкам, но не к примирению. И мы, как духовные лидеры народов, затронутых пагубной распрей, чувствуем, что всевышний сегодня говорит нам: помогите людям одуматься!

Из стен древнего Свято-Данилова монастыря в Москве мы — духовные руководители Христианства и Ислама — взываем ко всем, могущим повлиять на происходящие события, к людям мирным и носящим оружие, верующим и нерелигиозным, утверждая, что умиротворение конфликта угодно Творцу. Мы решительно отвергаем попытки представить этот конфликт как межрелигиозный. Тот, кто проповедует межрелигиозную ненависть, совершает тягчайший грех перед Всевышним. Последователи Ислама и Христианства не должны враждовать друг с другом. Мы убеждены в этом, ибо так научены Создателем нашим, Единым Милостивым и Милосердным, Который наставляет христиан: "Будьте в мире со всеми людьми!" и призывает мусульман: "Люди, вступите в мир!"

Необходимо без промедления возвратиться на путь мира. И первым шагом на этом пути должно стать немедленное прекращение

всякого кровопролития. Каждая новая жертва отдаляет мирное решение существующих споров и вовлекает в конфликт новых и новых людей. Борьба вооруженных людей друг с другом ужасна, но насилие, чинимое при этом над мирными жителями, является особо тяжким грехом и бесчестием для каждого, кто в нем участвует. Должна быть решительно отвергнута бесчеловечная тактика "выжженной земли". Позором и преступлением является негуманное отношение к пленным, а тем более их убийство. Нет оправдания и захватам заложников, ведущим порок к откровенной торговле людьми.

Необходимо осуществить вывод вооруженных формирований с земель, захваченных силой оружия. Война не должна вестись против народа. Необходимо освободить всех пленных и заложников, удерживаемых сторонами. Надобно положить конец блокадам, лишающим мирных людей жизненно необходимых грузов. Необходимо твердо противостоять любой форме интернационализации конфликта, ведущей к непредсказуемым последствиям. Все эти действия могут стать основой для переговоров, в которых надобно найти мирное и справедливое решение спорных вопросов. Причем решение это должно на деле обеспечить интересы всех жителей зоны конфликта, вне зависимости от их национальности и вероисповедания. Сторонам противостояния следует взять на себя ответственность за то, чтобы люди, изгнанные войной из родных мест и желающие вернуться обратно, смогли бы свободно сделать это без опасений за свою жизнь и здоровье, за свое достояние и человеческое достоинство.

Особо обращаясь к работникам средств массовой информации, просим их не допускать усугубления вражды и утверждения в душах людей образа врага. Пусть журналисты, говоря о трагедии войны, не забывают своей моральной обязанности помогать поискам путей к ее прекращению и поддерживать тех, кто стремится к примирению.

Мы верим, что движение к миру вполне возможно, и всеми силами будем содействовать этому процессу. Ценя усилия, которые уже предпринимались для разрешения конфликта, мы желаем прибавить к ним свои молитвы и дела, свою готовность сотрудничать со всеми, кто искренне стремится положить конец этой тяжкой распре, ибо блаженны миротворцы.

С верой и надеждой на это возносим мы свои молитвы Всемогущему Господу и Создателю. Аминь.

**ПАТРИАРХ
МОСКОВСКИЙ
И ВСЕЯ РУСИ
АЛЕКСИЙ II**

**ВЕРХОВНЫЙ ПАТРИАРХ-
КАТОЛИКОС
ВСЕХ АРМЯН
ВАСКЕН I**

**ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВЫСШЕГО РЕЛИГИОЗНОГО
СОВЕТА НАРОДОВ КАВКАЗА ДУХОВНЫЙ
ГЛАВА МУСУЛЬМАН АЗЕРБАЙДЖАНА
ШЕЙХ-УЛЬ-ИСЛАМ АЛЛАХШУКЮР
ПАША-ЗАДЕ**

18 НОЯБРЯ 1993 ГОДА

ЛЯ МИНОР

Московская консерватория. Рахманиновский зал.

Концерт Вивальди ля минор для двух скрипок играют Эдуард Манамшьян и его 14-летний ученик Саша Зандман, сын моего одноклассника.

Оттого что родни-свойни множество на этом концерте сокольнической музшколы-восьмилетки, витает здесь дух пристрастия. Вдохновляющий. Причастный пленительности этих пассажей. Всем успехам. Самому бурному — детского камерного оркестра Манамшьяна.

Вдруг остро осознаю: что исчезло повседневное семейное музицирование с традицией домашних концертов.

Но музицировать вместе — из первооснов манамшьяновской педагогики: мастер с учеником, в оркестре — из старших и младших классов. Сильнейшее условие роста — сотворчество. Он усвоил это студентом, играя с преподавателем — выдающейся пианисткой Марией Вениаминовной Юдиной.

Мысль о детском камерном оркестре зародил в Манамшьяне сын, Антон, малышом. Дома музицировали с ним, женой, но вот увидел раз, услышал своего кроху из зрительских рядов, в оркестрике школы — и окатила волна счастья. Давно это было. Сын уж студент консерватории.

А отец... сменил вуз на школу. Двадцать лет отработал на двух кафедрах музыкально-педагогического института имени Гнесиных (ныне Российская Академия музыки), окончив аспирантуру, познав успех концертанта с десятками программ, дипломанта Всесоюзного конкурса. Учит теперь в школе. Дирижирует детским камерным — в обычной музшколе такой оркестр редкость чрезвычайная. Пятнадцать юнцов, малышня в том числе, классику исполняли в концерте великолепно — жаль, не выпустили на "бис"! И в дуэте Манамшьяна и Зандмана она сейчас — само торжествующее величие жизни.

Поразительный Вивальди — музыка и судьба. Чей метроном так сильно и счастливо начал: с десяти лет Антонио часто замещал отца в оркестре Собора святого Марка.

Музыка умеет возвращать канувшее в Лету.

Как плавилось на волнах солнце в давнем моем июле! Вдруг пошел ко дну подросток, вылитый Саша с его сверкающими каскадами барок-

ко. Тараном неожиданно бухнул того вглубь наш комсорг. И круги накрыл след катера. Учил плавать? Сам же и спас, едва не утонув.

Подумать, и у нас звучала скрипка — в средней школе едва-едва послевоенного Подмосковья, новенькой, построенной пленными немцами, с вечным амбрэ из-за отсутствия канализации. Почему он так внезапно исчез, старый учитель со скрипкой?.. Однажды, много-много лет спустя, Майка спросила: спеть вам песенку про старика-учителя... еврейскую... на идиш? И — всеобщее, гробовое, долгое молчание в ответ. Обычно мы ее упрашивали, а тут... Боже, каким жалким стало лицо этой гордячки! Прирожденной актрисы. Ученый-биофизик, со сценой она не порывала никогда, наград наполучала на фестивалях. Мы любили ее песни на русском, украинском, молдавском... А на еврейском захотела спеть впервые.

— Просим! — прошибла я стену молчания.

Фантастический Вивальди! Исполнители равновелики автору, пока дают жизнь этим звукам. После прочту в книге И.Белецкого "Вивальди" про этот двойной концерт ля минор: "Кажется, что в роскошном зале эпохи барокко распахнулись окна и двери, и вошла с приветствием вольная природа; в музыке звучит гордый, величественный пафос, еще не знакомый XVII веку: возглас гражданина мира".

Но все великие творцы музыки, она сама — разве не есть они граждане мира, дарящего и славу, и немилость, и бессмертие? Что испытал, навсегда покидая родину в поисках признания на чужбине, старый больной Вивальди? Что пережил бежавший от революции Рахманинов, чье имя носит этот зал? Здесь, в стенах бывшего Синодального училища, впервые на репетиции прозвучала его Всенощная. В самый канун 1917-го.

Окончен концерт. Взволнованный поток плывет из небесной голубизны стен, мимо рядов плюшевых терракотовых кресел, мимо малого, круглого, перед большим, зальца, белоснежного, высоко поднятого бюста Рахманинова, вниз по беломраморным лестницам с чугунным кружевом перил. Суета прощаний. Свет прекрасных лиц, глаз, постепенно теряющихся в толпе, что растекается вдоль улицы Герцена, исчезает в переулках — живой свет, овеянный великими тенями.

Лариса БЕЛАЯ

Игорь БАРСЕГЯН

НАЦИЯ И ТРАДИЦИЯ

Без преувеличения можно сказать, что национальная проблема в современном мире стала глобальной и, несомненно, будет унаследована XXI веком. Современный национализм восходит к идеям западноевропейского Просвещения, но прошедшие 200 лет и распространение идей национализма по всему миру усложнили и развили их. Так, например, в начале идея национализма развивалась преимущественно в странах с длительной и непрерывной традицией собственной государственности, что привело во многом к пониманию нации как субъекта своего собственного государства. Так сформировалось этатистское понимание нации, которое было унаследовано XX в.

Однако с начала XX в. идея национализма получает все большее распространение среди народов, давно утративших или никогда не имевших своей собственной государственности, и у этих народов интерпретация идей национализма претерпевает существенную трансформацию: расширение значения от собственно политико-правового к культурно-историческому, позволяющему переосмыслить и вобрать собственную культурно-историческую традицию. В частности, для конца XIX — начала XX века эта трансформация характерна для евреев и армян, для их национально-освободительных движений. В более поздний период подобная трансформация произошла и в понимании идеи геноцида, которая в правовых документах ООН получила закрепление в формулировке, близкой той, которая была предложена Р.Лемкиным в 40-х годах XX в., но в дальнейшем, в частности в армянском национально-освободительном движении, подверглась существенной трансформации в направлении расширения интерпретации: от политико-правового к культурно-историческому.

Столь же радикальной трансформации в настоящее время подвергается идея национализма у народов рассеянных или у дисперсных народов. Дело в том, что в исторической традиции дисперсных народов национальная идея оформлялась не в государственные "рамки", а в какие-либо другие. Так, например, если мы возьмем "русскую идею", то она оформлялась и выражалась в идее прежде всего "державы" — империи, т.е. это была прежде всего идея собственной могучей государственности; если же мы обратимся к евреям и армянам, то таким нациеобразующим фактором была отнюдь не государственность, а преимущественно религия. В особенности это очевидно в армянской истории, когда после принятия христианства и угрозы утраты собственной государственности встала проблема сохранения самобытности и самотождественности, которая во многом привела к формированию собственной христианской "картины мира". Все это сказано для того, чтобы обосновать важность проблемы, вынесенной в заглавие работы: нация, в особенности национальное сознание, формируется одновременно с формированием национальной традиции. Иначе говоря, для того чтобы понять "национальную идею", мы должны интерпретировать ее в контексте национальной традиции.

Отметим, что данной концепции противостоят многочисленные определения нации как общности, совпадающей с го-

сударством. Все прочие признаки нации рассматриваются при этом как второстепенные, а государство — как современное политическое сообщество, формообразующим принципом которого является националистический императив, скрепляющий это сообщество в нацию. Так формируется идея национального государства, формирующая и свою национальную культуру, а не наоборот — от культуры и культурно-исторических традиций к идее национального государства. Таковы две основные позиции в современных дискуссиях по национальной идее.

Общим для этих концепций является понимание того обстоятельства, что нация и национализм в своем современном состоянии являются продуктом индустриального общества с унификацией и стандартизацией, обеспечивающими гомогенность общества в рамках национального государства, и эта гомогенность поддерживается, т.е. поддерживается самотождественность посредством кодификации культуры, что и есть собственно национальная культура. Определенность культуры и приводит к ее "национализации", к тому, что она "обслуживает" определенную общность в пределах государства, которая поэтому и становится национальной общностью. Следовательно, можно сделать вывод, общий для двух концепций: культура и культурно-исторические традиции активно используются национализмом как определенной идеологией на этапе формирования нации, но в дальнейшем они приобретают самодостаточность, трансформируясь из формообразующего в формативный принцип.

Конструктивным принципом нации является традиция, так как с ее помощью "абстрактная" общность (нация) конкретизируется и символизируется в гимне, флаге и даже в государстве. Нация "прочитывается" с помощью традиций, написанных на историческом прошлом идеологами национализма. Так создается, изобретается национальное мировоззрение, в основе которого — сакрализация, мифологизация и символизация определенных сторон исторического прошлого. Из этого отнюдь не следует делать вывод, что национальность и этничность рационально выбираются, так как этот выбор ограничен собственным прошлым, результиующимся в национальном характере, как бы предопределяющим рамки и ситуации выбора. Так что даже если мы согласимся с точкой зрения, что нации изобретаются и "воображаются" национальными идеологами, то лишь с той существенной оговоркой, что это "воображение" обусловлено и ограничено историческим прошлым, что национальная идея исторична и в этом смысле тоже традиционна.

В настоящем рассуждении есть одно существенное противоречие: если нация традиционно и в этом смысле связана с преемственностью и неизменностью, то как же она "изобретается" национальными идеологами? На наш взгляд, это противоречие кажущееся, так как именно формирующееся в историческом процессе политическое сообщество, оформляющееся в государство, становится главным инициатором "обретения" в своем историческом прошлом национальных традиций и в этом и только в этом смысле является их "изобретателем". Наиболее активные участники процесса формирования политического сообщества и становятся во главе политической элиты ("государственные мужи"), которые тем самым становятся изобретателями традиций, инноваторами прошлого, создателями родословной и генеалогии нации. Иначе говоря, подтверждается тезис о том, что проблема нации — это прежде всего проблема национального сознания. И это сознание "воплощается" в нацию-государство. В этом смысле национализм как идеология и националь-

ная идея — это средство адаптации и самоотождествления традиционного сообщества к иным нетрадиционным условиям. Как таковая нация — псевдообщность, потому что в своей основе она не конкретна, не экзистенциальна, не привязана к повседневному опыту, и потому что нация мифична, утопична и идеологична, она требует воплощения "здесь и сейчас", прежде всего в качестве национального государства, которое располагает широким набором средств материализации. Для материализации национального духа и нужны традиции, которые, формируя дух, обретают статус конститутивного и формативного принципа национальной жизни. Так выстраивается национальная "система" от первичной ячейки социализации — семьи до национального государства. Мы оставляем открытым лишь один вопрос: не является ли в таком случае нация манипулируемой общностью, так как принципиальная возможность конструировать нацию позволяет предположить, что нацию возможно лепить как глину.

Не отвечая прямо на поставленный вопрос, предпочтительней сделать несколько предварительных замечаний, позволяющих обосновать и сделать более понятным избранный понятийный и методологический инструментарий, в тексте которого стала возможной формулировка подобного вопроса. Во-первых, данная работа, помимо общей темы, написана в Армении, и поэтому прежде всего "нацелена" на проблемы, связанные с изучением ее "национальной идеи" в сравнительной перспективе. Обращение к сравнительно-историческому методу, при всех его издержках, позволяет отнести армян к числу "дисперсных" народов. Кроме того, поскольку "дисперсные" (рассеянные) народы различаются сохранением или, напротив, утратой памяти о своей исторической родине, их, в свою очередь, можно разделить на диаспоральные, имеющие и сохранившие в своей исторической памяти свой центр, и "галутные", утратившие память о нем.

Конечно, не следует жестко и статично противопоставлять "диаспоральность" и "галутность" дисперсных народов. Напротив, в исторической ретроспективе мы наблюдаем взаимопереход из одного состояния в другое. Так, например, и армяне и евреи в свое время наряду со своей государственностью имели богатые и многочисленные общины (колонии-галуты) за пределами своих государств, т.е. были народами диаспоральными. С течением времени они утратили свою государственность и стали народами сугубо галутными, т.е., если следовать интерпретации нации как государства, перестали быть нацией. Позднее они восстановили свою государственность и вновь стали нациями, не перестав, однако, быть народами диаспоральными, что, на наш взгляд, и придает этим этническим образованиям качественную специфику.

К сожалению, понятие "дисперсные народы" скрадывает подобные исторические метаморфозы и поэтому представляется весьма грубым познавательным средством, не дающим возможности осветить и интерпретировать подобные социокультурные различия и исторические судьбы, которые, кстати, и отвечают на поставленный выше вопрос. От истории, как и от судьбы, как и от собственной диаспоры, так просто не отмахнешься, и, следовательно, нация — это, конечно же, социальный конструкт, но не любой "игры воображения" и манипуляций искусных идеологов, так как всякая историческая метаморфоза накладывает неизгладимую печать на облик этноса, который не "выведешь" никакими цивилизационными ухищрениями, стараясь унифицировать каждый этнос в рамках принятой национальной модели выживания.

И это не случайно. Дело в том, что понятие "дисперсность" относится к чис-

лу "внешних", т.е. описывающих тот или иной этнос и его культуру снаружи в качестве обьекта прежде всего западного рационально-логоцентристского знания, с позиций субьект-обьектного противостояния, в то время как понятия "диаспора" и "галут" являются конструктами самого "рассеянного" народа, кристаллизацией его собственного исторического опыта и поэтому не просто описывают этнос-обьект, а переводят его на уровень диалогического дискурса.

Не менее важно также то обстоятельство, что включение данных понятий в исследовательский "горизонт" позволяет обосновать крайне важный тезис о том, что дисперсные народы, в особенности диаспоральные, безотносительно к налично собственной государственности в данный момент, "здесь и сейчас", являются нацией и осознают себя в качестве таковой; т.е. для нации (не в этатистском, евроамериканском понимании) и ее самотождественности гораздо важнее сохранение и непрерывность собственной историко-культурной традиции, над которой может надстраиваться и изобретаться политико-правовая традиция. Именно диаспоральные народы выработали формы самосохранения и развития своей самобытности даже в условиях отсутствия своей государственности, позволяющие относить их к числу наций, безотносительно к ее государственному оформлению "здесь и сейчас". Прежде всего это относится к определенным этнокультурным факторам, компенсирующим отсутствие своей государственности и "замещающим" ее.

Эти "замещающие" формы, именно вследствие того, что они выступают также в другой роли, роли, замещающей другую форму (своего рода "псевдоморфоз"), приобретают знаковую функцию, становятся "заменителями" государственности и в качестве таковых приобретают двойное значение и ценность. Ими могут быть, и чаще всего были, религия и язык, все то, в чем откладывалась непосредственно этнокультурная специфика, которые, кроме своих основных функций трансцендирования и коммуникации, приобретали также функцию специфически символическо-утопическую, воплощая и материальную идею отсутствующей государственности. Это и приводит к тому, что диаспоры подобных народов обладают значительной устойчивостью и стабильностью (традиционностью) и способностью к регенерации в, казалось бы, самых неблагоприятных условиях.

Но это и означает, что традиции этих народов аккумулируют в себе опыт, имеющий не только локальное, но и глобальное значение, так как заключают в себе опыт самотождественности и идентификации в экстремальных условиях. Традиционность оказывается базисом идеи государственности. Но это и означает также, что эти народы даже в условиях регенерации и восстановления государственности не могут отказаться от выработанного веками диаспорального опыта и образа жизни и сохраняют свою диаспоральную структуру вне и помимо своих государственных структур, видоизменяя тем самым евроамериканскую модель национального государства.

Именно исторический опыт диктует подобный ход событий, который напрямую связан с актуальной ныне в Армении проблемой гражданства. В данном контексте это означает, что безотносительно к месту проживания представитель данного этноса может включаться в национальную жизнь. Безусловно, что это во многом противоречит современной практике, но предлагаемый принцип позволяет сохранить за индивидом право на выбор самотождественности.

Синтия ОЗИК

ПРАВО НА СУЩЕСТВОВАНИЕ — ПОНЯТИЕ НЕПРАВОМОЧНОЕ

В международном обиходе есть несколько выражений, которыми человечество не может пользоваться, не заклеймив их грязное и вредное содержание.К этой категории относится «Хайль Гитлер!».Как бы его ни произносили, равнодушно или пылко, с целью воспламенить или что-то отметить, какую бы цель оно ни преследовало, оно оставляет уродливый след в языке. Оно и подобное ему — как шрамы после дуэли, можно видеть в них знак почета за выполнение высокого общественного долга, или, наоборот, акт насилия; но, в любом случае, уродливые шрамы остаются на лице всегда, и кожа не поддается восстановлению.

То же самое происходит с языком. И язык можно изуродовать до неузнаваемости такими выражениями, как «арийцы и неарийцы», ставшими затертой монетой истории; невозможно вернуть языку прежнюю чистоту, которой он обладал до появления в нем мерзкого выражения.

«Право на существование» совсем свежее выражение. Оно относится к суверенитету нации. У него очень узкий смысл. Когда говорят о «рабстве», имеют в виду определенные государства в разные эпохи, в которых процветала работорговля: в XVIII и XIX веках в Англии и Америке, в XX веке в Саудовской Аравии и в Йемене. Выражение «право на существование» удел только одного государства-нации, чего

не случалось в истории народов как древних, так и современных. Эта фраза — порождение нового времени и только. Она уникальна. Ее невозможно отнести ни к Швеции, ни к Сирии, ни к Зимбабве, ни к Бельгии, ни к Северной Ирландии или даже к Кувейту. Право на существование имеет только одно толкование, оно ставит под сомнение право на существование только Израиля.

Это несомненно политическая трактовка, которую вуалируют религиозными и нравственными категориями. Но истоки идеи «право на существование» бесстыдно политические, и поэтому оно превращается в призыв нанести удар вплоть до уничтожения.

Если в него пытаются внести религиозный смысл — религия безнравственна. Если к нему подходят с позиций нравственных — позор нравственности. Неужели на защиту прав на существование Израиля нужно призывать нравственные категории? Подходят ли они для этого?

Не думаю. Некоторое время тому назад я брала уроки у греческого философа, и, как ни странно, современного. В мою бытность в Лонг-Айленде довелось мне сидеть рядом за овальным факультетским столом и беседовать с профессором Дельфийского университета, и я слышала, как он протестовал, вернее, громко возмущался выражением «право на существование». Ведь с этим выражением связывают поддержку Израиля или отказ в ней. Вопрос заключается в том, можно ли считать это выражение и стоящую за ним идею законными (правомочными) на любом языке в моральном и во всех других смыслах.

«Право» — категория нравственная, «существование» — нет. О праве можно спорить, сомневаться в нем, не соглашаться. «Существование» не может за-

висеть от согласия другой стороны. Существование народа (Израиль — это еврейский народ) не может стать предметом беседы о морали и этике. Жизнь народа стоит над моральными понятиями, над чувствами справедливости и добра. Никто не имеет права судить о праве на существование народа. Если право становится предметом обсуждения, дискуссии, неизбежен вывод, что это право, которое дают, можно и отобрать; если оно зависит от каких-то внешних сил, то эти внешние силы могут его отобрать. И тогда это приводит нас прямо в Дахау.

За выражением «право на существование» не стоит ни религиозное, ни нравственное содержание. Это всего лишь точка зрения. Мы можем верить или не верить в возможность определить источник нашего существования, но каков бы он ни был, мы знаем, что существование — жизнь народа — исходит не от нас, не мы его хозяева, и нет у нас права дарить его. Все, кто говорит о «праве на существование» Израиля, и те, кто за, и те, кто против, потеряли свое место в клубе здравомыслящих.

«Наш народ».Ежегодник. Тель-Авив. 1992.

Юрий Аркадьевич Карабчиевский (1938-1992)

ИЗ АРХИВА

Думается, здесь нет нужды подробно рассказывать, кто такой Юрий Карабчиевский. Поэт, прозаик, эссеист, почти всю свою творческую жизнь вынужденный печататься только за рубежом, всего на четыре года был допущен к своему читателю, к нормальной писательской жизни на родине, и тем не менее без этой фигуры уже невозможно представить нашу литературную жизнь рубежа 80 - 90 годов — яркого, почти карнавального шествия вчера еще запретной русской литературы (и современной, и "задержанной"), перекроившего для читателя привычную ему "литературную географию". И, в свою очередь, я бы сказал, что трагическая смерть Карабчиевского останется в истории нашей культуры одним из тех событий, которыми отмечено окончание романтического, полного надежд и воодушевления, периода "эпохи перестройки"*.

Сегодня мы предлагаем читателю материалы из архива писателя — рабочие записи о современной литературе. Для Карабчиевского не было второстепенных жанров. И в стихах, и в прозе, и в литературно-критической эссеистике постоянно шла главная для него работа — уяснение картины окружающего мира и своего места в нем. Публикуемые заметки посвящены творчеству Жванецкого, Пригова, Вик. Ерофеева, Кибирова, но для Карабчиевского в данном случае их творчество было еще и материалом для размышлений о больших проблемах этики и эстетики современной литературы.

Подавляющее большинство писателей знают, как долог и труден путь от чернового наброска к готовой вещи. Карабчиевский же относится к тому редкому числу писателей, у которых даже самые первые, черновые записи удивляют точностью и емкостью высказывания, выверенностью мысли, интонации, слова. Мы можем предположить, какие стилистические шероховатости поправил бы сам Юра при дальнейшей работе, но и в этом, "сыром", виде заметки его представляют, на мой взгляд, несомненную литературную ценность.

(О Михаиле Жванецком)

Существует множество народных пословиц, в том числе и достаточное количество лживых. Например: золото и в грязи блестит. Не блестит оно в грязи, чего вдруг. Недавно в одной химической лаборатории выбросили деталь из платины стоимостью во столько-то тысяч иностранной валюты. Она так почернела от окружающей грязи, что ее приняли за железную. Теперь хватились и не знают, как отчитаться...

«. . . . . . .»

---

* Более подробную биографическую и библиографическую справку содержит публикация архивных материалов из архивов Юрия Карабчиевского, осуществленная журналом "Новый мир" в № 10 за 1993 год. Предлагаемые здесь тексты Карабчиевского в новомирскую публикацию не вошли.

Он родился в точности там, где надо, в необходимой стране и подобающем городе. И дело выбрал по таланту и по сердцу. Но волей толпы, начальства, случая и нашей всеобщей косности был помещен в совершенно чуждый ряд, в грязь, болото и тину. Сатирик-юморист! И попробуй там поблести. Казалось бы, ну что, какая разница, талант есть талант, золото и в грязи... Но представьте, что мы поместим Гоголя в один ряд с Леонидом Ленчем и Викторией Токаревой, только сразу, изначально — и вы увидите, что из него получится. Он будет в миллион раз лучше Ленча и в сто тысяч лучше Токаревой, но начало отсчета останется прежним: Токарева, Ленч — и будут тянуть его не отпуская и отсвечивать в каждой фразе.

.«. . . . . . .»

Малая форма, эстрадный театр, вставки развлекательные по телевидению, и смешно — вот и все необходимые признаки...

Ну и верно, скажете вы, а как же иначе? Смешно? Юморист. Обличает? — сатирик. Да, все, быть может, и было бы верно, если бы мы вводили определение жанра сегодня, беря отсчет от Михаила Жванецкого. Но определение введено давно и не нами, и отсчет взят совершенно с другого уровня. Разве Гоголь сатирик? Разве Зощенко — юморист? Сегодня впервые после Гоголя и Зощенки Михаил Жванецкий возвращает юмору его главное (и просто решающее) качество, давно утраченное и забытое, чуть теплившееся разве что в лучших анекдотах. Он возвращает юмору т р а г е д и й н о с т ь. Потому что подлинный юмор всегда трагичен по своей природе, он исходит из трагедии жизни и всегда в нее возвращается. Юмор, лишенный трагизма, — не юмор, а хохмачество и зубоскальство, то есть то, чем и занимаются все юмористы мира...

Обличение, носящее имя сатиры, согласно традиции жанра, предполагает конечную локализацию зла и потенциальную возможность его устранения, то есть снова игнорируют всеобщий трагизм существования. Можно возразить, например, что бывает юмор горький, а бывает светлый, Но это неправда. Светлый юмор всегда и горек, а горький — и светел. Он есть преодоленная горечь жизни, схваченная, понятая, преодоленная — но не обойденная и не забытая. И катарсис юмора есть катарсис трагедии, высокий очистительный разряд, не изменяющий жизни, не освобождающий от ее тягот, но дающий силы ее продолжать и в каком-то смысле с ней примиряющий. Здесь сквозной проход от высокого к низкому, насущная необходимость и польза — в самом дурацком и обывательском смысле, но удивительным образом сохраняющая черты исходного трагедийного взлета.

(О Тимуре Кибирове)

...В поэзии неважно, кто первый, а важно, кто — подлинный. Кто-то первый употребил центон, кто-то первый — литературу как материал, но если оперировать только этими категориями, то всякий первый окажется не первым, а выяснится, что до него был Саша Черный, и Маяковский, и даже, может быть, Пушкин...

Время изобретений, изобретательства.

Трогательность в непременном упоминании в классических и бытовых рядах своих товарищей — иронически, дружески... В этом есть пушкинская теплота: "все те же мы..."

Зубоскалы ни в чем не виноваты. Ну, не больно им - вот и все. Им досадно, противно, смешно — они в своем праве. Но их стихи обречены на мимолетность: посмешат, пощекочут и испарятся.

(Кибирову)... не просто смешно — ему страшно. И ничто не безразлично.

Единение с такими, как Тимур.

Я всегда поражался — не скажу, нахальству, хотя, может быть, и подумаю, скажу — смелости тех, кто причисляет себя к авангарду. Откуда может знать человек, насколько он впереди и впереди чего?

Любопытная какая вещь. Когда пародируется Евтушенко, Вознесенский и даже Блок — пародируется действительность, условность, клише — но и в разной степени сами эти поэты. Когда пародируется Пушкин или Мандельштам — то только клише, условность и действительность.

Мне кажется, Пригов никого в этой жизни не любит. Это не мешает ему быть одним из самых сильных современных поэтов, но это мешает мне любить его. Он, впрочем, обойдется.

Я хотел сначала написать о двоих и даже название придумал "Пригов-и-Кибиров". Хорошее название, звучное, прочное. Пригов-и-Кибиров. Крепко-не-расцепишь. Но потом понял, что буду постоянно сравнивать и каждый раз — не в пользу Пригова, а этого я бы никак не хотел и это было бы объективно несправедливо,

потому что Пригов — поэт замечательный, один из лучших на сегодня поэтов.

Пригов сказал новое слово. Пригов внес новую интонацию. Пригов, первый после обэриутов, решительно изменил семантику слова. Пригов повлиял на множество новых поэтов и еще будет оказывать влияние. Я думаю, я сказал достаточно (все это — чистая правда, без всякой иронии), чтобы не быть обвиненным в пренебрежении.

(По поводу статьи Виктора Ерофеева "Поминки по советской литературе)

Я думаю, Виктор Ерофеев сейчас очень весело потешается, наблюдая, как умные взрослые люди оспаривают с детской серьезностью чуть ли не каждую фразу его статьи. Опытный и умелый критик, он-то знает, что статья его — несерьезная, нарочито, заведомо несерьезная, что швырнул он ее, как камень в болото или, скажем, в лужу — чтобы круги, и брызги, и женский визг, и мужицкий мат... Он-то уж конечно понимал изначально, что все, что в этой статье верно, то очевидно, а что не вполне очевидно — не очень и верно. Верно то, что соцреализм использовал писателей, верно то, что писатели использовали соцреализм, но верно и то, что никакого соцреализма не было, что это всего лишь обобщенная похвала, разжалованная — сперва читателями, а теперь вот и критиками — в некое обобщенное ругательство. Так же, к примеру, как слово "советский"...

И однако, я тоже не удержался, дернулся возразить, поспорить и даже выбрал для этой цели три основных, как показалось мне, пункта, обозначенных в статье Ерофеева тремя ключевыми словами: Life after Life, misadventures и еще — rent-a-car. Особенно rent-a-car! Потому что Life after Life (жизнь после жизни) — это, скажем, термин: misadventures — ну, допустим, непереводимый, но нужный автору оборот (хотя что ж тут такого непереводимого? "Неприятности, несчастья" — чего-чего, а таких-то слов в русском языке предостаточно!..); но rent-a-car (автомобиль-напрокат) — это уже просто ценз, это знак и пароль. А фраза такая: "Он (литератор в России. - ***Ю.К.***) нанимал стиль, как rent-a-car, лишь бы добраться до цели своего социального назначения". Лихо сказано! Тут можно много кататься на этом care, но я бы для краткости задал всего лишь два вопроса. Первый: ч е й стиль нанимал литератор, едучи к социальной цели? Вопрос не к Виктору Ерофееву, он-то знает, конечно, что не бывает безличного стиля, что стиль, как талант, а талант — как деньги, говоря словами

Шолом-Алейхема: или он есть — или его нет... Вопрос — к тому читателю-критику, кто примет всерьез изящную эту штуку, эту красивую заграничную штуку. И второй вопрос, связанный с первым: кто именно из хороших русских писателей (о плохих говорить не имеет смысла) пользовался чьим-то, ему самому не свойственным стилем, чтобы достичь этой самой вне литературы расположенной цели?..

Но, подумав, я эти вопросы снимаю, поскольку ответы на них очевидны, и приветствую автора: молодец, Ерофеев, правильный выбрал повод и верный момент — только-только мы заскучали над нашей не слишком литературной "Литературной газетой" и если теперь не развеселимся, то хотя бы согреемся...

Нет, я не стану опровергать скептицизм Ерофеева, но не потому что во всем с ним согласен, просто скептицизм как ключ, как позиция слишком в наши дни соответствует состоянию дел и настрою душ. Он сегодня заведомо убедителен, и не так уж важно, какой изберем мы предмет... Замечу только, что разговор об эпохе невыносимых страданий вряд ли может быть разговором походя, видимо, все-таки он должен быть и автором — выстрадан, а иначе несоответствие тона предмету становится решающим аргументом против. Тут даже вопрос не морали, но чистой техники... Что делать, всякий труд имеет свою специфику, и некоторые виды литературных работ требуют не только усилий ума, но и траты обязательной души.

Но если скептицизм по отношению к прошлому нашей литературы объясним и понятен (насколько оправдан — другой вопрос), то никак не понятен оптимизм по отношению к будущему: на каком н а с т о я щ е м он может быть сегодня основан?

Новая проза, другая проза... Не тавтологичны ли эти названия? Разве всякая сильная проза, настоящая проза — не есть всегда — новая и непременно другая? А если старая и такая же, то может ли быть настоящей и сильной? И однако, поскольку есть название, значит, есть и явление, хотя, быть может, и не в полной мере этому названию соответствующее. Тут ведь как в национальном вопросе — важно, не из какой семьи человек, а как он себя называет. Поэтому согласимся и примем: другая и новая. Каковы же ее основные черты, основные отличия от "прежней и той"? Отсутствие всякой идейной направленности, отказ от выражения морали, от политического контекста, от социального фона...

Мне кажется, новая литература — это и есть в основном литература отсутствия. Отсутствуют в ней атрибуты и качества, которые считались самыми важными для старой, прежней, т о й литературы, и отсутствие это вполне очевидно и даже порой

провозглашено, а вот наличие чего-то взамен — не очень ясно и даже сомнительно.

Что главное в этой цепи отсутствия? Прежде всего отсутствие героя.

В "Розе мира" у Даниила Андреева среди разных, с Землей сопряженных пространств, есть и такое особое пространство, такая страна, где живут герои литературных произведений (он называет их "даймоны"). Так вот я думаю, что новая наша проза не увеличила населения этой страны ни на одну единицу, разве что туда для количества принимают статистов. Любопытно, что сверхсовременное направление, декларирующее крайний субъективизм, на деле действует в обобщенном пространстве, без конкретного, вот этого, легко узнаваемого, ото всех отличного, единственного в своем роде человека. За отказ от живого образа, от героя, от портрета в любой его форме — новая литература должна расплачиваться своим фактическим отсутствием в мире. Мир еще она отражает, но сама в него уже не возвращается и ничего не меняет в его составе. Да, действительно, есть в прежней, той, особенно русской литературе, такая кому-то, может быть (неразборчиво. Приевшаяся?), мне лично безумно дорогая черта: внедрение в повседневную жизнь. Нет, не моралью, не поучением, не примером — героями. Россия будто всегда была той, населенной вымышленными людьми андреевской страны даймонов. Мы привыкли жить среди персонажей, это скрашивало вечное наше одиночество и давало возможность хоть как-то ориентироваться в не слишком (понятном?) мире. Теперь с этим как будто покончено. Прощайте, герои! Нет героя, но, может быть, есть автор как подлинный герой своего произведения? Но в том-то и дело, что и автора тоже нет. Демократично восстав против всякой дидактики, против любой несвободы в искусстве, в том числе и против несвободы читателя по отношению к диктату писателя, новые авторы стали отказываться от многих прежних оков и пут: от композиции, от конца и начала, от авторского отношения к людям и даже к событиям. Традиционную для т о й литературы функцию творца, демиурга, автор новой литературы с легким сердцем передает читателю. Вот вам контур, пунктир, общий смысл, а дальше — думайте сами, р а с к р а с ь т е сами.....

И тут наступает очередь еще одного, очень важного отсутствия: я имею в виду отсутствие любви к героям (которые, как мы уже говорили, отсутствуют), или, скажем, к действующим лицам, да и вообще, говоря по совести, к людям. Я имею в виду не умиление, не охи и ахи, не сердобольные причитания, не слюни и

сопли. Любовь может быть и суровой, и даже жестокой, и ненавидящей. Но она не может быть холодной и равнодушной.

Ну, и конечно, добавит читатель, отсутствие социальности?

А вот этого бы я как раз не сказал. В стране, насквозь пронизанной полем социальных бед и несчастия, ни на собственном care, ни на rent-a-car, ни тем более на метро и автобусе от социальности никуда не уедешь. И быть может, читательское мое восприятие не вполне совпадает с авторским намерением, но уж свобода так свобода, ничего не поделаешь... И в сценах каких-нибудь пьяных гонок или, скажем, групповой (не любви, конечно, другое слово...) на роскошных дачах видится мне не меньший социальный заказ, чем в некоторых чисто диссидентских текстах. И я бы еще добавил, что и гиперморализм, действительно, русской литературе свойственный.

Холодно, холодно в этих произведениях, пусто и холодно. И конечно, страшно, но не оттого, что страшна жизнь, в них отраженная, а оттого, что в этой страшной жизни (которая, кстати, всегда страшна) больше не на что опереться и нечем утешиться, больше *не с кем поговорить*.

Автор или демонстрирует свое изделие или разговаривает с читателем. Изделие в общем случае — вещь полезная и даже, может быть, необходимая, но разговор — органичная потребность души, без него человек существовать не может. Не может — однако же существует. Сегодня в новой литературе господствует изделие. Рынок изделий. Это, можно сказать, одно из наличий, призванных компенсировать все отсутствия. Что еще кроме этого? Видимо, смелость. Можно ведь и отсутствие страха расценить в положительном смысле, как наличие смелости. (Хотя ясно, что не всегда эта формула работает, что, к примеру, отсутствие страха Божьего смелостью все же не назовешь...). Раскованность, снятие любых табу, мат, эротика, физиология... Что касается мата, то вольному воля, бывает к месту, бывает не к месту, но не думаю, что употребление слов, которые у каждого на уме и почти у каждого на языке и которые в прошлом другие авторы не считали нужным или возможным использовать, — можно всерьез считать смелостью или, скажем, каким-то творческим актом.

Ну, а эротика -- это уж просто смех. Кустарность всех эротических сцен в современной нашей литературе просто поразительна. Кустарность, вымученность, какая-то подростковая самодеятельность... Вспомнишь, что писал-то взрослый дядя (или даже тетя...) — и становится смешно и неловко. Да еще ведь — российская наша претензия на какой-то особый глубокий смысл, на какую-то чуть ли не метафизику... Будто так: чем ближе к телу,

тем ближе к душе — принцип, прямо скажем, слишком механистичный, чтобы быть истинным. Нет, здесь все-таки тоже — скорее отсутствие, и даже наличие голых тел мужчин и женщин выступает как отсутствие на них одежды...

Литература должна быть литературой и ничем больше. Что это значит? Если то, что она должна всегда оставаться искусством, — то кто же против? Но если речь идет о направленности, о допустимом круге предметов, то тут уж наоборот — кто согласится?

Сегодня нам предлагают литературу, наличествующую в мире лишь как изделие и отсутствующую как разговор с читателем... Я знаю, без меня найдутся желающие, но так или иначе, я лично отказываюсь. Я уж лучше подожду другой-другой и новой-новой литературы. Даст Бог, мы и до нее доживем — если, конечно, вообще выживем...

На что же нам сегодня надеяться? И чего нам ждать? "Спросишь ты: "А ваше кредо?" Наше кредо до сих пор — "Задушевная беседа", развеселый разговор!"* Действительно, послала же нам судьба такой подарок — Тимура Кибирова (спасибо Александру Архангельскому за теплые и точные о нем слова**.. Дождались, до поэта все-таки дожили — даст Бог, еще доживем до прозаика. Если, конечно, вообще выживем... Но уж это, и верно, вопрос целиком социальный, и не нам, литераторам, его решать. Вот только кому?

Подготовка текста, вступление
и примечание
Сергея Костырко

---

* Строки из поэмы Тимура Кибирова "Послание Л.С.Рубинштейну".

**Александр Архангель ский. Грядущим гуннам. — "Литературная газета", 18 сентября, 1990.

Александр ШВАРЦ

ЗАМЕТКИ НА КАРТИНАХ

Свойство человека, которое обычно называют талантом, на мой взгляд, изначально не имеет узкой направленности. Человек талантливый может быть талантлив во всех видах своей деятельности и во всех сторонах жизни, — все дело в уровне энергии и его устремлениях.

Например, ставшая банальной идея сродства цвета и звука не обязательно выражается в синтетическом произведении. Просто художник может выражать себя в одном, двух или более видах искусства. В практике это приводит к созданию новых видов синтетического искусства, или просто к варьированию форм демонстраций произведений, например, вернисажи с концертами, перформансы с показом мод, вернисажи с акциями, в которых все участники занимаются, казалось бы, несвойственным им делом. Все это создает среду, вырабатывающую то количество энергии, которое хватает и творцам для беспрерывного самовыражения, и тем, кто потребляет результаты творчества.

Конечно, без тех зрителей, без тех, кого часто называют потребителями, все в жизни художника становится достаточно бессмысленным. И утверждения о том, что художник работает сам для себя, приукрашенные любым количеством умных слов, напоминают лишь о комплексе неполноценности или потаенном ханжестве...

С 1971 года я практически постоянно работал "в стол" и зарабатывал деньги самыми разнообразными способами. Взгляды мои были по тем временам совершенно неприемлемы для официального искусствоведения, но темы политизированной живописи меня не интересовали.

Летом я уезжал из Москвы на заработки, а зимой жил на эти деньги. Однажды я получил, к своему удовольствию, возможность работать в иконописных мастерских, и это не только позволяло мне сносно существовать, но оказывало огромное влияние на мое творчество. Например, изучение перспективы и отношение к объекту внутри композиции у меня резко изменились.

Также мне удалось изготовить несколько крупных настенных росписей в домах культуры в глубокой русской провинции, где контроля за искусством практически не было.

Можно ли сравнить художника с так называемой "обезьяной бога"? Акт божественного творения есть чудо. Ему не требуется

ни материала, ни мотива, ни времени, ни пространства. Мы говорим о творчестве, но с помощью чего-то. Это "что-то" и есть то, о чем задан вопрос.

Серьезнейший вопрос для искусствоведа: существует ли неоригинальное тврчество?..

Вместо вопроса о цвете я бы счел нужным сказать следующее. Меня всегда заставляла задумываться проблема "сюжета и времени", с позиций предметности или беспредметности картин. Сам по себе вопрос о предметности для меня не имеет особого значения. Картины фигуративны, но к реальности обыденного смысла отношения не имеют. Существует некая метафорическая версия, и я не могу точно объяснить, почему и как они реализуются через меня. Слишком много факторов. А такая важная для энергии часть жизни, как настроение?

Они хотят, чтобы я говорил и делал все так, как будто бы я евнух, способный полагаться только на свой "здравый смысл" и безграничное честолюбие, свойственное людям, стремящимся убедить себя в значимости своего столь краткого существования.

Полон благодарных чувств ко всему, что меня окружает, понимая, что нет разницы между мгновением рождения и смерти. Не является ли способность к творчеству защитной реакцией на неспособность осознать смерть, как неизбежную и неизбывную составляющую каждого момента нашей жизни.

Каждая фраза, тем более не специально сочиненная, обладает естественной ритмикой и мелодией. Это трюизм. Но последствия оказываются невероятно плодотворными. Из этих неощутимых структур (очевидно неощутимых), скрытых так же, как информация, в генетическом коде, можно вырастить то, в чем так нуждается художник, поэт, музыкант. Что это? Последствия столь короткого, но полного жизни (всего каких-нибудь 6-7 тысяч лет) существования человеческого сообщества?

Нет. Я прибавлю — осмысленность, эстетика окружающего в том, что гармония, совершенство формы есть атрибутивность природы в ее динамике развития.

Если представить себе язык как наследственный, временной накопитель признаков и согласиться с тем, что в нем есть беспрерывно развивающаяся и усиливающаяся структурность (структура наподобие ДНК) — то приходится признать, что вариантность и потенция знаковых систем безгранична.

Проблема связи решения "времени" и "пространственных объемов": при увеличении количества точек зрения объем объекта увеличивается, а континуум, то есть — изображаемое пространство, как бы сворачивается, замыкается.

Существует ли некая "метафизическая версия картины"? Я не могу точно (логично) объяснить, почему тот или иной объект творчества вызывает во мне необхдимость использовать вполне определенные средства в процессе работы.

Учить намеренно (насильственно) с помощью того, что создаешь, — значит ставить телегу впереди лошади.

Улучшать мир намеренно (насильственно) с помощью того, что создаешь, — значит, стелить дорогу в ад теми самыми добрыми намерениями.

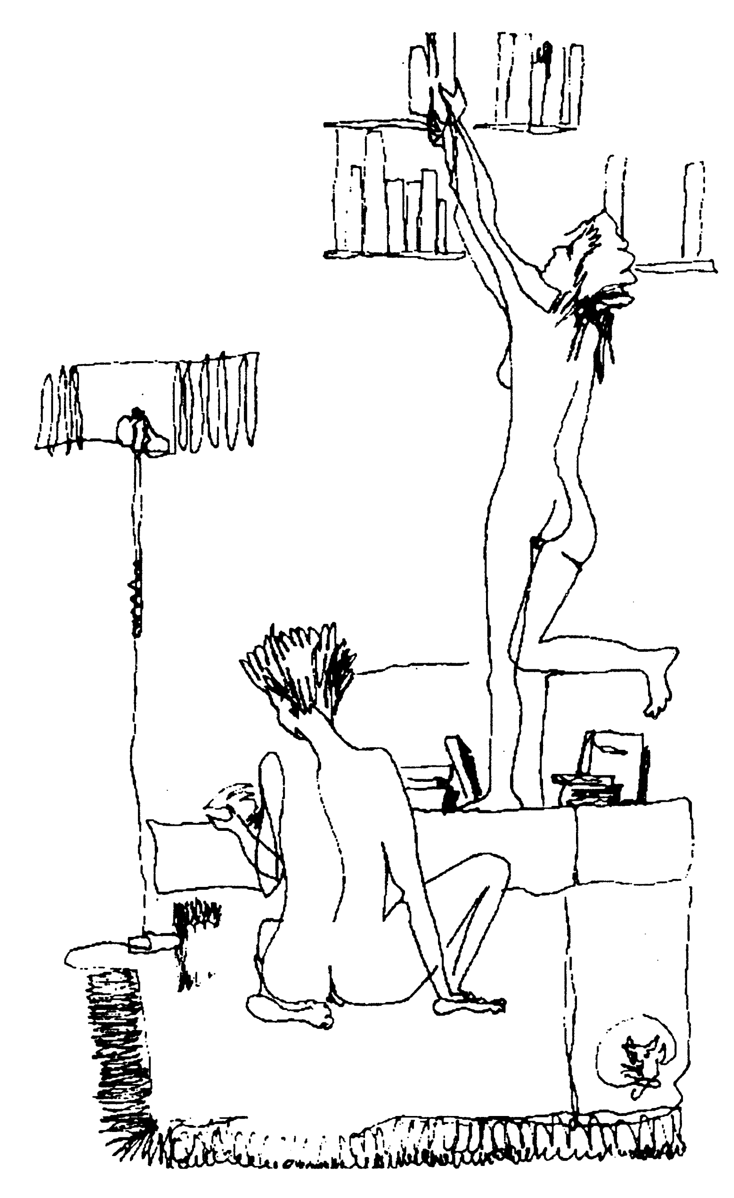
Сюжет — это средство творчества лишь в ряду остальных, - и весьма второстепенное средство. При дурной форме, плохой композиции, отсутствии колорита и "единой черты" сюжет спасает лишь конъюнктурно. То же — и в литературе.

Авангардизм: если в технике или в науке — это путь творчества при наибольшем сопротивлении среды и материала в работе, поиск новых путей, закономерностей и т.д., но в искусстве авангард — это абсолютно свободный, а, следовательно, не имеющий сопротивления (например, в материале творчества) путь, проблема "буриданова осла".

Есть вполне определенные границы восприятия, через которые не перепрыгнешь. Весьма авангардно, например, создать звуковую или световую композицию на ультравысоких частотах, но...

Является ли атрибутикой искусства поиск принципиально новых форм или материалов в творчестве? Мой ответ — это умствование.

В искусстве устаревают не средства, а формы, да и то — не устаревают, а вырастают в традиционные, уже опробованные способы выражения (языки, знаковые системы и т.д.).

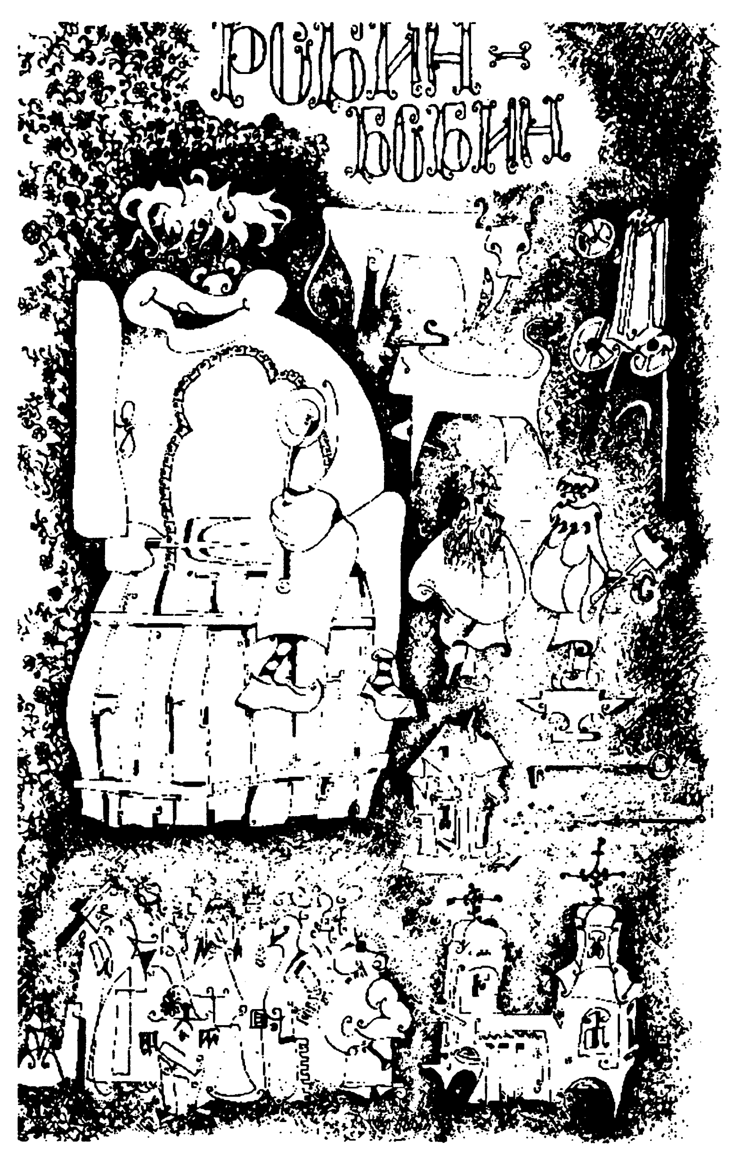
В библиотеке.

«Книга тысячи и одной ночи».

«Книги тысячи и одной ночи».

Робин — Бобин — Барабек.

БАРАБЕК

«Книга тысячи и одной ночи».

Ш.БОДЛЕР. «Цветы зла».

М.БУЛГАКОВ. «Мастер и Маргарита».

Владимир КЛИМОВ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ВЗГЛЯДА
(лоскут-эссе по Александру Шварцу)

Живописный мир Александра Шварца — насквозь зрелищен и тонко протеатрален. И дело не в том, что художник — родом и школой из зрелищ: из сценографического отделения мхатовского театрального училища. И что работал в студии Марка Розовского "Наш дом" (художником, музыкантом, актером), в щукинском театральном училище, в Центральном Детском театре, с режиссером-мимом Ильей Рутбергом, и проч.

Дело в том, что Театр — в крови его живописности и в нервах его красок...

А сценографом не стал принципиально — потому что быть даже графом сцены при режиссере-короле — не в нраве Александра Шварца и не в правилах его своенравного стиля...

Холст — его Театр, рама — рампа, краски — его актеры... Его картины — своеобразные спектакли, где художник — единый творитель: и драматург, и режиссер, и лицедей, и — первый зритель...

Александр Шварц — откровенно, я бы даже сказал, вызывающе, полемически — профессионален... Не порхающий цветоптах, а мастеровой красок, "черно"рабочий линий и штрихов, кузнец форм...

Его мир — не вселенская смазь, не псевдопоэтическая вольность произвольного взмаха кистей, как крыл... А — взвешенная точность, тщательная выстроенность, хорошо просчитанная напряженность и нагруженность каждого мгновенья картинного пространства... Но зато — музыка итога, поэзия целого — оказываются тем непредсказуемей, мистичней и полетней, чем выверенней старт...

Его живопись — жестко безсентиментна. И эта нарочитая сдержанность, почти суровость цвета — прячет от непроницательного взгляда взволнованно взрывной, остро эмоциональный — мир художника...

Краски его смежны, а не смешаны. Рифмучи, а не взаимоуничтожительны цветосмешением...

Как истинный режиссер своих зрелищ каждой своей красочке-лицедейке — он дает возможность попремьерствовать. Каждому цвету-фигляру и пятну-скомороху — позволяет предстать пред зрителем в собственной красе и пластичности...

Каждый мазок его — жёсток и жестов, по-своему закончен и самодостаточен по-своему.

Своеобразная энергия безэнергичного Востока бьет ключом сквозь строгую шварцепись его изысканных линий — то стремительных, то задумчивых.

Он складывает свой живописный мир — из густых, смачных и терпких, заплат. Его коллаживопись склеена из паулеклеецентричных лоскутов и фрагментов, аппликаций и цветовых интонаций, монологичных пятен и эксцентричных статей...

И замечательно было узнать, что Пауль Клее — сын музыканта, как сын композитора — Александр Шварц...

И оба — сами меломаны и музыкантны. Их разнозвучащая живопись — откровенно музыкальна и слышима. Их светопись — весьма джазиста, почти инструментована и аранжирована, пусть не звуком, а цветовым трюком...

Но связь их созвучий — еще глубиннее, чем рифма происхождений...

"Познав правила, преуспеешь в изменениях " — не эта ли реплика китайского живописца Ши-тао (о Восток, так одинаково любый, что Клее, что Шварцу!..) вскрывает природу строгого профессионализма и тщательного мастерства обоих артистов кисти...

Это не учеба А.Шварца у П.Клее — здесь летучая перекличка созвучных натур... Здесь не перепев — а переЖизнь...

Александр Шварц — не художник одного, но пламенного стиля. Его особость — в позиции, а не в композиции. В этике, а не в эстетике, в характере жизни, а не в характере линий...

Бесконечность литературных влияний очень показательна здесь — Гоголь и Гофман, Маркес и Борхес, Эдгар По и "Повесть временных лет". Древнерусская литература и сказки "1001 ночи", русские былины и западные фантасты (Бредбери, Жюль Верн). Немецкие изысканные романтики и площадные богохульства Рабле...

Какой превсякий — веский и вязкий — мир питает пир его фантазий. Лишь одно единит это литературное В С Е — метафорическая сдвинутость. От реальности — в ирреальность. От реализма — в грезизм... Сдвинутость от Жизни — на Искусство. Сдвинутость — на Поэзию...

При такой потрясенности Литературой и проСловесности натуры — не грех было б впасть как в ересь — в неслыханный иллюстратизм...

Но Александр Шварц — *слишком* художник, чтоб так опростолитературиться...

Он и слово воспринимает на цвет и на ритм — то есть исключительно по-живописски, заставляя зрителя столь же настойчиво и настройчиво блуждать и заблуждаться взглядом по картинам, как блуждает и приключается наше внутреннее зрение, воображая словесное сочинение, восстанавливая его в себе — по буквам, будто по нотам...

Лишь иногда, словно следуя славной мейерхольдовской реплике о режиссуре — "Слово в спектакле лишь узор на канве движений", — он вплетает слово в плети и переплетии своих линий...

Бывает, что иное, наиболее своесловное из Слов, вдруг выплетается из уготованного ему переплета и бьет по ушам в то самое

время, когда глаз окончательно заблуждается в хитросплетеньи его штрихов и график.

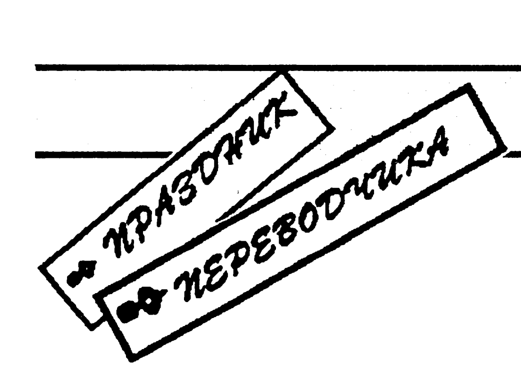
Но тут же догадываешься, что это тонко смизансцененная ловушка хитроумного режиссера ставит слова в такой прелинистый и прештришистый контекст, что они выскакивают из зрелища наиболее откровенно переполненными своей чисто словесной природой — ритмикой, пластикой и даже — графикой...

Театр его картин — очень часто не вмещается в раму, как невместимы иные зрелища — в традиционные сценические коробки, да в четыре стены...

Тогда его живопись срывается — в жизнь, вырывается из цвета — в перформанс, в концерт, в вечер. В музыкальный клуб "Бункер".

Вернисажи таких его работ — развернутый в пространстве — мизансценами в нас — репертуар его зрелищ...

●

Аветик ИСААКЯН

Я видел во сне: качаясь вдали,
Под звон бубенцов шагал караван,
По склонам холмов, по краю земли,
Под звон бубенцов шагал караван.
Я видел — она в шитье золотом
Под белой фатой плыла под венец,
Ей в ноги упал, взмолился: "Постой !.."
По сердцу верблюд пронес бубенец.
Растоптан вконец, навек одинок
Остался лежать в дорожной пыли...
Остался лежать... Но слышать я мог ,
Как сладостный звон качался вдали.

Пер. Ашот САГРАТЯНА

ИМР-УЛЬ-КАЙС

КАСЫДА

Постойте, поплачем, возлюбленной встретив жилище,
И вспомним то племя, что некогда здесь кочевало,
Тудых и Микрат все живут средь песков бесконечных,
Рисунок их виден, хоть ветры им вольно играли,
Ты видишь оленя помет на пространствах безлюдных,
Развеянный всюду, как перца мельчайшие зерна...
И будто я снова стою на пороге разлуки,
Как в день, что грузились они меж кустов недотроги.
Остановим верблюда, послушай, — твой друг говорит, —
Не поддайся тоске, будь спокоен, как в день расставанья,

Но обильные слезы невольно катятся из глаз.
Не в слезах ли забытых причина такого страданья?
Так же горько прощался ты здесь с Умм Раббат,
С Умм Хувайрис,— имена их и сладость, и боль
прежних лет воскрешают...
После сна запах мускуса нежный исходит из них,
И гвоздикой повеет тот ветер, что их повстречает,
И слезы струятся из глаз от нахлынувших чувств
На перевязь мне и до ножен порой достигая...
Как много я радостных дней проводил среди вас!
Тогда я для дев своего заколол скакуна
И пир им обильный устроил на месте постоя.
И весело мясом и жиром бросались они,
Как ткани роскошной кусками с седой бахромою.
В тот день я пробрался к Унайзе, в ее паланкин,
И слышу: несчастный безумец, спускайся отсюда!
Она говорит, а седло уже съехало вниз,—
Слезай же скорей, Имрулькайс, ты задавишь верблюда!
Сказал я: не бойся, оставим верблюда,
О дай насладиться твоей красотою;
Я видел беременных, кормящих грудью,
И тем, и другим не давал я покоя...
Как-то мне на песчаном холме отказала она
И дала нерушимую клятву, отказ закрепляя.
О Фатима, помедли с кокетством, прошу, ты хоть раз,
Будь жестока, коль хочешь, но ласки совсем не лишая.
Ты ужели не видишь — любовь убивает меня,
И покорное сердце любое исполнит желанье.
Ну, а если мой нрав не пришелся тебе по душе,
Что ж, не будем лукавить, оставим друг друга скорее.
Видишь: глаз твоих слезы, как стрелы, сражают меня,
И израненным сердцем я чувствую боль все сильнее.
Как много я женщин познал в паланкинах запретных,
С которыми мог не спеша разделять наслажденье.
Но прежде - пробраться сквозь стражу их родичей верных,
Чей облик свирепый во мне пробуждал опасенье.
Когда в небе ночном загорались звезды,
Как расшитого пояса гибкие складки,
Я вошел,— а она уж ко сну собиралась,
Сбросив все, кроме самой последней рубашки.

Аллахом клянусь, ты искусный хитрец,
Но лишь заблужденье тебя привело...
Мы вышли вдвоем, и по нашим следам
Влачила она покрывало свое,
Мы стан обошли, и в ущелье наш путь пролегал,
Чье дно плотнослипшийся влажный песок покрывал.
Я приблизил ее за виски, и склонилась она:
Тонкостанная, с полными ножками ниже колен,
Белоснежная, полная в меру, на диво стройна.
. . . .
Вся она — как жемчужина, смесь белизны с желтизною,
Что питалась подземных источников чистой водою.
Повернется — и выдаст тревогу овал безупречный,
Словно лани испуганной я потревожил семейство.
И шея ее без изъяна, как шея газели,
Подъята высоко, и видны на ней украшенья;
А локон, спадающий на спину, черен, как уголь,
Иль лучше — как фиников спелых тяжелая гроздь,
Часть прядей откинута вверх, и теряется лента,
Сквозя среди собранных и распрямленных волос,
И стан перетянут, как ветка, на талии тонкой,
Нога — словно стебель папируса, длинный и сочный.
Встает она утром неопясанной, сонной,
И мускус струится с постели ее благовонной.
Она освещает мрак ночи, подобно лампаде
В пустыне отшельника, что свой обряд совершает.
К таким, как она, загорается страстью любовной
Достойнейший муж, ослепленный красой молодою,

Увы! От недуга любви исцелятся другие,
Лишь сердце мое будет вечной томиться тоскою...

Пер. Марии РУДАКОВОЙ

Мария РУДАКОВА — студентка III курса Института стран Азии и Африки МГУ, изучает арабскую филологию, любит и тонко чувствует поэзию. Перевод касады Имр-уль-Кайса (V-VI вв.), одного из создателей этого жанра восточной поэзии, — творческий дебют юной переводчицы.

ПОЛЬСКИЕ ПОЭТЫ О ГОЛОКАУСТЕ

Чеслав Милош говорил как-то, что полякам должны быть особенно близки судьбы древних евреев и их Книги. То же содержание истории: восстания, репрессии, депортации, жизнь в рассеянии , в изгнании... Но не только об этой аналогии думал Милош , когда в середине 1970-х годов, человеком шестидесяти с лишним лет, он стал изучать древнееврейский язык, чтобы переводить книги Ветхого Завета. В этом решении, признавался он, "...сыграли роль и мои очень горькие раздумья о Польше как о земле, обесчещенной преступлением человекоубийства. Связь с Ветхим Заветом имеет для меня характер очищающего обряда. Я не знаю, в какой степени люди в Польше отдают себе отчет в том, что произошло в 1939-1945 годах, в смысле — я бы сказал — некой порчи на эту землю...".

Очищением, снятием "порчи" с польской земли, оказавшейся землей Освенцима, стала польская поэзия. Среди польских поэтов середины и второй половины XX века мало найдется таких, кто не отозвался на трагедию Голокауста. Здесь печатаются три стихотворения трех крупнейших ныне живущих польских поэтов — Чеслава Милоша, Тадеуша Ружевича, Збигнева Херберта.

Стихотворение Милоша "Campo di Fiori "написано в дни гибели Варшавского гетто. Сейчас оно стало в Польше хрестоматийным, вошло в школьную программу. А впервые появилось в книге Милоша "Спасение" (1945). С 1950 года, когда Милош стал "невозвращенцем", его стихи были в Польше запретным плодом, вплоть до 1980-го, года присуждения ему Нобелевской премии. В Москве же русские переводы из Милоша начали появляться лишь два года назад, и первая публикация в журнале "Новый мир" как раз и открывалась стихотворением " Campo di Fiori".В творчестве Ружевича еврейская тема занимает существенное место. Одна из его поздних пьес, "Западня"(1982, русский перевод - 1989), посвящена Францу Кафке. Кафке — и гибели восточноевропейского еврейства, гибели, все время просвечивающей сквозь текст пьесы. В поэзии же Ружевича воспоминания о жизни соседей-евреев в

довоенном польском городке, о гибели польских евреев — стихотворения, строфы, строки - многочисленны. По-русски Ружевича печатают давно, но еврейская тема почти не просачивалась через фильтры издательской и журнальной цензуры. Впервые печатается здесь стихотворение "Живые умирали" из первой книги стихов Ружевича "Беспокойство" (1947). Эта книга была и осталась одной из основополагающих книг всей послевоенной польской литературы, литературы "после Освенцима".

Збигнев Херберт предстает в своей поэзии и эссеистике историком европейской культуры, историком средиземноморской цивилизации. В его поэзии часто присутствуют греческая и римская античность, много реминисценций из Ветхого Завета, есть реалии древней Иудеи и Иерусалима. Восточноевропейскому еврейству, его культуре, его мудрости, его гибели посвящено лишь одно стихотворение Херберта — "Господин Когито ищет совета". Образ Господина Когито появился в одноименной книге ("Господин Когито", 1974). Господин Когито (от декартовского "cogito, ergo sum" — я мыслю, следовательно, я существую") — это средний, рядовой интеллектуал, рядовой думающий человек второй половины XX века среди сложных, неразрешимых противоречий эпохи. Но это чуть-чуть и сам Херберт, интеллектуал весьма нерядовой и один из выдающихся поэтов современности (заслуженно удостоенный многих международных премий и премий разных стран и городов, в том числе премии Иерусалима). За советом Господин Когито хотел бы обратиться к человеку начала прошлого столетия, к знаменитому брацлавскому цадику, рабби Нахману. Но нет того Брацлава, нет той культуры, все эти города и люди погибли, исчезли. И умерший давным-давно рабби был, как видится Херберту, сожжен в нашу эпоху, в годы Голокауста, вместе со всеми евреями Восточной Европы, со всем их миром, исчезнувшим навсегда. Большой цикл стихов Херберта появился по-русски в 1973-м, но затем поэт надолго попал в "черный список", и вторая публикация появилась лишь в 1990-м.

Владимир БРИТАНИШСКИЙ

Чеслав МИЛОШ

CAMPO DI FIORI

В Риме на Кампо ди Фьори
Груды маслин и лимонов,
Булыжник вином забрызган
И лепестками цветов.
И розовые дары моря
Сыплют на стол торговцы,
И темная гроздь винограда
Ложится на персика пух.

На этой именно площади
Сжигали Джордано Бруно,
Палач разжигал здесь пламя
В кругу любопытной толпы.
Едва лишь пламя погасло,
Вновь были полны таверны,
Груды маслин и лимонов
Торговцы опять несли.

Я вспомнил Кампо ди Фьори
В Варшаве, у карусели,
В погожий весенний вечер,
При музыке плясовой.
Залпы в варшавском гетто
Внушила музыка танца,
Взлетала за парой пара
В погожее небо ввысь.

Порой из домов горящих
Летели черные хлопья,
И едущие на карусели
Ловили их, как лепестки.
И вихрь от домов горящих
Платья взвивал девичьи
В веселой воскресной Варшаве,

Смеявшейся по-людски.
Мораль здесь выведет кто-то,
Что люд варшавский иль римский
Торгует, смеется, любит,
Не видя ни жертв, ни костров.
А кто-то сделает вывод,
Что все людское не вечно,
Еще и костер не догаснет,
Забвенье уже растет.

Но я о другом подумал,
Об одиночестве гибнущих,
О том, что, когда Джордано
Всходил на свой пьедестал,
В людском языке не нашел он
Ни одного выраженья
Прощания с человечеством,
Которое он оставлял.

Бежали, спешили выпить,
Продать рыбачью добычу,
Груды маслин и лимонов
Несли в дневной суетне.

Он был уж от них далеким,
Как будто прошли столетья,
А ждали они лишь мгновенье
Отлета его в огне.

И здесь: одиноко гибнущие,
Уже забытые миром,
Язык наш стал для них чуждым,
Как речь далеких планет.
И все это будет легендой,
И через многие годы
На новом Кампо ди Фьори
Бунт словом зажжет поэт.

Варшава, Страстная неделя 1943 г.

Campo di Fiori — Площадь Цветов *(итал.)*.

Тадеуш РУЖЕВИЧ

ЖИВЫЕ УМИРАЛИ

Замурованные живые умирали
черные мухи откладывали яйца
в человеческое мясо
День за днем
мостовые мостили
опухшими головами.

Отец Арон
с бородой из плесени и мха
с головой из белого сиянья
которое дрожало и гасло
пока не умер ел из рук
увядающими губами
и отворял бирюзовые очи.

В тесноте
тела распухали.

Саля яблоки продавала
серебряные пахнущие садом
у ворот ведущих наружу
а ворота были из лазури.

Между бормотаньем
и рыжей харкотиной
между лишаем стены
и трупом прохожего
с окоченевшим оком
между камнем
и воем безумицы
стояла Саля в красном платье
а краски набирали яду
и яблоко гнило в ладонях
смуглых. Из запаха
выкручивался белый червь.

Яблоки вяли яблоки гнили
мать умирала.

Никто не носил уже яблок в гетто
никто не покупал уже яблок в гетто
День за днем
тела падали вниз.

Збигнев ХЕРБЕРТ

ГОСПОДИН КОГИТО ИЩЕТ СОВЕТА

Столько книг словарей
толстенных энциклопедий
но не у кого просить совета

изучили солнце
и луну и звезды
обо мне забыли

моя душа
отказывается от утешенья
знанья

она бредет сквозь ночь
дорогами отцов

и вот
местечко Брацлав
средь черных подсолнухов

место которое мы покинули
место которое кричит

субботний вечер
как всегда в субботу
является новое Небо

— я ищу тебя рабби

тут его нету —
говорят хасиды
— он в мире шеола

— смерть его была красива
говорят хасиды
— так красива
как если бы он перешел
из одного угла
в другой угол
весь был черный
в руке держал он
горящую Тору

— я ищу тебя рабби

— за которым небом
скрыл ты мудрое ухо

— болит мое сердце рабби
— у меня заботы

быть может совет мне дал бы
рабби Нахман
но как же его найду я
средь пепла стольких сожженных

Перевод и вступление
Владимира БРИТАНИШСКОГО

«ЗВЕЗДНОЕ ЗАТМЕНИЕ» — первое издание в России стихов великой немецкой поэтессы Нелли ЗАКС (1891-1970), удостоенной в 1966 г. Нобелевской премии «в знак признания выдающихся лирических и драматургических произведений, где с трогающей силой раскрываются судьбы Израиля».

Это издание стало возможно благодаря помощи Марины КОГАН и Медеи СУРМАВА. Мы признательны также Израильско-Российскому Энциклопедическому Центру и издательству «Физкультура и спорт».
Вторая книга издательства «НОЙ» — и первая книга Нелли ЗАКС в России. Чувство гордости смешано с горечью и болью... все равно что издать впервые в бескрайней стране Рильке, Томаса Элиота, Сальваторе Квазимодо, Чаренца, Такубоку, Юлиана Тувима, Габриэлу Мистраль, Борхеса, Тициана Табидзе... этого не должно было быть.

"Наконец-то, наконец в издательстве «НОЙ» выходит книга переводов, подготовленных Владимиром МИКУШЕВИЧЕМ — как это выговорить? — еще в 60-е годы. По "обстоятельствам", которые тогда казались дошлым и практичным людям само собой разумеющимися, а сейчас представляются неправдоподобной байкой, издание, уже включенное в планы, выбросили из этих планов ввиду... разрыва в 1967 году дипломатических отношений с Израилем. То был несусветный срам, лежавший на нас всех. Слава Богу, что он хотя бы теперь будет избыт".

Сергей АВЕРИНЦЕВ.

"КНИГА НАЧАЛ" *— не только первая книга издательства «НОЙ». Это первое в мире издание, где собраны первые фразы знаменитых книг. Это библиотека на ладони.*

"Любой мог бы составить такой сборник. Однако поленился. А вот Вардван Варжапетян честно отсидел свое в библиотеке, сделал выписки, заложил закладки... Правдивость «КНИГИ НАЧАЛ» — в ее непредвзятости и, наверное, в доброжелательности по отношению к будущим читателям".

Мария СЕТЮКОВА, «ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА»

"На наших книжных полках стоит ОДНА КНИГА. Книга, которую начали писать задолго до нашего появления и продолжат много после. Потому что человечество, увиденное изнутри, это ОДИН ЧЕЛОВЕК. Пишущий, думающий, страдающий, надеющийся, живущий и умирающий, я, ты... Кому же, как не издательству «НОЙ», напомнить нам об этом".

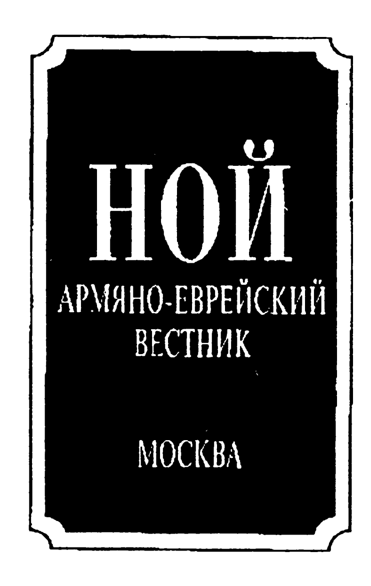
Игорь ШЕВЕЛЕВ, «ОБЩАЯ ГАЗЕТА»

"Вардван Варжапетян выпустил книгу, на каждой из двухсот с лишним страниц которой размещена одна фраза: начало какого-либо художественного произведения. "Он поет по утрам в клозете" (Олеша, "Зависть"), "Мелеховский двор — на самом краю хутора" (Шолохов, "Тихий дон"), "Все книги — и великие, и убогие — начинаются с первой строки" (Варжапетян, "Книга начал"). И так далее. Предложенная модель, при всей внешней незатейливости, отсылает к достаточно широкому кругу культурологических проблем".

Вячеслав КУРИЦЫН, «СЕГОДНЯ»

Сейчас мы готовим:

второе издание **"КНИГИ НАЧАЛ"** — иллюстрированное. *Специально для нее передали свои работы Татьяна МАВРИНА, Юрий НОРШТЕЙН, Павел БУНИН, Левон ХАЧАТРЯН, Татьяна СЕЛЬВИНСКАЯ. Александр АНТОНОВ, Александр ШВАРЦ, Нина ТАРХАН-МОУРАВИ, Марк ИБШМАН, Гавриил и Александр ЗАПОЛЯНСКИЕ, Вячеслав ПОЛИЩУК, Вячеслав ПОНОМАРЕВ, Анатолий УР, Юрий АВАКЯН, Ольга ПЕТРОЧУК. Обещали дать свои работы для "КНИГИ НАЧАЛ" Максим КАНТОР, Лев ТОКМАКОВ, Ксана ШИМАНОСКАЯ, Андрей МАРКЕВИЧ, Давид ХАЙКИН, Адольф ГОЛЬДМАН, Анатолий ЯКОВЛЕВ, Сергей МЕДВЕДЕВ, Дмитрий ПОЛГАР, Дмитрий КАРАБЧИЕВСКИЙ, Юрий БЕДАРЕВ...*

НОЙ
АРМЯНО-ЕВРЕЙСКИЙ
ВЕСТНИК
МОСКВА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД

«ЗАПОВЕДНИК ИСКУССТВ»

Москва 103051, Петровский бульвар, 12-9. Тел: 921 02 60

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

Мы, нижеподписавшиеся, выражаем единое мнение:

Москва должна остаться историко-культурным центром, и к этому нужно приложить все усилия общественной энергии.

За последние десятилетия колорит Москвы был настолько безвозвратно утрачен, что любое его проявление сегодня есть величайшая ценность, требующая самых серьезных охранительных мер. В этой связи Творческое Объединение "Белая Река", как составная часть Свободной Академии, возникшей четыре года назад в брошенном доме на Петровском бульваре, ныне образованная в Общественный Благотворительный Фонд "Заповедник Искусств", является таким уникальным и колоритным уголком Москвы, местом бесконечного паломничества случайных и неслучайных зрителей.

Здесь можно увидеть уникальную коллекцию исторического костюма, услышать необычные этические опыты в музыке, присутствовать при совершении обрядового действия, увидеть последние достижения современных пластических искусств и познакомиться с интересной четой пенсионеров, проживающих в доме на Петровском в тесном контакте с молодым поколением художников.

Здесь ищут новое и с любовью относятся к старине. "Петровский бульвар, 12" существует как свободная творческая зона, отстаивая независимую и некоммерческую жизнедеятельность художников. "Петровский стиль", утверждаемый ведущими идеологами Фонда: Александром Петлюрой, Александром Осадчим, Александром Лугиным, Екатериной Рыжиковой, Святославом Пономаревым, Алексеем Тегиным, Германом Виноградовым, Ростиславом Егоровым, Аристархом Чернышевым, стал творческим кредо и опорой молодого поколения людей, нашедших в стенах "петровского" дома и сада свое единственное духовное пристанище.

Свободное творческое пространство Петровского бульвара - это линия обороны духовных традиций Москвы.

Мы против того, чтобы великий город, где когда-то было место художникам, поэтам, юродивым и шутам, стал стерильной гостиницей и мещанским универмагом под названием MOSKVA.

Отстоять Петровский бульвар от сноса, как сложившийся артистический центр Москвы, - дело чести каждого, кто ощущает себя Москвичом и Гражданином России.

СОДЕРЖАНИЕ ВЕСТНИКА «НОЙ» ЗА 1992-1994 гг. (№ 1-8).

СОДЕРЖАНИЕ

Борис ГОЛЛЕР (Маале-Адуммим)

НЕСКОЛЬКО СТРОЧЕК НА ПОЛЯХ БОЛИ, ПУСТОТЫ И ОТЧАЯНИЯ.

Из Петербурга — еще одна морозная, беспощадная весть. Скончался ИГОРЬ БАБАНОВ. Писатель. Российский литератор. Общественный деятель армянского национального движения. Петербуржец. Уроженец Тбилиси... « Одна физическая жизнь, — говорил Ю.Лотман, — порой вбирает в себя несколько жизней...» У нас, в человеческом пространстве, именовавшемся «союз нерушимый», это происходило на каждом шагу. Впрочем... эти слова и эти кавычки в применении к «союзу» не должны быть поняты в негативном смысле. Может, не стоило народам так торопиться разбегаться? Ну, вот он и рухнул — Союз — ну и что?... И сколько погребенных под его развалинами!

Я получил эту весть о смерти Игоря под Иерусалимом. Под окном моим выла и стонала под ветром пустыня наших праотцов. И в окне каждые несколько минут меняли свой цвет горы. Розовые, серые, коричневые, в бродячих тенях от проплывающих облаков, уже в феврале, — покрытые редкой зеленью... Горы напоминали Армению. Армению — которую я люблю, и в которой никогда не был.

Говорю эти слова о любви не для того, чтобы снискать чьи-то симпатии или, напротив, антипатии. Или приобщиться к одной из мировых трагедий, разыгрывающихся на сегодняшней сцене. А потому, что человек, о котором я осмеливаюсь вести речь — считал эту трагедию своей. Кровной. Принадлежал ей по праву. И от него она потребовала «не читки с актера» — «но полной гибели всерьез».

Мы познакомились с Игорем Евгеньевичем Бабановым в конце 70-х. Когда он появился у нас в «Профгруппе писателей». — Была такая группа литераторов, при Ленинградском СП, которую вечно пытались разогнать. Она давала крышу некой законности существования неслужащим литераторам. Старикам, которые знали уже, что их литературная жизнь не удалась. И иным — помоложе, которые надеялись, что им эта жизнь еще удастся. Кстати, в эту группу входил все годы после ссылки — и непосредственно до отъезда из страны — Иосиф Бродский.

Помню первое выступление Бабанова на одном из годичных собраний группы... Сидевшая рядом со мной, тогда близкая моя приятельница, милая женщина — переводчик — сказала почему-то с редким недружелюбием:

— Какая ломкость!

Я удивился и возразил: — Почему ломкость? Просто пластичность!

Моя приятельница, пришел срок, обнаружила в себе дюжинную антисемитку, причем, злобную. Это — несмотря на петербургское воспитание и «длинную цепь предков» — интеллигентов. Я после встречал в Хайфе людей, которые покинули Россию, наслушавшись ее речей. И я только теперь понял, почему ей тогда так не понравился Игорь. Который нравился решительно всем и до времени не имел, похоже, личных врагов.

В нем был очень силен «национальный компонент» армянина. Армянского интеллигента. Поза, мимика, жесты. Все было необыкновенно пластично. Руки двигались по каким-то своим орбитам — и это было несомненно музыкальное движение. Его роскошный русский язык хранил — нёбной занавеской — мягкое прикосновение других фонетик.

Он был редкостно красив. Признаюсь, впервые в жизни отличаю в мужчине эту черту. Всегда считал ее второстепенной, чаще лишней. Но в нем она имела свой смысл. Зто была красота особая - верно, нравившаяся женщинам, но вовсе не раздражающая мужчин. Ибо не внушала им комплекса неполноценности. На щедрый дар природы здесь, как бы, была наложена узда: некой отрешенности. Духовной аскезы, которую Блок очень точно назвал —«утомительной способностью жить высшими интересами».

Такие лица встречались, должно быть, в дальних монастырях — у границ «разоренных империй». Мы знали друг друга уже достаточно долго, а подружились в одночасье однажды — при случайной беседе. Он спросил меня: «Вы занимаетесь Грибоедовым?» И стал рассказывать некую притчу.

« — Моя двоюродная сестра — она живет здесь, в Ленинграде, — получила в подарок от двоюродной прабабушки колечко с бирюзой. И, как принято у нас, армян, попросила в письме прабабушку рассказать ей историю кольца... Та ответила ей: — Твой прапрадедушка ходил с караванами в Иран. Путь их лежал мимо каменоломен, где разрабатывали бирюзу. И рабочие, бывало, за бесценок сбывали путникам маленькие осколки. Однажды у дедушки не хватило денег, а ему очень понравился камень, и рабочий отдал его просто так... Но не в том дело, что дедушка твой получил этот камешек в подарок. А в том, что караван, с которым он шел, вез тело убитого Грибоедова!..»

Я, честно, позавидовал тогда человеку, а подумав — народу, который умеет так хранить память своих предков, что между нами и

Грибоедовым может оказаться пространство чуть меньше воробьиного шага... одно звенышко всего — семейная реликвия, колечко с бирюзой!

Он был блестящий литератор — переводчик, филолог, культуролог, лингвист. Он знал столько языков, что неудобно назвать — нам, людям, с трудом, со словарем, овладевающим одним — помимо родного. Он был первоклассный германист, перевел и откомментировал уникальный двухтомник переписки Шиллера с Гете — более тысячи писем! — подвиг, какой, право, должен быть отмечен в нашей словесности. Но его эрудиция помогала ему так же владеть профессией наиважнейшей — прекрасной и неблагодарной, но без которой не может существовать литература: его коньком был комментарий — филологический, исторический, философский, мифологический.

Он как-то написал мне в письме: «...сейчас у меня бедняжка Дидона на руках; бросил ее Эней окончательно, а теперь я ее домучиваю.... я ведь пишу натужно, едва делаю страницу в день, и устаю необыкновенно; конечно, работа увлекательная, но и адски сложная, потому что массу информации нужно уложить в небольшую статью... статья о Дидоне, так там более пятидесяти пьес было написано в XVI-XX в., и о них нужно как-то рассказать...»

Дидона в его устах была «бедняжкой Дидоной»: короткой знакомой. Как почти все персонажи греческих мифов. Его настольной книгой было «Описание Эллады» Павсания. Нужно было слышать, как он произносил имя Кристины Вульпиус — гражданской (поначалу) жены Гете - работницы цветочной фабрики, которую не хотел признавать веймарский свет.

« — Что будем делать с Гете? — спрашивали придворные герцога Карла Августа. — Ну, вероятно, — сказал герцог, помедлив, — вероятно... не придется стать крестным отцом младенца!..»

Игорь рассказывал эту историю неподражаемо. Весело и легко — и с какой-то легкой грустью: как рождественскую сказку для литераторов той страны, где история литературы, как известно, «или мартиролог, или реестр каторги». Он, по-моему, точно знал, каким жестом великий герцог выколачивал свою трубку, прежде чем — собственным ключом — открыть калитку в сад перед домом Гете. В присутствии Гете не разрешалось курить никому. Кроме одного — но этот один был Шиллер!

И были Шиллер, и Гете, и Винкельман, и Дидона, и удивительная семья — красивая семья — жена и сын...

"Но однажды суровое время
Кулаком постучалось в окно...
Ни отсрочек, ни белых билетов —
В этот час никому не дадут..."

Филолог, кабинетный ученый, автор тончайших комментариев к сложнейшим текстам — стал деятелем. Пришла армянская беда: беда Сумгаита, Баку, Спитака. И он ощутил ее с самого начала — осью своей жизни. Ее горчайшим смыслом. И отдал ей, практически, все годы — все, что оставалось. Что отделяло его от общего порога наших дел и бед. Он был организатором «Петербургского комитета гуманитарной помощи Карабаху». И душой этого комитета. Но об этой части его судьбы и жизни, может, лучше расскажут другие — те, кто непосредственно в этом всем был рядом с ним.

То письмо, которое я цитировал здесь, Игорь послал мне в больницу, в инфарктную палату. Он советовал мне ничего не читать, кроме Диккенса, и так же писал: «Поправляйся скорей, дружище, нам ведь еще столько нужно сделать в этой жизни! У меня, кстати, возник один план, о котором поговорим позже...»

Какой план — я так и не узнал. Я встал после болезни и вышел - почти уже в страну Сумгаита. И в ней все меньше говорили о литературе...

Дух нынче терпит поражение — на всем пространстве огромной, некогда единой страны. Но это вовсе не значит, что завтра он не будет востребован.

Из всех — шести или семи — значений божественного «логоса» древних греков — Л.Толстой выбрал одно: «СМЫСЛ ЖИЗНИ».

февраль, 1994

Редактор В.Варжапетян
Главный художник В.Петров
Обложка художника М.Ибшмана

Набор и верстка
выполнены фирмой
«МОБИ ДИК»

Формат 84x108 1/32
Бумага офсетная
Тираж 999 экз.

ТОО «Типография ПЭМ»
121471, Москва, Можайское шоссе, д. 25
Заказ № 73

НОЙ
נח
תשנ"ד • ח